

UNIVERSITY OF WROCLAW
BIBLIOTEKA

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

<http://rcin.org.pl>

ИЗДАНИЕ СОВЕТСКОЕ
Е. С. ДВОЖКОВА

МАШИНА ПИСЬМА

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

МЕЛОЧИ АРХІЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

(Картинки съ натуры).

ПРИЛОЖЕНІЯ: РУССКОЕ ТАЙНОБРАЧІЕ.

Тайнобрачіе въ Россіи, несомнѣнно, существуетъ и, притомъ, въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Едва ли въ какомъ-либо общественномъ кружкѣ неизвѣстно хотя одно супружество, сочетаніе котораго не вполне законно или, даже, совсѣмъ противозаконно. А между тѣмъ, всѣ эти браки тѣмъ-то повѣнчаны и гдѣ-то записаны и терпятъ «ради слабости человѣческой» и ради страха суровой строгости неподатливаго закона. Наше положеніе таково, что мы какъ бы не можемъ обходиться, не обходя закона. Оттого, кажется, у насъ такъ и велика народная терпимость. Но, тѣмъ не менѣе, наше тайнобрачіе не представляетъ собою чего-нибудь совершенно безнабавнаго и безправственнаго. Напротивъ, въ немъ замѣтно даже уваженіе русскаго человѣка къ границамъ свободы въ предѣлахъ правственности и эстетики. Это всего удобнѣе можно наблюдать въ интересной практикѣ, которую выработало русское тайнобрачіе, до сихъ поръ удивительнымъ образомъ пренебрегаемое изслѣдователями нашего народнаго духа въ самыхъ глубокихъ и смѣлыхъ его проявленіяхъ.

За «обиліемъ матеріаловъ», упорно склоняющихся въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, изслѣдованіямъ такого рода нѣтъ еще мѣста, и потому приходится касаться ихъ только слегка и издали и, притомъ, по какому пошло случаю и въ какой пошло формѣ.

Я расскажу, что мнѣ извѣстно объ этомъ интересномъ предметѣ, именно, по поводу свадьбы дяди Никса, которая, въ связи съ другимъ случаемъ тайнобрачія въ нашемъ литературномъ кружкѣ, дала мнѣ возможность ознакомиться съ удивительнымъ механизмомъ этого своеобразнаго тайностроительства.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ довелось быть въ одномъ гостепріимномъ домѣ, гдѣ собралось много разнаго званія людей.

Это относилось уже къ послѣднему времени, которое нѣкто удачно называетъ временемъ «реставраціи упадка нравовъ». Охота ко всякаго рода трактатамъ и преніямъ тогда уже прошла, и такъ-называемые образованные люди не находили болѣе удовольствія въ обмѣнѣ мыслей. Мысли были изгнаны изъ обращенія, и всѣ, отъ прыткаго поручика до авантюжнаго тайнаго совѣтника, обратились къ универсальному русскому средству «убивать время», — *стлы за карты*. Литераторы и ученые не отставали отъ явныхъ поручиковъ и тайныхъ совѣтниковъ: и они садились за ломберные столы безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и рѣзались съ тѣми самыми чиновниками, на которыхъ недавно еще изливали жгучій ядъ своихъ обличительныхъ сарказмовъ.

Объ эту пору литературный старовѣръ, не приручившій себя къ картамъ, уже составлялъ для хозяевъ извѣстное бремя. Онъ это чувствовалъ и, сознавая свою отсталость отъ современнаго общественнаго прогресса, прятался куда-нибудь «къ чудакамъ». Если же случай застигалъ его врасплохъ среди «новѣйшихъ» людей, онъ сибѣниль сокращаться и исчезать, не нарушая господствующаго строя занятій.

Въ такомъ положеніи очутился и я на томъ вечерѣ, съ котораго начинаю мое повѣствованіе.

Драгоценными свѣдѣніями въ области этихъ, не имѣющихъ письменной исторіи, событій, я обязанъ духовнику моего гостепріимнаго хозяина, столичному протоіерею, внушительную фигуру котораго описать дано не моему перу.

Онъ появился на иршествѣ какъ разъ въ то время, когда я собирался оттуда удалиться во-свои, и былъ виновникомъ, что мнѣ это не удалось, — о чемъ я, однако, не жалѣю. Такъ какъ всѣ столы уже были заняты и для пренодобнаго отца не находилось пристойной партіи, то хозяева

были въ затрудненіи: къ чему имъ пристроить своего почетнаго духовника, и рѣшили принести ему въ жертву мое безприкаянное недостоинство.

Съ этою цѣлью меня немилосердно придержали и представили протоіерею съ рекламирующею аттестаціею, какъ автора «дьякона Ахилки».

Но преподобный отецъ сначала былъ неутѣшенъ: подавъ мнѣ руку, онъ поправилъ у себя на груди важныя кавалеріи и обратился къ хозяевамъ съ словами горькаго упрека:

— Ахилку мы читали, и кто онаго авторъ — знаемъ, а чтобы своего духовнаго и вѣнчальнаго отца безъ пульки оставить, такъ это можно сдѣлать только совѣмъ забывши законъ.

Но однако потомъ дѣло обошлось и, притомъ, къ неопи- санному моему удовольствію, потому что я встрѣтилъ въ отцѣ протоіереѣ человека чрезвычайно пріятнаго: умнаго, добраго и большого практика.

Какъ только хозяева устроили его за однимъ столомъ «въ мотью», онъ пересталъ негодовать и, усѣвшись въ мягкомъ креслѣ, позволилъ мнѣ заговорить съ нимъ объ одномъ, иѣкогда сильно меня интересовавшемъ, церковномъ дѣлѣ.

Поводомъ къ развившейся у насъ интересной бесѣдѣ послужило одно чрезвычайно казусное событіе, о которомъ въ свое время много говорили въ русской печати, но никогда не коснулись того, что въ этомъ было самаго возмутительнаго и самаго интереснаго и прямо било въ глаза.

Одни довольно извѣстный въ свое время литераторъ принималъ къ себѣ въ домъ тоже довольно извѣстнаго педагога. Они были друзья, но потомъ поссорились, и педагогъ поступилъ непедагогично: онъ сдѣлалъ на своего гостепріимнаго товарища доносъ съ цѣлью доказать, что особа, почитаемая за жену этого писателя, совѣмъ ему не жена, и дѣти ихъ не могутъ считаться дѣтьми признающаго ихъ отца.

Ежедневныя газеты занимались этимъ дѣломъ съ одной общедоступной стороны, — именно, со стороны «скандала въ благородномъ семействѣ», и притомъ въ такомъ семействѣ, глава котораго принадлежалъ не къ фаворитному изъ тогдашнихъ направленій. Болѣе достойнаго вниманія въ этомъ

дѣлѣ печать ничего не усмотрѣла, но я позволю себѣ теперь, въ запоздалый слѣдъ, указать то, что тутъ составляло самый важный интересъ и было пропущено.

Супружество, о которомъ сдѣлалъ доносъ педагогъ, дѣйствительно было не изъ законныхъ, но оно, во всякомъ дѣлѣ, было супружество вѣнчанное или, какъ говорятъ иные, «въ церкви штое». А между тѣмъ, когда, вслѣдствіе доноса, представилась надобность доказать вѣнчаніе, то объ этомъ нигдѣ не оказалось никакихъ записей и никакого слѣда.

Стояла на землѣ церковь, въ которой все сіе «шѣта бяху», жилъ и наслаждался полнымъ благоденствіемъ батюшка, который призывалъ на брачавшихся Божіе благословеніе, даже и дьячокъ игралъ на гитарѣ точно въ тотъ день, когда новобрачный записывалъ у него въ церковной квартирѣ свой «объискъ», но теперь выходило, что всего этого никогда не было, что ни батюшка, ни дьячокъ этихъ супруговъ никогда не вѣнчали и, — что всего важнѣе, — въ обыскной книгѣ, дѣйствительно, *ничего не записано*.

Приняты были самыя энергическія и настойчивыя попытки разоблачить эту таинственнѣйшую продѣлку и доказать фактъ вѣнчанія, но все оказалось безуспѣшно. Между тѣмъ, бракъ, дѣйствительно, былъ вѣнчанъ, — въ этомъ со всею искренностью ручались оба супруга и очень престарѣлая мать одного изъ нихъ, *лично сидѣвшая* во время совершенія брачнаго обряда въ церкви. Но куда же это исчезло изъ обыскныхъ книгъ церкви и гдѣ брачное свидѣтельство, которое должно быть у каждой обвѣнчанной пары?

Его не было.

Почему?

Жена въ этомъ случаѣ ссылалась на мужа, а мужъ на свою оплошность.

Все это было какъ-то темно и маловѣроятно.

Въ родствѣ у супруговъ оказался очень проникательный и ловкій адвокатъ московской заправки, котораго такъ и звали «московскій пекаръ». Пекаря выписали и пустили въ ходъ, но онъ мѣсилъ, мѣсилъ въ этой дежѣ и ничего не вымѣсилъ... Концы были такъ похоронены, что ни одного изъ нихъ цѣлзя было отыскать.

Долго адвокатъ рылся въ архивахъ, много рыскалъ по

разнымъ мѣстамъ, отыскивая свидѣтелей, которые подписывали поручительныя записи въ обыскной книгѣ, но ни одного изъ нихъ нигдѣ не отыскали. Обращались, помините, къ содѣйствию особыхъ властей, но и тѣ ничего не помогли, что, впрочемъ, было и неудивительно, потому что ни мужъ, ни жена не знали свидѣтелей, подписавшихъ ихъ обыскную книгу. Супруги увѣряли только, что свидѣтели были и подписывались, но что они были поставлены самимъ батюшкою, который взялся за ихъ дѣло *аккордомъ*, т. е. что и свидѣтели, и пѣвцы,—все будетъ *отъ него*.

— Мы,—говорили супруги:—считали это за самое удобное, а оно вышло вотъ какъ... неудобно.

Добиться подтвержденія отъ батюшки—нечего было и думать: онъ разъ навсегда наотрѣзь отрѣзалъ, что онъ «лично такихъ супруговъ не помнитъ», а потомъ особымъ властямъ довелъ, что онъ и не можетъ помнить всѣхъ, кого онъ вѣнчалъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ самихъ этихъ людей,—если они не лгутъ,—ихъ вѣнчаніе происходило десять лѣтъ назадъ, а въ десять лѣтъ воды утечетъ много.

— «Если я ихъ вѣнчалъ,—отвѣчалъ батюшка:—то бракъ ихъ долженъ быть записанъ въ обыскную книгу, и у нихъ должно быть свидѣтельство. Это порядокъ всѣмъ извѣстный. даже не исключая и такихъ безбожниковъ, какъ писатели. А если въ обыскныхъ книгахъ записей нѣтъ и свидѣтельства нѣтъ, такъ, значитъ, вѣнчалъ ихъ не понъ вокругъ аналоя, а заяцъ вокругъ ракитоваго куста. Онятъ и это тоже по-литературному, но только пусть они теперь туда и идутъ справки брать. А я, говорить, если мнѣ съ этимъ докучать еще будутъ,—за шиворотъ ихъ да къ прокурору стану, за оклеветаніе».

Ясно было, что батюшка крѣпко кованъ и ничего не боится.

Но что выходило всего хуже, такъ это то, что ветхая старушка, мать одного изъ супруговъ, во всей этой сумятицѣ совсѣмъ сбилась съ толку и стала говорить самый безсвязный вздоръ. Московскій софистъ до того изнурилъ ее, заставляя подробно припоминать всѣ детали событія, что она совсѣмъ все позабыла.

Старушка увѣряла, будто хорошо помнить, что, вѣдучи въ церковь, она чуть не выпала изъ саней и такъ прозябла, что сидѣла въ церкви, не снимая шубы, тогда какъ, по показанію супруговъ, выходило, что бракъ ихъ происходилъ

въ іюні. Потомъ супруги говорили, что они перевѣчались за нѣсколько дней до рожденія ихъ старшаго сына, который появился на свѣтъ 2-го іюля, а матушка ихъ помнила, что она тогда, будто, очень спѣшила къ внучку.

Словомъ, выходила путаница, которая только прибавляла досаду къ досадѣ.

Старушка, которую всѣмъ этимъ мучили, думала, думала: какъ ей согласить свою шубу и сани съ іюльской жарой и ея носѣшливость къ внуку прежде его рожденія, и, наконецъ, объявила, что ей забило памороки.

— Теперь,—божилась она:—хоть къ присягѣ идти,—ничего не понимаю, что въ самомъ дѣлѣ было и что мнѣ только кажется. Можетъ-быть,—говорить,—я въ саняхъ-то точно ѣхала, а про свадьбу вашу мнѣ только такъ кажется. А можетъ-быть я никуда и не ѣздила. Гдѣ это помнить!

Твердыми въ своемъ оставались одни супруги, которыхъ всѣ, ихъ знающіе, считали за людей очень правдивыхъ и честныхъ. Но ихъ показаніе въ своемъ собственномъ дѣлѣ не представляло никакого юридическаго доказательства, да, притомъ, и оно, въ виду всѣхъ другихъ несообразностей, начало казаться страннымъ. Даже московскій адвокатъ, по близкому родству съ супругами, первый готовъ былъ заподозрить основательность ихъ свидѣтельства, а его примѣру послѣдовали другіе. И пока газеты потѣшались насчетъ злополучныхъ супруговъ съ безтактною злобою, которой тѣ нимало не заслуживали, судьба супруговъ и ихъ дѣтей была рѣшена: дѣло было проиграно не только въ надлежащихъ инстанціяхъ, но и въ общественномъ мнѣніи людей, имѣющихъ несчастье подчиняться давленію всякой печатной строчки.

Правда, что добрые знакомые супруговъ послѣ всей этой передраги отъ нихъ не отшатнулись, а напротивъ, даже еще болѣе о нихъ соболѣзновали; но что касается недоказаннаго вѣнчанія, то ему уже положительно болѣе не вѣрили и даже ставили въ упрекъ: зачѣмъ они такъ упорно стоятъ на своей неукусной выдумкѣ?

Но могли ли такъ нагло и такъ упорно лгать эти люди, безусловно честные и безусловно правдивые, какими я ихъ считалъ и имѣю всѣ основанія таковыми же считать ихъ и нынѣ.

Это меня не переставало занимать и дало мнѣ поводъ вызвать скучающаго отца протоіеря на разъясненіе: можетъ ли случиться, чтобы бракъ, обвинчанный въ церкви и записанный въ книги, исчезъ безслѣдно, или же все это невозможная ложь?

Батюшка, дай Богъ ему здоровья, все это мнѣ и разъяснилъ и, притомъ, такъ обстоятельно, какъ можетъ разъяснить человѣкъ, стоящій на высотѣ своего пастырскаго призванія и имѣющій умъ тонкій и проицательный, а знаніе сердца человѣческаго самосовершеннѣйшее.

На мой вопросъ: возможно ли, чтобы безслѣдно исчезъ бракъ, «игтый въ церкви», мой собесѣдникъ отвѣчалъ:

— Нынче все возможно.

— Отчего же это только *нынче* стало возможно? Можетъ-быть, и прежде такъ бывало.

— Нѣтъ, прежде такихъ мошенниковъ не было, какъ нынѣшніе. Прежде были разбойники, грабители да воры,— люди все отчаянные да крупные, а теперь всякая Голь, Шмоль, Поль и компанія аккордомъ плутуетъ. Да вы это, впрочемъ, по какому случаю меня разспрашиваете?

Я назвалъ случай, т.-е. пересказалъ вкратцѣ исторію не постижимаго вѣщанія литератора Z., который никакъ не могъ доказать, что онъ былъ обвинчанъ.

— Слыхалъ,—проговорилъ отецъ протопопъ:—слыхалъ про эту исторію, хотя и не помню гдѣ.

— Не въ газетахъ ли читали?

— Вотъ именно дѣти въ газетахъ гдѣ-то читали, а мнѣ рассказывали.

— Не правда ли, удивительное и непонятное дѣло?

— Отчего же непонятное? И удивительнаго мало, а непонятнаго еще менѣе.

— Однако, что же вы подумали: какъ это могло сдѣлаться?

— Я подумалъ только: должно быть отецъ N. вѣщалъ.

Это дѣйствительно было такъ, какъ отгадывалъ мой собесѣдникъ, и потому я позволилъ себѣ предложить ему особый вопросъ объ отцѣ N., вѣщанія котораго отличаются такою характеристическою непрочною.

— Почему вы узнали, что это вѣщаніе трудовъ отца N.?

— Вотъ странный вопросъ: а почему вы узнаете работу одного мастера отъ работы другого?

— По красотѣ исполненія, по прочности, иногда по фасону. По вѣдь это совсѣмъ иное.

— То же самое. Отецъ X. это тоже снхъ дѣлъ портной безъ узелка...

— Извините,—говорю,—я этого не понимаю.

— Чего же вы не понимаете? Что значить «портной безъ узелка»? Значить, что у него нитка въ швѣ не остается, а все насквозь проходить.

— И значить—шва совсѣмъ нѣтъ?

— Нѣтъ, или есть—это уже какъ хотите, но только еѣ шовъ не держится.

— Но какая же ему выгода такъ шить?

— Есть выгода.

— Но онъ рискуеть, съ такою манерою шва, остаться со временемъ безъ работы?

— Очень можетъ быть, только это будетъ еще не скоро,—не ранѣе, какъ иже по просвѣщеніи.

— То-есть, когда это «по просвѣщеніи»?

— А когда въ обществѣ распространятся настоящіи понятія о *тайнѣ брачія* и люди не будутъ верѣть этого дѣла какъ понало и съ кѣмъ понало, лишь бы скорѣе да подешевле.

— Да неужто вы полагаете, что тутъ дѣло въ цѣнѣ?

— А разумѣется; по платѣ и шитво: дешевая цѣна,—такая и работа. Нынче, знаете, время такое базарное, ну и предложеніе по запросу: теперь человекъ и любить какъ-нибудь, и вѣнчается какъ-нибудь; беретъ для этого пошинуку какого-нибудь, а тотъ его свяжетъ тоже какъ-нибудь. А тамъ, гляди, оно и развязалось.

— Вы, замѣчаю, батюшка, кажется расположены въ пользу старины.

— Нѣтъ-съ, не особенно,—а впрочемъ—какъ въ чемъ и насчетъ чего. Если насчетъ того, будто бы древле было все лучше и дешевле,—такъ я не старовѣръ. А что насчетъ любви и склонности, а также серьезности брачныхъ отношеній, такъ тутъ я дѣйствительно люблю старинныхъ людей. Они, конечно, кое-чего такого, что мы знаемъ, не знали, а ужъ что касается любить, то это они посерьезнѣе насъ умѣли.

— Такъ ли? говорю.

— Да ужъ такъ-съ. Вы вѣдь,—я знаю,—сейчасъ готовы, небось, заговорить про рыцарей. А что за кушанье рыцари?—Это чужь. Нѣтъ, а вы въ глубь вѣковъ погрузитесь, отколѣ ключъ жизни идетъ: тамъ настоящую прелесть любви и найдете.

— Гдѣ же это?

— Въ Библии. Страстная книга: оттого ею многіе иноки соблазняются. У меня ее разъ инспекторъ изъ рукъ вырвалъ: «начитаешься, говоришь, женишься захочешь». А онъ хлоноталъ, чтобы я въ монахи пошелъ. Вотъ тамъ любовь такъ любовь. Дочери-то человѣческія каково описаны: голенькія, безъ всякихъ нарядовъ, исполнновъ плѣняли.

— Это, говорю, все до-историческое.

— А въ историческомъ-то еще лучше: начнемъ хоть съ отца нашего Іакова. Посмотрите, пожалуйста, что это за голодчина былъ по сердечной части! Вотъ настоящій месо-потамскій рыцарь влюбился въ Рахиль и шесть лѣтъ за нее, сердца, прослужилъ ей отцу,—да вѣдь какъ отслужилъ: не въ прохладномъ магазинѣ за прилавкомъ, а на полѣ подъ палящимъ солнцемъ. И что же? Ею надули, и надули самымъ подлымъ образомъ: ему дурнолицынюкую Лю подложили, а онъ впопыхахъ не разобралъ. Винить нельзя: разговоровъ вѣрно не было, а впопыхахъ все кошки сърыба. Но вѣдь онъ не унылся:—не потянулъ тести въ судъ, а еще шесть лѣтъ себя забатрачилъ, чтобы добыть—таки свою зазнобу, и добылъ. Такъ вѣдь это-съ человѣкъ—во всемъ значеніи слова, значить *любилъ*. И женщинѣ-то, какъ ей этакого чудеснаго мужчину не полюбить,—потому что хоть пастушокъ, да рыцарь, кавалеръ во весь ростъ и во всю силу. Ну, а нынче что же?.. Все прохвосты,—все приданнаго ищутъ, либо завертять дѣвчонку и уговорить, будто ей стыдно, если мужъ на нее работать станетъ. «Сама, говоритъ, матушка, рукъ не покладай-работай». Это женское равноправіе, видите, называется; хитрость все,—чтобы самому легче было. Снизойдетъ къ ней когда-нибудь вечеркомъ, какъ Юпитеръ на ложе, и то если дѣться некуда,—осчастливитъ ее, когда той, бѣднягѣ, уже съ усталости и не до утѣхъ любовныхъ вовсе, а потомъ, на утро, встрянулъ, да и пошелъ опять свои рацеи разводить. А она опять работай, да еще глядишь,—съ шарманочкой. Вотъ ей

и равноправіе. А другой если увозить дѣвушку,—будто ее крадутъ, однимъ словомъ—«тайно вѣнчается», а самъ чортъ его не разберетъ, что такое онъ этимъ фортеле устраиваетъ; даже, право, не разберешь, для чего это они дѣлаютъ: по любви, или по глупости, или еще того хуже—по подлости, тайнобрачіе ломаютъ.

— Но по какой же подлости-то можетъ быть нужно ломать тайнобрачіе?

— По какой подлости?.. Эхъ, государь мой, еще какіе, когда бъ вы знали, нынче являются на этотъ фасонъ выжиги и какія отхватываютъ колѣнца,—такъ иной разъ просто либо только съ диву даешься и расхохочешься, или прямо вопъ подлеца выгонишь.

— Скажите хоть одинъ примѣръ.

— А вотъ, на примѣръ: подло или не подло сбить съ толку дурочку, которую родные берегутъ и не даютъ обобрать? Ко мнѣ явился разъ съ такою просьбою опекунтъ и въ большомъ чинѣ... ухъ, выжига.

— Вы ихъ обвѣнчали?

— Нѣтъ, я-то не обвѣнчалъ. Я ему сказалъ: «Вы вельможа большая, да я не плутъ большой», а отецъ N и ихъ обвѣнчалъ.

— Но, однако, какъ же онъ: неужели всѣхъ, кого попало, вѣнчаетъ?

— Рѣшительно кого попало, но это у него жадность, по привычкѣ отъ отца, потому что его покойникъ отчаянный мастеръ на эти дѣла былъ; только я ихъ не сравню: тотъ былъ благороденъ—дорого брать, но и зналъ, съ кѣмъ подѣлиться. А этотъ какъ гѣна: все ничкомъ, самъ съ собою,—одинъ только все новыя штуки подлыя выдумываетъ.

— Значитъ, и тутъ, въ тайнобрачіи, замѣчается пониженіе тона и измѣльчаніе тона?..

— Да вѣдь какъ иначе. Все «идетъ со временемъ»,—какъ говоритъ блаженный Августинъ,—«все, освѣщаемое солнцемъ, раздѣляетъ его движимость, все изнемогаетъ подъ тяжестью вѣковъ». А ужъ нашего брата, пона, тяжести вѣковъ-то давили, давили, да еще и сейчасъ не даютъ ослабы... Въ старину, на примѣръ, тайнобрачіе часто по страху дѣлалось. Мнѣ мой дѣдъ рассказывалъ, какъ онъ въ царствованіе Екатерины одного помѣщика съ насильно увезенной

боярышной вѣнчалъ. Взяли дѣдушку обманомъ, изъ дому вызвали, да первое дѣло, благослови Господи, веревочную петлю ему на шею накинуди и повели въ церковь. Дѣдушка думалъ:—разбойники,—грабить храмъ хотять, и ключи имъ выставляеть: «Берите, дескать, все, что хотите,—последнюю ризу съ Царицы небесной снимайте, только мою грѣшную душу пощадите». Но видитъ: помѣщикъ и его люди стоятъ въ церкви и пучки розогъ держатъ. «Вѣнчай, говоритъ, сію минуту, а то запоремъ или на колокольнѣ повѣсимъ».

Дѣдушка былъ уже очень старый старичокъ и до безпамятства перенугался, но одно только вспомнилъ — про архіерея.

— Смилуйтесь, говоритъ, напѣ архіерей безжалостный,— онъ узнаеть, тогда меня разстрижетъ, и моя старуха-попадья безъ хлѣба околѣеть.

А помѣщикъ отвѣчаетъ:

— Не блекочи, старый баранъ, о пустякахъ: кому онъ архіерей, а кому все равно что ничего. Сейчасъ надѣвай ризу да ной покороче, за нами погоня скачетъ. Усиѣешь обвѣнчать,—я тебѣ за это выгонъ цѣлныи дамъ и до смерти вашей съ попадьею мѣсячину давать буду, а не сдѣлаешь по-моему, сейчасъ повѣшу.

Дѣдушка поклонился и сталъ облачатъ, только просилъ, чтобы съ него петли уже и не снимали, на тотъ конецъ, чтобы все-таки оправданіе было.

— Такъ онъ и вѣнчалъ ихъ въ петлѣ?

— Такъ и вѣнчалъ: впереди вокругъ наложу гайдуковъ идти и дѣда ведетъ на обрывкѣ, а онъ молодыхъ ведетъ за руки.

— Что же, говорю, сказать?.. Дѣдъ вашъ сдѣлалъ дѣло невеликодушное.

— Чѣмъ-съ?

— Способствовалъ насилію:—вы же сами говорите, что невѣста была взята насильно.

— Да разумѣется, только вѣдь это дѣло-то, государь мой, все подъ петлей шло. Ишь вы захотѣли еще при нашихъ порядкахъ геройства! Героевъ, сударь, вообще на свѣтъ родится немного, да много-то ихъ и не нужно, а особенно на Руси ихъ не требуется. У насъ вѣдь ихъ не жалуютъ. И знаете черезъ что?.. Хлопотно съ ними. Право. Вотъ, посмотрите, напримѣръ, на насъ теперь откуда-нибудь честные люди,—могутъ сказать, зачѣмъ это здѣсь все въ карты

играють, а не занимаются чѣмъ-нибудь серьезнымъ; а займись-ка серьезностью,—скажутъ: что это они засерьезничали: о чемъ закручинились? Или все говорятъ: мало правды на свѣтѣ. И оно точно: ее мало. А начини-ка яному правдолюбцу всю правду-то сказывать, такъ онъ и слушать не станетъ, да еще «безпокойнымъ» прозоветь. Оттого и нѣтъ правды... А что до духовенства, то пошники наши, конечно, худы, но, повѣрьте, они по нашему времени такіе и надобны. И это не отъ крови, а отъ тьмы вѣка сего, — отъ духовъ злобы поднебесной. Были бы у насъ и не такіе пошны, да... говорить только не хочется. А то я, не выходя вотъ изъ этой же самой семейной моей, такъ сказать, хроники, имѣю тому доказательство, что пошники съ огонькомъ у насъ бывали и есть, но только они намъ не годятся и ждуть ихъ конецъ часто бѣдственный.

Это касается родного брата моего отца и моего дяди, тоже сельскаго священника той же губернии, откуда все мы родомъ, а начало тому дѣлу восходитъ къ двѣнадцатому году.

Дядюшка, отецъ Алексѣй, былъ старше моего отца и поступилъ на мѣсто того самаго дѣда, который съ веревкою на шеѣ помѣщика-го вѣнчалъ. А былъ онъ человекъ, по тогдашнему времени, новаго поповскаго закала, что называлось «платоновскаго». — разумѣется, не по Платону-философу, а по митрополиту Платону Левшину, которымъ тогда по семинаріямъ восторгалось не мало пылкихъ и благородныхъ юношей и пламенно старались ему подражать въ высотѣ мысли, въ стойкости права, въ достоинствѣ поведения и въ благородствѣ чувствъ.

Вотъ такой былъ и дядя, отъ котораго произошелъ на свѣтъ мой двоюродный братъ.

Священствовать дядя о. Алексѣй началъ незадолго передъ отечественною войною, а въ ту пору въ одно село, его прихода, отъ французовъ прибѣжало изъ Москвы нѣкое семейство чиновниче. Люди были бѣдные, безпристальные и безкровные, — мужъ да жена съ однимъ груднымъ сынишкой. Помѣщикъ, сынъ того же самаго насильника Катерининыхъ временъ, почему-то знавалъ немножко этихъ можайскихъ сиротъ и теперь, въ ихъ тяжелой бѣдѣ, принялъ, но не на радость, а на новое горе. У чиновника жена была

раскрасавица-красавица, изъ московскаго купеческаго рода. Помѣщикъ чиновнику мѣсто гдѣ-то по карантинамъ досталъ, а жену у себя во флигеляхъ помѣстилъ, да и воспользовался ея одиночествомъ. Не знаю уже: сталося это волею, или неволею, или своею охотою, а говорили только, будто она сдѣлалась его добычею, хотя при этомъ всегда мужа любила.

Долго ея грѣхъ, разумѣется, не утаился, потому что у помѣщика прежде этого свой крѣпостной гаремъ былъ, и отставныя наложницы все скоро развѣдали и зашыли. Особенно одна, какъ сейчасъ помню,—старухою ее мнѣ еще показывали,—она въ такое пришла пенствова, что, вѣроятно изъ мести, стала выкликать объ этомъ въ церкви за обѣднею. Какъ херувимскую пѣснь запоютъ на клиросѣ, она лапашъ поцуетъ и сейчасъ съ ногъ хлопъ на полъ въ растяжку и пойдетъ причитать обличенія. Всю эту публицистику она вела отъ лица помѣщеннаго, будто, въ нее бѣса... «Сижу, выкликаеть, у Афимы въ угробѣ, подъ горячимъ сердцемъ,—тоской ее мучу ревнивою, а самъ все вижу. Вижу, какъ Самоха съ Давида примѣръ взять: Урю на войну услалъ, а къ его Вирсавѣ со грѣхомъ ходитъ. Я то все знаю, и тѣмъ Химиню сердце сушу». Кричитъ, кричитъ этакъ, а потомъ взвостъ: «Ахъ, куда дѣться, куда дѣваться». Жуткость даже этими криками на весь приходъ навела, тѣмъ болѣе, что за нею, по ея примѣру, и другіи закликали, и все про ту же бѣдную барыньку, которая, можетъ-быть, и сама не рада была, что такого прелестника у подобныхъ соперницъ отбила.

Шла эта безцензурная гласность до тѣхъ поръ, пока узналъ про нее «самъ Самоха» и расправился съ обличительницами по силѣ своей божественной власти,—то-есть, однѣхъ отечески перепоролъ, а самую главную зачинщицу замуровалъ въ какой-то чуланъ и держалъ тамъ чуть не цѣлыхъ десять лѣтъ. А въ это время, разумѣется, невольный грѣхъ барыньки все продолжался, или по крайности такъ о немъ все полагали.

Дяди же, отецъ Алексѣй, больше всѣхъ зналъ, потому что и чиновникъ, и жена его, да и «самъ Самоха» у него исповѣдывались и, какъ люди вѣрующіе, сами ему все на духу сказывали. А чиновникъ-то даже и не на духу, а такъ, прямо, по пріязни, не разъ ему свое горе открывать и

искалъ у него духовнаго утѣшенія. Въ селахъ, вѣдь, пошамъ сердечное горе и до сихъ поръ сказываютъ,—особенно если поникъ не жаденъ да простъ.

Дядя же былъ человѣчекъ добрый и, въ свою мѣру, благочестивый; его всѣ любили. Онъ и чиновника этого въ его огорченіи добрымъ словомъ пользовалъ: когда бывало ему что-нибудь изъ Евстафія Плакиды привести, или изъ другой трогательной книжечки прочитаетъ, а другой разъ, вечеромъ, съ нимъ домашнихъ наливочекъ попьеть, или въ мушкету отъ скуки поиграетъ, и такими разнообразными приемами добраго участія очень успѣлъ его успокоить и примирить съ его положеніемъ. Такъ жили они всѣ лѣтъ пятнадцать, и всякій день, какъ нынѣ въ удивленіе пишутъ, «втроемъ по утрамъ чай пили». Мужъ считался управителемъ и помѣщался на особой половинѣ, а помѣщикъ вблизи къ его супругѣ, утромъ же опять къ чаю трое садятся. Ревности мужъ по привычкѣ уже никакой не чувствовалъ, но только сталъ, горькій, заливать жестоко запоемъ и тогда опять, взволновавшись, плакался. Однако и это горе минуло; но настало новое, еще худшее, да и поучительное, поучительное въ томъ смыслѣ, что можетъ показать вамъ, какъ иногда священникъ-то бываетъ высокъ и совѣтливъ, да, къ тому же, и свѣдунъ въ дѣлахъ, ускользающихъ всякаго контроля не только высшей духовной власти, но и самаго закона, который вотще все предузрѣтъ тщится.

У чиновницы съ тѣхъ поръ, какъ она стала по утрамъ втроемъ чай пить, народилось много дѣтей, и въ числѣ оныхъ была одна дочка, красавица-раскрасавица, не хуже матери. Помѣщикъ, лихо его вѣшь, глядѣлъ, глядѣлъ на нее, выбиралъ, выбиралъ ей жениховъ, да вдругъ, въ одинъ прекрасный день, самъ вздумалъ на ней жениться. Законные всѣ претексты были къ тому, что ихъ можно было обвинять, а только дядя, отецъ Алексѣй, больше всѣхъ законовѣдовъ зналъ: онъ, какъ духовникъ, зналъ грѣхи родительскіе. Да-съ; онъ зналъ, что тутъ незаконнаго:—дѣвочка приходилась дочь жениху,—и какъ дѣло дошло до отца Алексѣя, онъ и уперся.

— Ибѣтъ, говорить, не только не могу васъ вѣнчать, но обличаю васъ. Бога убойтесь, сами вѣдь во грѣхѣ каились, и мать ея каялась: эта дѣвица ваша дочь есть.

Помѣщикъ разсвирѣгѣлъ и покатылъ къ архіерею, а архіерей о ту пору былъ Г—инъ. Умный былъ человекъ, но любилъ пожить, а жить было не на что, и потому онъ не всегда себѣ господиномъ выходилъ. Тутъ архіерей видитъ, что дѣло кормное, и сейчасъ вытребовалъ къ себѣ въ О. дядю, отца Алексѣя, и спрашиваетъ:

— Почему ты такого-то помѣщика на такой-то дѣвицѣ не вѣнчаешь? Какія къ тому препятствія?

А отецъ Алексѣй отвѣчаетъ:

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, вотъ что мнѣ, какъ духовному отцу, извѣстно, и вотъ мои причины и основанія не вѣнчать.

Архіерей задумался, покряхтѣлъ и говоритъ:

— Ишь ты, какъ ты очень много знаешь!—и отослалъ дядю домой, а однако и помѣщику, должно-быть, разрѣшенія не далъ, потому что тотъ въ сосѣдней епархіи вѣнчался.

— Что же, говорю, вамъ дядюшка, дѣйствительно, пока-заль своего рода героизмъ.

— То-то, героизмъ, зато оно ему худо и вышло. Героизма-то, повторяю, у насъ не жалуютъ. Такъ это, прочитатъ гдѣ-нибудь о героѣ, который дѣйствовалъ при царѣ Горохѣ, или хоть и недавно, да только не на нашей землѣ,—это мы любимъ; а если у себя на дворѣ что-нибудь хоть мало-мальски съ характеромъ заведется, такъ и согнемъ его сами въ три погибели. То было и съ дядею: вмѣсто того, чтобы его взять да перевести на другое мѣсто отъ разлютовавшагося помѣщика,—его взяли да нарочно тамъ и оставили. И что онъ только, бѣдный, вытерпѣлъ въ этомъ загонѣ: на дворѣ его помѣщичій не пускали, собаками псари не разъ травили, и, наконецъ, до того довели, что онъ съ ума сошелъ и точно, какъ та баба Химка, все бывало сидитъ, какъ подстрѣленный голубь, и стонетъ:

— Куда дѣться? Куда дѣваться?

Ужасное это было зрѣлище. Помню его: бывало, дни и ночи все сидитъ въ батрацкой пзбѣ на холодной печкѣ и все одно жалобно стонетъ:

— Куда дѣться, куда дѣваться

Въ одну сторону метнется, голосить: «Куда дѣться?» и сейчасъ въ другую повернетъ: «Куда дѣваться?» Насилу

Господь его вспомнил: дочернину свадьбу за дьячка справляли послѣ Крещенія, да за суетами про него позабыли,— онъ и замерзъ въ холодной избѣ на неотапленной печкѣ. Утромъ послѣ свадьбы пришли къ нему, а онъ лежитъ мертвый, скорчившись, и ручку крестомъ сложилъ: вѣрно въ послѣднюю минуту въ себя принялъ и Богу помолился о себѣ и о своихъ мучителяхъ. Вотъ вамъ и примѣръ нравственнаго, какъ вы говорите, героизма, и того, чѣмъ онъ для насъ на Руси увѣнчивается. Жестко, сударь, жестко на Руси геройствовать...

Разсказчикъ вздохнулъ и добавилъ:—Такъ вотъ съ дѣтства-то видѣвъ это направленіе и эту практику, молодое-то поколѣніе наше и росло до того возраста, до котораго нынче выросло, и выработало себѣ, что необходимѣе, именно: не героизмъ, а практицизмъ.

— Въ какомъ же родѣ?

— Да въ родѣ нѣкотораго, такъ сказать, самоуправленія, или, пожалуй, если хотите, самоуправства, но только это, во-первыхъ, вызвало необходимостію, а во-вторыхъ, и не совсѣмъ бесосновательно и не совсѣмъ безчинно. Даже къ чести духовенства сказать,—оно во многихъ случаяхъ дѣйствовало весьма человѣколюбиво, а главное—практику выработало, которая хорошо рекомендуетъ духовныхъ и даетъ полную возможность полагаться на ихъ умъ и нравственное чувство.

— Но вотъ этого-то, говорю, я и не понимаю: въ чемъ эта практика и ручательство?

— А въ томъ, что кого не слѣдуетъ вѣнчать, такъ будьте увѣрены—у насъ не перевѣнчаютъ.

— Не ошибаетесь ли вы, батюшка?

— Пѣтъ-съ, я не ошибаюсь.

— Воздержусь отъ противорѣчія вамъ, а только въ обществѣ объ этомъ думаютъ иначе.

— «Въ обществѣ!» Нашли на кого ссылаться! Что оно знаетъ и чего не болтаетъ это такъ-называемое наше общество!

— Ну какъ, говорю, такъ... о всемъ обществѣ...

— А то какъ еще говорить о людяхъ, которые судятъ и рядятъ о томъ, о чемъ и понятія не имѣютъ? Или доказательствъ еще требуете, — такъ они у васъ налицо. Разберите-ка, вѣнчанъ или не вѣнчанъ этотъ писатель З.,

съ котораго нашъ разговоръ пошелъ, — вотъ и не разберете. Да они даже и сами не разберутъ, потому что въ церковь не ходятъ, служенія никогда не видятъ и не знаютъ, что надъ ними дѣлаютъ: крестятъ ихъ, вѣнчаютъ, или хоронятъ. Ей право, — одичали хуже дикихъ!

И мой собесѣдникъ весело разсмѣялся.

— Но позвольте, — возразить я, слегка уязвленный его насмѣшкою, которая мнѣ все-таки не открывала интересовавшихъ меня практическихъ приемовъ тайнобрачія. — Надѣюсь, вы, однако, допустите, что если общество неправильно судить о духовенствѣ, то, напримѣръ, архіереи ваши имѣютъ же о васъ настоящія понятія.

— Ну, что же такое? къ чему этотъ вопросъ?

— Да такъ. Вы скажите: имѣютъ они или не имѣютъ?

— Можетъ-быть нѣкоторые и имѣютъ.

— «Нѣкоторые» только?

— Да, нѣкоторые.

— Да и то «можетъ-быть». Но пусть такъ, — пусть будетъ по-вашему, а вотъ я знаю одинъ случай.

И я назвалъ дядю Пикса.

Но едва я произнесъ это имя, какъ мой собесѣдникъ снова покотился со смѣху.

— Право, говорю, не могу понять, почему все это васъ такъ смѣшитъ.

— Да какъ же не смѣшнить-сь! Такъ вотъ это вы эту-то младенческую свадьбу считаете отчаянною смѣлостію? Ну, поздравляю васъ съ знаніемъ русской жизни. Вотъ оттого-то у васъ, господа, по большей части и въ романахъ-то въ вашихъ отвлеченіяхъ, чѣмъ въ Аристофановой комедіи, — все «на облакахъ» происходить.

— Романы, говорю, отодвиньте въ сторону, — нынче на нихъ и спроса нѣтъ, а вы разубѣдите меня, что свадьба съ родною сестрою первой жены не есть свадьба незаконная и рискованная.

— Что она незаконная, противъ этого я спорить не стану, а рискованнаго въ ней нимало нѣтъ, да и вѣнчалъ ее основательный священникъ, котораго я какъ самъ себя знаю. Онъ никогда и ни за какія благополучія рискованнаго дѣла дѣлать не станетъ.

— Но вамъ, я думаю, надо бы подробнѣе знать эту пару, о которой мы говоримъ.

— Нечего мнѣ о ней узнавать, когда я о ней все существенное знаю.

— Когда же вы это узнавали?

— Тогда, когда того надобность требовала. Не хотите ли позкзаменовать: я все отлично помню, со всѣми, можно сказать, деталями. Тутъ еще было нагажено тѣмъ, что разныя большія лица были вшутаны. Не правда ли?

— Да.

— И къ тому же они владыку просили?

— Да, да, да.

— Помню. Братъ у невѣсты былъ, длинный-предлинный офицеръ съ ученымъ значкомъ.

— Былъ.

— Имени не помню, а по батюшкѣ, кажется, Данилычъ.

— Вы отлично помните.

— Вотъ онъ и приходилъ. Чудесный парень, все разсказалъ, по-военному: благородно и откровенно, и о своихъ неудачахъ у владыки открылъ.

— И это не испугало священника?

— Нимало. Штрафъ, разумеется, на нихъ маленькій накиннулъ въ цѣнѣ, чтобы старшихъ не беспокоили, и все тутъ.

— Однако, я помню, говорю, что этотъ Данилычъ не сразу какъ-то сговорился со священникомъ, а было два-три дня томительныхъ.

— Неправда: всего на-все одинъ день только ихъ просили подождать, и то это совсѣмъ не для притѣсненія, а уже это всегда такъ, нарочно, «заминка» дѣлается.

— Для чего?

— Чтобы давальцевъ не отпугнуть, а въ то же время справки навести.

— Какія же справки?

— Есть или нѣтъ у брачующихся недвижимое имущество или значительное наслѣдство.

— Но зачѣмъ это священнику?

— А это въ тайныхъ бракахъ и есть самое нужнѣйшее.

— Будто это такъ важно?

— Это только и важно. Если есть родовое имѣніе, которое могутъ наслѣдовать родственники, или если дѣти могутъ быть претендентами на какое-либо родовое наслѣдство,

тогда, будьте увѣрены, никакой священникъ такого брака вѣнчать не станетъ.

— А какъ можно это знать?

— Въ тонкости узнають.

— И скоро?

— Да смотря по людямъ и дѣлу: иногда сразу же, а иногда подольше.

— Съ недѣльку, или съ мѣсяць?

— О, что вы! Нѣтъ, —сутки, много двое.

— Какимъ же образомъ можно собрать такъ скоро такія щекотливый справки, о которыхъ люди могутъ все утаить и нагать?

— Надо имѣть способнаго справщика и содержать его, иногда даже и терпѣть отъ него кое-что, какъ вотъ, напри- мѣръ, нѣкоему ближнему доводилось терпѣть отъ этого мо- лодца, который о дядюшкѣ Никсѣ обыскъ дѣлалъ.

— Какой же у этого дѣльца церковный чинъ?

— Чинъ у него — церковный сторожъ, а ходитъ онъ за причетника.

— И по особымъ порученіямъ?

— Да, преимущественно - то по особымъ порученіямъ. Сдѣлаешь маленькую заминку, а онъ тѣмъ временемъ все и обслѣдуетъ.

— Но какимъ образомъ?

— А ужъ это по его усмотрѣнію.

— А онъ не вретъ?

— Нѣтъ, для чего же? да онъ всегда вѣдь и весь про- цессъ и источники укажетъ, такъ что можете обсудить осно- вательность и достовѣрность и того, и другого, и третьяго.

— Ну, такъ вотъ, позвольте же, говорю, васъ разоча- ровать.

— Сдѣлайте милость—если удастся.

— При вѣнчаніи дяди Никса рѣшительно ни отъ кого ни изъ ихъ родныхъ, ни изъ знакомыхъ, никто такихъ справокъ не забиралъ.

— Вѣрно. Нашъ дока свое имя не даромъ поситъ: онъ не такъ глупъ, чтобы съ родными жениха сталъ разгова- ривать. Онъ понимаетъ, что это дѣло сердечное, и дѣй- ствуетъ тонко, — собираетъ источники чистые и достовѣр- ные. Ему было сказано, что вотъ такъ - то и такъ - то, — вотъ этакій крупный человекъ желаетъ жениться на се-

стрѣ своей покойной жены, — я на день заминку сдѣлаю, а ты поди и удостовѣрь дѣло какъ нужно. А онъ отвѣчаетъ: «это можно кратко дослѣдить — потому что у нихъ старшій дворникъ Терешка мой пріятель». Если вы все вѣдаете, то вы должны знать: былъ у нихъ дворникъ Терешка или нѣтъ?

— Знаю: дѣйствительно былъ дворникъ Терешка.

— Ну вотъ видите. Справщикъ взялъ на три бутылки пива, посидѣлъ съ этимъ Терешкой въ низкѣ и вернулся, говорить:

— Терешка сказалъ: можно вѣнчать.

— Но вѣроятно же при этомъ и какія-нибудь подробности дознанія были представлены?

— Какъ же, — разумѣется, были: подробности необходимы, потому что по нимъ видишь и судишь: вѣрно ли и благонадежно ли все дѣло?

— Ну, а въ отношеніи дяди Никса, напримѣръ, въ чемъ же заключались эти подробности?

— Помнится, онъ разсказалъ такъ: пришелъ, говорить, къ воротамъ, Терешку вызвалъ, — пошли въ низокъ, двѣ пары пива вышли, и Терешка сказывается: ничего, — дѣло левое, — можно вѣнчать, господа согласные. Она, говорить, барыня къ нему ласковая и теперь тяжела, а всѣ ейныя братья и сестры желаютъ, чтобы она съ нимъ подзаконилась. А насчетъ состоянія не сумлѣвайтесь: имѣніевъ у нихъ нѣтъ и что имъ по зимѣ мороженныхъ индюшекъ присылали, такъ это изъ чужой деревни. Онъ съ жалованья живетъ, а она совсѣмъ безпомѣстная. Скажи батюшкѣ, что совѣтую, чтобы крутилъ съ Богомъ.

— И это все?

— А вамъ что же еще надо?

— И вотъ *это-то*, вотъ эту болтовню съ дворникомъ вы называете справкою или свѣдѣніемъ!

— А какъ же это по-вашему надо назвать?

— Да такъ и назвать, нустяками, вздоромъ. Да вы, извините меня, я думаю, что вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу.

— Не могу вѣрить!

— Почему же?

— Да потому, что вы не можете не знать, что на слова

такихъ людей, какъ мужикъ-дворникъ, твердо полагаться нельзя.

— Нѣтъ, я этого не знаю, и совсѣмъ другое думаю.

— Что же вы думаете?

— Я думаю: какіе вы все жалкіе, поврежденные люди, и какъ вы безнадежно повреждены, въ самомъ своемъ корнѣ: въ вѣрѣ въ умъ и въ доблесть русскаго человѣка. Кто, какой злой духъ, или какой лихой опытъ далъ вамъ право такъ низко судить о напемъ умномъ и добромъ народѣ? И сторожь-то васъ обманетъ, и дворникъ обманетъ, и, наконецъ, уже и я, погъ, васъ обманываю,— шучу, видите, а не правду вамъ сказываю...

Батюшка качачалъ укоризненно головою и добавилъ снисходительно:

— Ахъ вы, господа, господа теоретики. Постыдились бы вы этого своего невѣрія въ русскаго человѣка, да не давали бы другимъ повадки утверждать, что мы сами собою ничего путнаго учредить не можемъ. Тьфу, что за гадость, что за недовѣріе къ русскому человѣку, даже въ томъ случаѣ, если онъ дворникъ, которому сама полиція вѣритъ больше, чѣмъ любому ученому и литератору.

Сказавъ это, батюшка опять плюнулъ и плюнулъ такъ рѣшительно, какъ могъ плевать только извѣстный Костанджогло, и затѣмъ тихо проворчалъ:

— Недовѣріе, вездѣ недовѣріе, на всякое время и на всякъ часъ это проклятое недовѣріе. Оттого и заводятся всякіе портные, что безъ узла шьютъ.

— То-есть вотъ этого-то я и не понимаю: отчего же они заводятся?

— Да отъ болзни живыхъ сношеній съ людьми и отъ возни съ одною бумажною хитростію. И какъ все это сложно и непрочно, и какую хитрою механикой пахнетъ—вообразить гадко. Я увѣренъ, что если я вамъ сейчасъ это разъясню, то вы увидите, какія преимущества имѣеть простота вездѣ, не исключая и тайнобрачія, гдѣ она должна быть хвалима передъ всѣми иными хитростями, въ которыя теперь жалостно уловляется не мало людей, имущихъ только образъ вѣнчанія, но силы онаго лишенныхъ.

Я весь обратился во вниманіе.

— О тайномъ вѣнчаніи такихъ людей пржеде и помина

не было. Вѣнчались тайно, бывало, помѣщики или гусары, или вообще люди значительные, о которыхъ всегда можно что надо разузнать въ разсужденіи родства и наслѣдства; но потомъ, какъ все это съ отъемомъ крестьянъ перепуталось, — тутъ разночинецъ сталъ входить въ силу и тоже полѣзъ тайнобратиться. Разумѣется, всему этому женщины виною: сейчасъ сороки этакія изъ верхнихъ слоевъ всякую моду перенимаютъ. Иная прежде уже лѣтъ нѣсколько въ простотѣ съ человѣкомъ безъ вѣнца тихо обращалась и нимало не смущалась,—а тутъ прослышала, что въ большихъ кружкахъ всѣ вѣнчаются, и сама стала приставать, чтобы и ей подзакониться. Ну, разумѣется, чего баба захочетъ, того достигнетъ: человѣкъ терпитъ, терпитъ и, наконецъ, плюнетъ: «будь ты совсѣмъ не ладна!» Пойдетъ и проситъ батюшку: «Такъ-моль и такъ, — не могу бабу усмирить: повѣнчайте!» Иной по нынѣшнему времени и таковыхъ вѣнчаетъ, и уже, разумѣется, не по старинному, за помѣщичью или за гусарскую цѣну, а такъ «что положить». И за двѣ десятныхъ нѣвали, и даже меньше, и, разумѣется, уже въ разсужденіи справокъ стали обращаться съ небрежью, потому что и хлопотать-то было не за что, а къ тому же и трудно. Русскій мужикъ дворникъ — ужасный, вѣдь, аристократъ въ душѣ, особенно если брюхо себѣ наѣсть: онъ такимъ мелкимъ народомъ, какъ разночинцы, не любитъ заниматься. Вотъ о жильцѣ начиная съ чина статскаго совѣтника—онъ любопытствуетъ, изъ какихъ дошелъ и какого роду и состоянія, и изъ чьего имѣнія ему мороженныхъ индюшекъ присылаютъ, ну, а мелкотой онъ интересоваться не любитъ. Это уже его натура такая, — даже полиція его къ этому пріучить не можетъ. Приставъ нашъ мнѣ не разъ жаловался, — говоритъ: хоть не спрашивай ихъ, дураковъ, про подозрительныхъ людей,—заведетъ такую катавасію:

— «Мы, моль, ваше-скобродіе, понимаемъ, что какъ эти люди малозначительные, такъ ими не антересуемся, а вотъ генералъ у насъ живутъ—это точно, и съ своей экономкой они обращаются, изъ нѣмокъ, а у той братъ есть при чужомъ графѣ секлетаремъ служить».—И пойдетъ, говоритъ, дуракъ вверхъ все въ аристократію лѣзть.—И это справедливо: съ этой стороны они намъ неудобны, и это-то собственно и есть для браковъ небольшихъ людей большое препятствіе. А между тѣмъ, какъ вамъ докладываю, и эти

въ послѣднее время, по бабьему настоянію, все туда же лѣзли, чтобы секретно вѣнчаться, да еще и задешево, потому что и платить-то какъ слѣдуетъ они не могутъ. Тогда этотъ самый отецъ «вѣнчальный батюшка» и выдумалъ фортелѣ, и такое фортелѣ, что долго его никакъ нельзя было понять, въ чемъ оно заключается. Слышимъ только между собою, что онъ вѣнчаетъ и направо, и налѣво, и уже никакихъ справокъ не собираетъ. Да-съ, и задешево: всѣ прификсы сбиль, а крутитъ за предложенную цѣну. Понять невозможно было, въ чью это голову онъ содитъ и за что рискуетъ, какъ вдругъ оказывается, что онъ, плутяга, ничѣмъ и не рискуетъ. И вышло это дѣло самымъ неожиданнымъ манеромъ, къ которому я какъ разъ могу подвести дѣло вашего тайнобрачнаго знакомца.

Въ лѣтнее время семья моя на дачѣ была, а я наѣзжалъ сюда чередное служеніе отбывать. На всю недѣлю для обѣденъ я «раннего батюшку» за себя нанималъ, а въ субботу самъ приѣзжалъ: служилъ всенощное и въ воскресенье—позднюю. Только-что выхожу я послѣ всенощной,—пройтись по набережной хотѣлъ, — а ко мнѣ подходитъ какой-то господинъ съ дамочкой и объясняютъ, что они женихъ съ невѣстою и хотятъ повѣнчаться. Я отвѣчаю: доброе дѣло, доброе дѣло; а самъ на него смотрю инквизитерски, потому-что онъ мнѣ что-то ферговать показался.

— А документы, говорю, въ порядкѣ?

— Да, документы, отвѣчаютъ, есть.

— Разсмотрѣть, говорю, надо. — Благоволите оставить. Завтра отвѣтъ дамъ.

Онъ утромъ занесъ всю свою герольдію въ одномъ пакетикѣ. Поглядѣлъ я, — все въ порядкѣ, а только легковѣсность какая-то: у него указинко объ отставкѣ и чипинко шаршавенькій,—губернскій секретарь, а она—вдова учителя. Кто ихъ тутъ разберетъ, въ какой они другъ къ другу позиціи?

Я велѣлъ своему докѣ-сторожу адресъ ихъ замѣтить и справиться, — справка вышла пустая. Приходитъ мой вѣстовщикъ и говоритъ:

— Такъ и такъ, говоритъ, живутъ они вмѣстѣ третій годъ на одной квартирѣ, и дѣвочка маленькая у нихъ есть, а прислугу одну держатъ и въ мелочной берутъ на

книжку, а мясникъ не даетъ въ долгъ. Впрочемъ, говорить, пить не пьютъ, но знакомцевъ окромя писателей никого изъ достойныхъ лицъ у нихъ не бываетъ и ничего про нихъ знать нельзя. Мос, говоритъ, такое мнѣніе, что не надо ихъ вѣнчать, — что-то опасно. Пусть къ своему приходскому батюшкѣ идутъ.

А я ему въ тонкихъ дѣлахъ вѣрилъ, да и мнѣ самому показалось, что это опасно. У насъ, знаете, ужъ свой нюхъ на это есть. Дѣла по дѣламъ будто ничего, а своимъ верхнимъ чутьемъ поведешь — и другое слышишь. Такъ и тутъ: бумаженки тощія и людцы маленькіе, и что-то не порядкомъ отдаетъ, да опять, самое главное, и дворникъ не ручается.

Подумалъ я, подумалъ: есть что-то сомнительное, и отказалъ. Свернулъ бумажки въ его же конвертъ, поддѣлилъ клейкомъ и отдалъ сторожу.

— Какъ придетъ, говорю, этотъ господинъ, — скажи ему, что, молъ, батюшка уѣхали, и бумаги отдай. А впередъ, молъ, просили не приходить.

Такъ и сдѣлалось, тотъ его отправилъ. Я рукою махнулъ и позабылъ. Но господинъ этотъ женихъ былъ мстивъ и, встрѣтивши разъ гдѣ-то моего сторожа, какъ бы въ веселіи объявляетъ: — «Вотъ твой батюшка не хотѣлъ меня перевѣнчать, а отецъ такой-то (называетъ вѣнчальнаго батюшку) насъ, говоритъ, перевѣнчалъ». Тотъ мнѣ это передаетъ, а черезъ малое время говоритъ, что онъ и самъ желаетъ перейти къ тому вѣнчальному батюшкѣ, на «соотвѣтственную должность».

— На какую это? — спрашиваю.

— Въ пѣвцы.

— Да ты пѣть не умѣешь.

— Что жъ такое, говоритъ, — и не умѣвши поютъ.

— Но у тебя и голоса нѣтъ.

— Въ церкви, отвѣчаетъ, можно пѣть и безъ голоса.

— Нѣтъ, ты, говорю, откройся: чѣмъ мальчикъ Гришка мачихою недоволенъ?

— Да что, говоритъ, батюшка: откровенно сказать, вы еще по старинѣ: все справляете. Теперь это надо оставить. — Тамъ смѣлѣе крутятъ, и черезъ то служатъ авантажнѣе.

— Ну, смотри, молю, не попадись, съ большимъ авантажемъ-то.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, тамъ придумана механика умная.

Я и полюбопытствовалъ, что это за механика и какъ онъ про нее провѣдалъ.

— А я, говоритъ, отъ этого же барина все провѣдалъ.

— Да у тебя, молю, какія же съ нимъ сношенія?

— За совѣтами онъ ко мнѣ приходилъ.

— А ты что за юристъ-консулъ такой, что къ тебѣ за совѣтами ходятъ?

— Нѣтъ, я, отвѣчаетъ, не консулъ, а когда чловѣка хорошенько нажгутъ, такъ онъ ко всякому лѣзеть.

— Да, молю, если глупъ, такъ лѣзеть.

— Однако, отвѣчаетъ, и у васъ, какъ въ прошломъ году зубы хорошенько разболѣлись, такъ вы вотъ и не глуны, а тоже на Моховую къ цырюльнику заговаривать пошли.

— Да, говорю, это правда,—ходилъ.

— А вотъ то-то, говоритъ, и есть. А вѣдь онъ, этотъ цырюльникъ, ничего не знаетъ: молитовку какую-то пошепчетъ, да обрывокъ чловѣку, какъ теленку, нацѣпнтъ и велитъ не скидывать. И вамъ, небось, то самое вѣшалъ?

— Вѣшалъ.

— И вы, пожалуй, такъ и служили въ обрывкѣ?

— Служилъ.

— Ну, такъ это и я бы вамъ могъ нацѣпнтъ, да стыдъ только не позволялъ. А баринокъ этотъ ко мнѣ первый разъ съ весельемъ заговорилъ, чтобы черезъ меня васъ подзадорить, а потомъ, вчера—гляжу, нарочно идетъ, и лица на немъ нѣтъ.

— Что, говорю, вамъ такое?

— Ужасная, говоритъ, неприятность: мнѣ надо еще разъ перевѣнчаться.

Я гляжу на него и думаю: не помѣшался ли онъ?

— Да вѣдь вы же, говорю, сказывали мнѣ, что васъ обвѣнчали.

— Да, отвѣчаетъ: обвѣнчать-то обвѣнчали, да очень легко сдѣлали: надо еще разъ гдѣ-нибудь обвѣнчаться основательнѣе.

— Что же это за дѣло такое? Вы, говорю, если хотите отъ меня помощи, такъ въ подробности объясните, потому что безъ этого и лѣкаръ не лѣчитъ.

Онъ и сталъ объяснять.

— Батюшка, говоритъ, насъ обвинчалъ, велѣлъ поцѣловаться и отпустилъ, а потомъ я пошелъ за свидѣтельствомъ, — дома его не засталъ. И еще черезъ день пошелъ, и опять не засталъ, и опять черезъ недѣлю пошелъ и тоже не сподобился видѣть.

И такъ ходилъ, ходилъ, и счетъ ходинкамъ потерялъ, а тѣмъ временемъ жена родила и надо крестить; брачное свидѣтельство уже необходимо. — Тутъ этотъ супругъ уже не съ короткимъ полѣзъ звониться, и дозвонился, хоть не до самого батюшки, такъ до его причетника, и сообщилъ ему свою нужду и неудовольствіе. А причетникъ проговорилъ:

— Что, господинъ, напрасно ходите, и себя, и насъ напрасно затрудняете: никакого вамъ свидѣтельства не будетъ.

Баринокъ вскипятился: какъ не будетъ?

— Что, грозить, вы думаете—я церковныхъ порядковъ, что ли, не знаю! я юристъ—у насъ на лекціяхъ все это преподавали; я сейчасъ къ благочинному, да въ консисторію, или къ самому владыкѣ!

А дьячокъ-то у нихъ очень умный.—Все чернило и марки у него на рукахъ *). Онъ этому барину и отвѣчаетъ:

— Не пужайте, господинъ; что вы такъ страшно пужаете? Идите не только къ владыкѣ, а хоть къ самому Господу Богу, такъ мы стоимъ во всѣхъ дѣлахъ чисты, — и никого не боимся.

— Да, вѣдь, я же, говоритъ, вѣнчался.

— Спору нѣтъ, что вѣнчался, — отвѣчаетъ дьячокъ: — мало ли кто вѣнчался, но не всякій же беретъ свидѣтельство. Вотъ наши мужички православные и знать этихъ пустиковъ никогда не знаютъ. А намъ совсѣмъ неизвѣстно: кому нужно такое свидѣтельство, а кому оно не нужно. Если

*) Содержать «чернило на рукахъ»—значитъ вести письменную часть, а марками называются жестянки, выдаваемые священниками исповѣдникамъ, съ каковыми послѣдніе подходятъ къ записчикамъ, вносящимъ имена въ исповѣдныя росписи. Марки эти должны служить доказательствами, что исповѣдникъ дѣйствительно былъ у священника на духу и получилъ разрѣшеніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, а не записывается въ книги безъ исповѣди. Впрочемъ, эти марки или бляшки теперь уже почти повсемѣстно выводятся изъ употребленія, какъ не достигающія цѣли.

вы вѣнчались для уваженія таинства, то и будетъ съ васъ, и оставайтесь тѣмъ довольны.

Баринъ вскрикнулъ:—Что вы разбойники, что ли, говорить, на что мнѣ таинство!

А дьячокъ свой шагъ спокойно держать.

— Нѣтъ, говорить, мы не разбойники, а вы, господинъ, про таинство потише, да и не ругайтесь, а то я сейчасъ и дверь захлопну, чтобы такихъ словъ не слышать, за конкъ отвѣту потянуть могутъ. А вы тогда оставайтесь на улицѣ и идите куда вамъ угодно жаловаться.

Тутъ баринокъ видитъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ крѣпкимъ: пересталъ пылить и говорить:

— Да нѣтъ, вы, милый другъ, сами посудите... я этого себѣ даже уяснить не могу: въ какомъ же я теперь положеніи?—Да при этомъ рублевый билетикъ ему въ руку и сунуль.

Тогда, разумѣется, и дьячокъ къ нему перемѣнился.

— Давно бы, говорить, господинъ, вы этакъ... честью всегда все скорѣе узнаете. Вы къ батюшкѣ на домъ больше не докучайте, потому что они дома никакихъ объясненій по неприятнымъ дѣламъ не даютъ, а пожалуйте завтра, въ воскресенье, за литургію,—тамъ и объяснитесь.

Тотъ такъ и учинилъ: пошелъ къ обѣднѣ съ пыломъ въ сердцѣ, за обѣднею постоялъ, немножко поуморился и отмякъ, а, дождавшись времени, подходитъ къ батюшкѣ:

— Такъ и такъ, до васъ, батюшка, дѣло имѣю.

— Какое?

— Свидѣтельство мнѣ позвольте.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Что я вами обвиняю съ моею женою.

— А какъ ваша фамилія?

— Такъ-то.

— Не помню. А когда я васъ вѣнчалъ?

— Да вотъ, мѣсяца два тому назадъ.

— Мѣсяца два назадъ... не помню. Но что же вы такъ долго не брали свидѣтельство?

— Я, говорить, нѣсколько разъ приходилъ, да все дома васъ не могъ застать.

— Ничего не слыхалъ, а дома меня точно трудно застать. Впрочемъ, я сейчасъ здѣсь справлюсь.

Оборачивается къ дьячку и говорить:

— Покажи мнѣ, какъ ихъ обыскъ записанъ.

Долго, долго онъ гдѣ-то съ этою справкою возился и, наконецъ, идетъ съ обыскною книгою въ рукахъ и кладетъ ее передъ батюшкой.

— Что же?—спрашиваетъ тотъ:—на которой страницѣ?

— Ни на которой нѣтъ.—отвѣчаетъ дячокъ.

— Какъ такъ нѣтъ?

Дячокъ молчитъ.

— Должно быть, если вѣнчали?

— Не знаю,—отвѣчаетъ дячокъ, а самъ налѣво кругомъ за двери.

А батюшка вручаетъ книгу супругу и говоритъ:

— Вотъ вамъ, милостивый государь, самому книги въ руки, отыщите вашу запись.

Супругъ ищетъ, ищетъ и, разумѣется, ничего не находитъ.

— Нѣтъ, здѣсь, говорить, не записано.

— Вотъ тебѣ и разъ,—отвѣчаетъ батюшка и началъ самъ листки перекидывать.

— Что-же это можетъ значить?

— Значить: нѣтъ.

— Но вѣдь, помилуйте, говорить: я самъ расписывался въ такой книгѣ.

— Но гдѣ же эта ваша роспись?

— Да нѣтъ ея здѣсь.

— А нѣтъ, такъ и суда нѣтъ.

Да съ этимъ хлопъ,—книгу закрыть и въ шкапикъ заперъ.

Супругъ взвиль не своимъ голосомъ.

— Что же это такое? У васъ вѣрно другая похожая книга есть?

А батюшка говоритъ:

— Т-съ, милостивый государь,—потихи. Здѣсь церковь, а не окружный судъ, что вы кричите. Не угодно ли попросить васъ о выходѣ, а то вѣдь вы помните,—здѣсь за всякое неумѣстное слово отвѣтственность по закону усугубляется.

Господишъ и спекся,—милосердія запросилъ.

— Батюшка, говорить, помилуйте, вѣдь это же не можетъ быть; вѣдь вы же, конечно, помните, что я къ вамъ при-

ходить и вы меня вѣнчали, и я вамъ, что было условлено, впередъ заплатилъ.

— Еще бы, говорить, это уже такое правило, — впередъ отдавать.

— Ну, такъ что же, говорить, за что же вы меня такъ обижаете?

— Чѣмъ-съ?

— Да какъ же, помилуйте, я вѣдь это все не для себя, а для жены, да для дѣтей только и дѣлать, а теперь не могу даже разобрать: въ какихъ мы всѣ отношеніяхъ? Это хуже, чѣмъ было.

— Напрасно вы такъ говорите, отвѣчать батюшка, чѣмъ же *хуже*? Ничего вы хуже не надѣлали. Во всякомъ случаѣ, если вы взяли благословеніе въ церкви, это безвредно и для супруги вашей хорошо—женщина должна быть религіозна. А въ разсужденіи прислуги отъ этого въ домѣ гораздо спокойнѣе,—прислуги законъ брачный уважаютъ и вѣнчанную барыню лучше слушаютъ. Что же тутъ худо?

— Но мнѣ не это нужно... мнѣ свидѣтельство нужно!

— Свидѣтельство-о-о?

— Да?

— А я вамъ развѣ его обѣщалъ?

— М... н... то-есть... мы объ этомъ не говорили.

— Надѣюсь, что не говорили. Вы приняли ко мнѣ и просили васъ повѣнчать и представили документики какіе-то ледащенскіе, темные, и говорите, что другихъ достать не можете, и къ тому же, вы человѣкъ не богатый и заплатитъ много не въ состояніи. Такъ это или нѣтъ?

— Такъ-съ.

— Ну, что же, развѣ я васъ обидѣлъ или притѣснилъ? Ничуть не бывало: я вамъ, напротивъ, во-первыхъ, добрый совѣтъ далъ, я вамъ сказалъ: если вы человѣкъ незначительный, такъ для чего вамъ обо всемъ хлопотать! Вы не графъ, ни князь, ни полковникъ, — и живите себѣ, какъ жили. Но вы на своемъ стояли, что вамъ это нужно, — что она «пристаетъ», что «надо отъ этого отвязаться». Что же — я и тутъ васъ не огорчилъ: — васъ никто бы не сталъ вѣнчать, а я васъ пожалѣлъ. Я знаю, что барыни охочи вѣнчаться, и вамъ на ваше слово повѣрилъ и обвѣнчалъ васъ для ея утѣшенія, и всего тридцать рублей за это взялъ, ничего болѣе съ васъ не вымогалъ. А если бы вы мнѣ

тогда сказали, что вамъ не только вѣнчаніе, а и свидѣтельство нужно, такъ я бы понялъ, что это уже не для женской потѣхи, а для чего-то иного прочаго, и за это бы съ васъ трехсотъ рублей не взялъ. Да-съ, не взялъ бы, и не возьму, потому что у меня и своя жена, и свои дѣти есть. Прощайте.

— Но... позвольте... какъ же... гдѣ же я и жена, въ какую книгу мы себя записали?

— А это, я вамъ скажу,—не ваше дѣло.

— Нѣтъ, это мое дѣло: вѣрно у васъ другая книга есть.

— Да, для такихъ супруговъ, какъ вы, есть другая книга.

— Но это не можетъ быть.

— Вотъ тебѣ разъ,—почему это не можетъ?

— Консисторія не выдаетъ двухъ книгъ.

— А вы посмотрѣли въ ту книгу: откуда она была выдана!

— М... н... нѣтъ.

— А то-то и есть, что нѣтъ. Плохо видно васъ на вашихъ лекціяхъ учили, если пишете не взглянувъ: на чемъ пишете.

— Такъ вѣдь это все подлогъ, фальшь...

— Нимало не фальшь, — а просто предварительная чернетка, которая по минованіи надобности посякнется и въ огонь вметается.

— Такъ я же найду, кто были свидѣтели...

— Поищите, такъ они вамъ и объявятся.

— Ага! такъ вотъ зачѣмъ вы и сказали, что вамъ не надо монхъ свидѣтелей, а какую-то свою сволочь поставили.

— Да уже конечно такъ; только все же моя сволочь лучше вашей: они хоть сволочь, да я-то ихъ знаю, а вы бы мнѣ такихъ свонхъ ангелистовъ привели, что каждый вмѣсто крестнаго имени чужою чортовой кличкой назовется, а потомъ ни знать, гдѣ его и искать, — въ какомъ болотѣ. Нѣтъ, государь мой, мы, въ наше умное время, отъ вашего брата тоже учены.

— Тьфу!

— Здѣсь не плюйте, а то подтереть заставлю.

— Но что же мнѣ дѣлать: вы меня сгубили, такъ дайте хоть мнѣ совѣтъ.

— Совѣтъ извольте: достаňte себѣ съ супругою хорошіе

документы и ступайте, ничего не говоря, къ приходскому священнику, — онъ васъ обвѣнчаетъ и дастъ вамъ свидѣтельство. А со мною всѣ ваши объясненія кончены.

— И ничего болѣе?

— Да, ни одного слова болѣе.

Какъ мнѣ разсказаль все это мой сторожъ, продолжалъ собесѣдникъ, я и руки растопырилъ.

Вотъ это, думаю, артистъ, такъ артистъ. Чтò за работа, чтò за милая работа! И просто все, и вѣрно, и безопасно, и даже по-своему *юридически честно*: за что взялся, — то и сдѣлалъ, а неуговорнаго съ него и не спрашивай. За чтò человѣкъ не брался, за то и не отвѣчаетъ.

— Чудесно, говорю: спасибо тебѣ, братъ, безголосый пѣвецъ, что ты мнѣ, глупому человѣку, такія умныя дѣла открылъ. Хотя я самъ ихъ дѣлать и не стану, но все-таки просвѣщеннѣ буду. И отпустилъ его отъ себя къ тому батюшкѣ съ миромъ и даже съ наградою, на тотъ конецъ, чтобы не забывалъ ко мнѣ заходить и порою просвѣщать мое робкое невѣжество тѣмъ, что они, совокушивъ свою опытность, дѣлать будутъ.

— И что же, спросилъ я: онъ къ вамъ заходилъ?

— И сейчасъ иногда заходитъ.

— И интересныя дѣла рассказываетъ?

— Охъ, рассказываетъ, разбойникъ, рассказываетъ.

— Удивляюсь, какъ теперь это стало откровенно.

— Дѣйствительно, откровенно; да вѣдь что еще и сокрывничать-то, когда — какъ мои дѣти на фортеціано куплетъ поютъ:

«Расплясалась вся Россія
«Въ ахенбаховщинѣ мерзкой,
«Лишь одинъ Іеремія
«Намъ остался, — князь Мещерскій!»

А главное, замѣтьте, любо-дорого то, что все это хорбно практикуется. Откровенно, а комаръ носу ни подо что не подточить.

— Батюшка! говорю: будьте благодарителъ, познакомьте меня съ этимъ интереснымъ человѣкомъ.

— Съ пѣвцомъ-то съ безголосымъ?

— Да.

— Извольте. Давайте вашу карточку.

Я подаль, а батюшка начерталь на ней рекомендацію и

наименовалъ меня «дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ», что мнѣ показалось неудобнымъ.

— Извините, говорю: это не годится, — у меня такого чина нѣтъ.

— Ну, вотъ важность! нынче никого меньше не называютъ, а къ тому же онъ сталъ гонористъ, и если узнаеть, что вы писатель, а не генераль, такъ, пожалуй, знакомиться не захочеть.

— Да, а я, говорю, все-таки, стѣсняюсь...

— Есть чѣмъ стѣсняться? суньте два пальца вмѣсто руки, — вотъ и сановникъ. Неужели у васъ на это образованія не достанеть?..

Однако я не былъ у безголосаго пѣвца, потому что это представляло слишкомъ большія трудности: выходило, что для собесѣдованія съ этимъ интереснымъ лицомъ мнѣ не только надлежало выдать себя за дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и тыкать два пальца человѣку, который подаетъ мнѣ цѣлую руку, но надлежало еще изобразить собою предъ пѣвцомъ жениха или, по крайней-мѣрѣ, тайнобрачнаго переговорищика. Я опасался, что не выдержу этихъ замысловатыхъ ролей передъ такимъ проницательнымъ человѣкомъ, а къ тому же думалось мнѣ, что самъ отецъ протоіерей открылъ мнѣ довольно, чтобы не гнаться за большимъ. Кроме того, пѣвецъ могъ сообщить мнѣ только факты, разнообразіе которыхъ зависить отъ случайностей, а ихъ природа почти неизслѣдима, между тѣмъ какъ настоящій мой собесѣдникъ могъ ввести меня въ самую философію вопроса, въ самую суть нравственныхъ побужденій, руководящихъ духовенствомъ въ дѣлахъ тайнобрачія. Это мнѣ казалось интереснѣе, потому что нѣкоторое знаніе правовъ нашего духовенства внушало мнѣ твердую надежду, что и здѣсь, въ этомъ путанномъ дѣлѣ долженъ дышать тотъ духъ простоты и практическаго добротолубія, который присущъ русскому человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія и дѣятельности.

И я не ошибся. Роковые случаи, представляющіеся на практикѣ при вѣнчаніяхъ паръ, которыя не могутъ быть повѣнчаны съ разрѣшенія начальства, почти всѣ совершенно невозмутительны, а нѣкоторые изъ нихъ такъ трогательны, что надо имѣть мертвое, «почившее на законѣ», сердце,

чтобы не оцѣнить благодати, движущей сердца живыми, которыя ласково усыпляютъ законъ, вмѣсто того, чтобы самимъ азартно уснуть на немъ.

Такой случай мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ, даже не отдѣливъ отъ него немножечко и самого себя.

Я продолжаю и доканчиваю его бесѣду, а съ нею и мои очерки.

— Ко всему нынѣшнему тайнобрачію, — изрекъ ояъ: — какъ къ каждому историческому явленію, надо относиться беззлобно и съ разсмотрѣніемъ. И когда такъ станете смотрѣть, то и увидите, что оно полезно и отвѣчаетъ времени. А по сему времени даже и самыя заливчатскіе «вѣнчальные батюшки» тоже, въ своемъ родѣ, нужны и годны. Право, право, годны: въ большомъ хозяйствѣ все сдается. И хотя я ихъ методы, безъ узловъ шить, въ принципѣ и не одобряю, но знаю, что и это у насъ инымъ въ прокъ пошло.

Я было обнаружилъ попытку выразить нѣкоторое сомнѣніе, но батюшка, замѣтивъ это, придержалъ меня за руку и сказалъ:

— Не спѣшите поспѣшать. Я живой случай знаю, гдѣ если бы не эта благодать, такъ нельзя было бы оказать помощи очень жалкимъ людямъ, которые однажды пришли ко мнѣ съ преудивительною исторіею.

Лѣтъ восемь назадъ ко мнѣ въ домъ хаживала дочеринна подруга. Славная дѣвица Нюточка, — все онѣ съ моею дочерью въ четыре руки играли. Но потомъ она вдругъ какъ-то сникла. Перестала ходить, — я этого не замѣтилъ, а потомъ, когда дочь скоро замужъ вышла, то я и совѣмъ про эту чужую дѣвочку забылъ. Проходитъ такъ годъ, два и три, — и пять лѣтъ, но вдругъ тоже вотъ такъ, въ лѣтнее время (у меня замѣчательно, что большая часть казусовъ со мною все лѣтомъ случается, когда я въ одиночествѣ дома бываю), приходитъ ко мнѣ нѣкая молодая особа женскаго пола, съ виду мнѣ незнакомая, собою, однако, довольно благоприличная, но смутная и чѣмъ-то, какъ бы, сильно подавленная. Я думалъ, что потеряла себя и вѣрно хочетъ исповѣдываться, но вышло другое. Называетъ себя по имени и говорить, что была она подругою моею дочери по гимназіи, а потомъ пошла достигать высшаго знанія, но не сподобилась онаго, потому что попала въ нѣкоторыя «трудныя

комбинаціи». Словомъ сказать, дойдя, вмѣсто научнаго совершенства, до нищеты и убожества, вспомнила о своей подругѣ, а о моей дочери, и пришла просить ее, не можетъ ли она достать ей гдѣ-нибудь переводовъ.

Ужаснуло меня это младенчество просьбы и младенчество страннаго ея вида.

— Извините, говорю, дочери моей здѣсь нѣтъ: она уже давно замужъ вышла и живетъ въ другомъ городѣ, да и переводами не занимается, а наипаче занята домашнимъ хозяйствомъ и чадорожденіемъ. Поэтому, если бы вы и писать ей захотѣли, то это будетъ для васъ бесполезно. А васъ я теперь дѣйствительно немножечко припоминаю: васъ, говорю, кажется, звали Нюточкою?

— Да, отвѣчаетъ, меня такъ прежде называли.

— Очень радъ, говорю, васъ видѣть, но что же довело васъ до такихъ комбинацій?

Она хлопъ-хлопъ глазенками, да и заплакала.

— У васъ есть родные?

— Да, говоритъ, у меня есть братъ, и называетъ фамилію одного довольно извѣстнаго адвоката.

— Вы, говорю, вѣрно у него живете?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ.

— А почему же такъ?

— Онъ женатъ.

— Такъ что же такое, развѣ при женѣ для сестры и за ширною мѣста нѣтъ.

— Нѣтъ, мы съ его женою не ладили, я одна съ дѣтьми живу.

— Такъ вы вдова?

— Нѣтъ, не вдова.

— Тогда гдѣ же вашъ мужъ—вѣрно сосланъ?

— Нѣтъ, говоритъ, не сосланъ, а его нѣтъ со мною.

— Отчего?

— Онъ въ очень затруднительномъ положеніи.

— Въ какомъ затруднительномъ положеніи, чтобы своихъ дѣтей бросить?

— Его обманули, когда онъ женился.

Тутъ уже я глазами захопала.

— Милая барынька, говорю: да вы что же это такое, шутите, что ли? Что вы мнѣ рассказываете: какъ же онъ

могъ отъ живой жены во второй разъ жениться? развѣ вы разведены?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, мы жили въ гражданскомъ бракѣ, а одна моя подруга хотѣла въ акушерки, и ей понадобилось выйти въ фиктивный бракъ, она меня попросила, чтобы я позволила...

— Ну-съ?

- А она устроила комбинацію...

- Какую, милостивая государыня?

— Она, вмѣсто того, все обратила въ серьезъ и заставляетъ его, чтобы онъ ей деньги давалъ, и теперь онъ что получаетъ—ей носить, а мнѣ помогать не можетъ.

— Что же, онъ и съ нею не живетъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, онъ съ нею вмѣстѣ не живетъ; она одного полицейскаго любитъ, а этого только заставляетъ, чтобы онъ часть жалованья ей приносилъ.

— И онъ носить?

— Да что же дѣлать, а то она жаловаться поидетъ.

— Да кто же онъ такой, вашъ общій мужъ-то?

— Ветеринаръ.

— Гм! думаю себѣ: однако она должно быть очень ловкая, эта акушерка, если на самомъ ветеринарѣ ѣздить.

— Да, она, говоритъ, очень развита.

— Развита? А извините, говорю, за вопросъ: онъ не дурачокъ, этотъ господинъ ветеринаръ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ: какъ дурачокъ? — онъ тоже очень развить.

— Какъ же, говорю, развить, а отъ акушерки отбиться не можетъ?

— Да онъ отбилъ и живетъ у товарищѣй, а больше нельзя, потому что у нея по полициѣ всѣ ей полезныя связи.

— Ага, говорю: это дѣйствительно «комбинація». Ну, а гдѣ же ваши дѣтки?

— Недалеко, говоритъ, тутъ за вокзаломъ на третьей верстѣ по желѣзной дорогѣ у сторожихи живутъ, — я ихъ тамъ оставила, а сама пришла переводовъ искать.

— Стало-быть, вы теперь всѣ врозь?

— Да.

— Ветеринаръ съ товарищемъ, вы съ своими котятками, а та съ полицейскими?

— Да.

— А въ городѣ-то, говорю, у васъ есть пріютъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ — нѣту, да это ничего не значить: теперь тепло,—я ночь по бульвару прохожу.

— Какъ проходите?

И не дождавшись, что она мнѣ отвѣтитъ, скорѣе взялъ ее обѣими руками за голову, поцѣловалъ въ темя и говорю:

— Ничего я, бѣдное дитя, не понимаю, что вы мнѣ такое рассказываете. Вы ко мнѣ съ своими «комбинаціями» точно прищелнца изъ другого свѣта упали. Но я, во всякомъ случаѣ, не ксендзь, чтобы васъ укорять, и не протестантскій пасторъ, чтобы отъ вашихъ откровеній придти въ ужасъ или въ отчаяніе, а какъ простой попъ я только васъ на бульваръ ночевать не пущу. Вотъ у меня вся пустая квартира къ вашимъ услугамъ, а на кухнѣ есть баба-старуха смотрѣлка. Я ее сейчасъ къ вамъ призову. Разуйте поскорѣй свои бѣдныя ноженъки, напейтесь чаю, да ложитесь на диванъ въ гостиной спать. А впрочемъ, я старикъ—со мною и съ однимъ неопасно оставаться.

Она согласилась. И все это какъ-то тупо: и одно предполагаетъ, и сейчасъ другое располагаетъ, на все согласна—и все какъ не живая. Видно уже, что весь человѣкъ въ ней до-мертва въ порошокъ растолченъ.

Ужасно мнѣ ее стало жалко. Въ голову впало: какъ таковой горемыкѣ на свѣтѣ жить? Свои дѣти у меня хорошо устроены, благодаря Бога и добрымъ людямъ, потому что заботился о нихъ, да къ тому же они дѣти іерейскія, — въ свѣтѣ могли ходъ имѣть, а эта тля безпомощная: къмъ она покрыта? Можетъ быть, съ дѣтства на произволъ пущена. А все же вонъ въ ней еще какое-то добро ерошится: и за наукою она стремилась, и мужа своего гражданскаго отдала на поддержаніе, а теперь, какъ кошка мечется и своихъ котятъ по сторожкамъ носить... И все это во имя чего-то возвышеннаго. Право, точно пришлецы изъ другого міра, а между тѣмъ страдаютъ какъ люди. Оставилъ я ее и пошелъ на вечеръ къ коллегѣ, у котораго жена зимою не позволяеть въ карты играть, такъ онъ лѣтомъ, пріѣзжая съ дачи на служеніе, и собираетъ кружочекъ.

Засталъ тамъ ближнихъ и искреннихъ и «вѣнчальнаго батюшку». Провинтилъ въ винтъ рублей за сорокъ и, по

склонности человеческой, сваливаю всю вину этого проигрыша на кого-нибудь другого.

— Это, говорю, ребята, я так провинтился отъ разстройства: одна дѣвчонка меня нынче очень размазала. И рассказали имъ о своей гостьѣ.

Всѣ выслушали и особеннаго вниманія не обратили, но мой вѣнчалникъ, идучи вмѣстѣ со мною домой, вѣрно нѣчто почувствовалъ, одобрился и уронилъ мнѣ «крылатое слово»:

— Еще такъ ли это, какъ они сказываютъ. Можетъ быть, имъ еще можно пособить. Вы у нихъ свидѣтельство спросите.

— Да какъ имъ пособить, если они обвиняны? Вѣдь у нихъ грошей на разводъ нѣтъ.

— Да я, отвѣчаетъ, о разводѣ и не думаю, а можетъ быть это дѣло совсѣмъ не порчено, — и развода никакого не надо.

— Все равно, если и свидѣтельства нѣтъ, а вѣнчаны, такъ уже пропадай они совсѣмъ, — второй разъ перевѣнчивать зазорно.

— Я, говоритъ, думаю, что ихъ не вѣнчали. Небось пропѣли что-нибудь, да и конецъ.

— Ну, можетъ ли это быть?

— А отчего нѣтъ? Они вѣдь англисты, — въ церковь не ходятъ, службы не знаютъ, не все ли имъ равно, что имъ сподрутъ: молебень, или вѣнчанье. Нѣтъ, вы спросите-ка свидѣтельство.

Думаю: и вправду, дай-ка спрошу! Онъ это даромъ на вѣтеръ не бросилъ.

Отслуживъ на утро обѣдню, напился съ своей гостьей чаю и говорю:

— Я вамъ переводишко устроилъ, и вотъ вамъ пока изъ редакціи три рубля впередъ, а передъ вечеромъ пожалуйста, — тогда и переводъ получите. Да не можете ли пригласить ко мнѣ вашего ветеринара, — я и ему кое-что хочу предложить.

Такъ, разумѣется, вздоръ вралъ, но въ случаѣ если бы она стала разспрашивать, сказалъ бы, что хочу его откомендовать въ Москву бѣснаго слона лѣчить. Но только она не спросила, а прямо его обѣщала привести.

А я тѣмъ временемъ спосылалъ за безголосымъ пѣвцомъ

и спрашиваю: есть ли у нихъ для себя какія-нибудь памятки, кто у нихъ легко вѣнчанъ?

Отвѣчаетъ: есть.

— Нельзя ли, говорю, мнѣ справиться про такого-то студента?

Онъ это минутою сдѣйствовалъ и воротился,—говорить:

— Очень легко сдѣлано.

— Такъ что можно ему еще разъ жениться?

— Сколько угодно. Имъ просто молебень спѣтъ.

— Ишь, говорю, что вы, разбойники, строите.

— А что же, отвѣчаетъ, да они безбожники больше и не стоятъ. До какихъ лѣтъ доживутъ, въ церковь гроша не подадутъ, и не слышали о томъ, какая служба есть. Имъ и молебя-то жалъ, — не токма что Исаю для нихъ безпо-
контъ.

— Такъ, значить, они съ акушеркой не вѣнчаны?

— Не вѣнчаны.

Я это принять къ свѣдѣнію, пообедалъ и только маленько соснулъ, какъ смотрѣлка меня будить:

— Утренняя мадамка, говоритъ, вдвоемъ пришла.

— Съ кѣмъ?

— Женихъ, говоритъ, ейный, что ли, не знаю.

Я велѣлъ подождать, обтерся со сна полотенцемъ и выхожу.

Они кланяются.

Не знаю, что она въ немъ и полюбила, — смотрѣтъ со-
всѣмъ не на-что.

Я его туда, сюда повернуть и въ первыхъ же разгово-
рахъ вижу, что дѣтина самая банальная: откровенно глушь
и откровенно хитерь. Такъ сказать — фруктъ нашего уро-
жайнаго года.

— Я, говоритъ, обмануть низостью, какой не ожидалъ.
Жена моя, говоритъ, казалась развитою женщиною, — увѣ-
ряла, будто ей нужно выйти замужъ только для того, чтобы
отъ родительской власти освободиться, а потомъ стала тре-
бовать, чтобы я Анюту бросилъ, а съ нею на одной квар-
тирѣ жить, или чтобы я ей на содержаніе давалъ. А послѣ
къ ней полицейскіе стали ходить и она меня начала пугать.

— Чѣмъ?

Молчить.

— Доносъ какой-нибудь хотѣла сдѣлать?

Пожимасть плечами и отвѣчаетъ:

— Вѣроятно.

— Да вы развѣ въ чемъ-нибудь замѣшаны?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, я не замѣшанъ, но мы еще со студенческаго времени всѣ безъ замѣшательства, такъ, просто боимся, а она теперь и сама въ полицію акушеркой поступила.

— Ахъ ты, думаю, дурачокъ горькій. И спрашиваю:

— Она въ полиціи, а вы-то гдѣ служите и подъ чьимъ начальствомъ?

Называетъ мѣсто и начальника—лицо мнѣ, по старымъ памятямъ, весьма знакомое: еще съ табелькой съ нимъ игравали.

— Да у тебя, голубчикъ, въ формулярѣ-то записано ли, что ты женатъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, не записано.

— А вѣнчальное свидѣтельство есть?

— Тоже нѣтъ.

— Почему?

— Не дали.

— Хорошо, что не дали. А теперь отвѣчай мнѣ: радъ бы ты имѣть женою, вмѣсто твоей акушерки, Нюточку?

Молчить.

— Что же ты молчишь?

— Я, говоритъ, вѣдь совсѣмъ противъ брака.

— Ага, молъ, инь ты какой: норовишь лизнуть да и сплюнуть. А по доброму порядку, говорю, когда человекъ съ женщиною дѣтей прижилъ, такъ ему ужъ эти рацеи надо въ сторону. Женись-ка, братъ, на ней да и баста.

— Да, вѣдь, это невозможно.

— А если бы возможно было?

Опять молчить.

— Ну, стало быть, говорю, ты, братъ, лукавишь. Отвѣчайте-ка вы, Нюточка: вы желали бы быть его женою?

Та, молодцомъ, сразу прямо отвѣтила, что желала бы. Видно уже игра-то сія ей надоѣла.—Но онъ молчить.

— Что же ты, говорю, сталъ? Поверни тебя, батюшка Спиридонъ-поворотъ.

— Я, говоритъ, больше уже не попадусь.

— Кому это?—женщинѣ, которая вашихъ дѣтей таскаетъ и васъ любить?

— Все равно, говорить, я могу жить граждански.

— Нѣтъ, думаю, если ты по-граждански, такъ я же съ тобой съ разбойникомъ сдѣлаюсь по-военному.

Язычокъ-то себѣ прикусилъ и о родѣ его вѣнчанія съ акушеркой ничего ему не сказалъ,— чтобы онъ не считалъ себя свободнымъ, а озаботился имъ иначе.

Какъ онъ ушелъ, я положилъ передъ его супругой листъ бумаги и говорю:

— Пишите-ка, какой я вамъ переводъ продиктую.

И задиктовалъ, указывая, гдѣ что ставить: «Его превосходительству, господину такому-то, отъ такой-то докладная записка. А затѣмъ продолженіе въ такомъ смыслѣ, что «я, просительница, приживъ внѣ-брачно съ такимъ-то, служащимъ подъ вѣдѣніемъ вашего превосходительства, двухъ дѣтей, въ чемъ онъ чистосердечно признался при священникѣ такомъ-то, и не получая отъ него ничего на содержаніе сихъ невинныхъ малютокъ, коимъ сама не въ состояніи снискать пропитанія, а потому всепочтительнѣйше прошу побудить его на мнѣ жениться, или по крайности оныхъ моихъ малютокъ обезпечить должнымъ, по средствамъ его, содержаніемъ, вычетомъ части изъ его жалованья».

Она это все написала, а потомъ спрашиваетъ:

— Къ чему это писано?

— А къ сему, говорю, подпишись.

— Но, вѣдь, это доносъ.

— Нѣтъ: это докладная записка.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчаетъ, я подпишу. И подписала.

Я взялъ этотъ манускриптъ въ карманъ, надѣлъ новую рясу и пошелъ къ генералу, котораго, какъ вамъ говорю, еще въ малыхъ чинахъ коротко по картамъ зналъ. Отлично шельмецъ съ табелькой игралъ и, вообще, былъ чудесный парень,—любилъ выпить и закусить, и отношенія наши, по полковому, были на «ты».

Конечно, *honores mutant mores*.—можетъ быть, онъ и перемѣнился, но я какъ-то этого не надѣялся и рѣшилъ держаться съ нимъ на прежней ногѣ.

Велѣлъ о себѣ доложить, а самъ сталъ передъ зеркаломъ, чтобы орденки поправить. Но въ это же зеркало и вижу: онъ въ ту же минуту выходитъ, прямо ко мнѣ, крадется и—цалъ сзади ладошами глаза мнѣ и закрылъ.

— Жоздра! говорю,—радость моя,—это ты.

— А ты,—воскликаетъ,—почему узналъ?

— Мудрено ли узнать: кто, кромѣ тебя, можетъ мою священную особу за лицо брать, а къ тому же я и въ зеркало тебя видѣлъ. Давай, поцѣлуемся.—И, говорю, къ тебѣ по дѣлу, Жоздра.

Его Егоромъ величали, но мы его Жоздрою звали, потому что такъ ему одна нѣкогда влюбленная въ него простонародная дѣвица бѣлошвейка писала.

— Есть у тебя такой-то подчиненникъ?

— Есть.

— Повели ему, мой ангелъ, на одной мамзелькѣ жениться.

Онъ расхохотался.

— Что ты это, попъ-чудила,—говоритъ,—выдумалъ. Въ моей власти конскія свадьбы, но человѣческіе браки не по моему вѣдомству.

— Нѣтъ, говорю, Жоздра, жизненокъ мой, маточка,—не говори глупостей: у русскаго генерала все во власти! Я иначе не вѣрую. Не огорчай меня, не отказывайся отъ христіанскаго дѣла, повели дураку жениться на дурѣ, чтобы вышла цѣлая фигура, а то мнѣ ихъ и ребятъ очень жалко.

Онъ было опять смѣяться, но я говорю:

— Нѣтъ, ты ангелъ мой, не смѣйся,—это дѣло серьезное. И рассказала ему все дѣло.

— Понимаешь ли, говорю, что этого ни въ какой конглавъ нельзя пустить, чтобы кто-нибудь не пострадалъ, а зачѣмъ страдать, когда ты по-генеральски, одинъ все дѣло поправить можешь.

— Какимъ манеромъ?

— Просто—повели, да и баста, на то ты начальникъ.

— Я выгнать его, говоритъ, могу, но принудить его жениться не имѣю права.

— Тпру, тпру, тпру, отвѣчаю,—остепенись. Чтò ты это такое выдумалъ? Какъ можно человѣка выгнать, да еще сособенно этакого глупаго. Куда онъ безъ казенной службѣ годится? Нѣтъ, ты не ожесточай несчастнаго сердца, а просто потребуй его передъ себя и накричи.

— Что же я буду кричать?

— Да что хочешь, только посердитѣ: это все равно. Но если заметишь, что отвѣчать хочетъ, этого не допускай,—топни и скажи: молчать.

— И съ тебя этого будетъ довольно?

— Совершенно, мамочка, довольно. Только, пожалуйста, посердитѣе и чтобы не смѣлъ отвѣчать.

— Изволь, говоритъ, уважу,—и съ этимъ позвонилъ, а мнѣ добавляетъ: пойди, тамъ, за ширмой, посиди, покури и послушай, что выйдетъ. Я ни за что не ручаюсь.

— Да тебя, говорю, никто и не проситъ ручаться, только сдѣлай свое начальническое дѣло добросовѣстно,—накричи.

Ну, онъ и дѣйствительно сдѣлалъ все это очень хорошо: какъ тотъ вопель, онъ сразу его афранпировалъ. Всѣ нынѣшнія жестокія хитрости сентиментальнаго обхожденія откинувъ, прямо ему сочиненною мною докладною запискою мимо носа на землю швырнулъ.

— Знаете ли вы, спрашиваетъ, какая женщина это пишетъ?

И чуть тотъ было только ротъ разинулъ, чтобы сказать: «знаю»,—онъ какъ крикнетъ:

— Молчать! Почему вы на ней не женитесь?

Но прежде, чѣмъ тотъ отвѣтилъ, я ему черезъ ширму пальцами махнулъ, онъ—опять крикнулъ:

— Молчать! Я знать ничего не хочу! Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-шаю.

— Завтра мнѣ чтобы брачное свидѣтельство было. Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-шаю.

— Вонъ! и до тѣхъ поръ на глаза мнѣ не смѣть показываться. Слышите?

— Слу-слу-слу-шаю.

— Деньги на свадьбу есть?

— Нѣтъ.

— вспомошествованіе дамъ, а пока... Батюшка!—зоветъ меня:—пожалуйте сюда.

Я вышелъ.

— Извольте взять, говоритъ, этого соблазнителя: онъ дѣвицу соблазнилъ и долженъ немедленно быть съ нею обвѣнчанъ. Прошу васъ исполнить это и завтра же прислать мнѣ его брачное свидѣтельство.

— Слушаю-съ, отвѣчаю. Извольте, молодой человекъ, идти и приготовьте разрѣшеніе начальства. Я за нимъ зайду. Тотъ вышелъ, а генералъ спрашиваетъ меня:

— А что, я какво кричу?

Я его въ обѣ щеки чмокнулъ и говорю:

— Дивно, дивно! но теперь доверни свою работу: сплавь ихъ отсюда.

— Куда?

— Назначь его куда-нибудь въ провинцію отдѣльную должность занимать.

— Это для чего?

— Да онъ тамъ успокоится и съ простыми людьми въ разумъ придетъ.

И въ этомъ успѣлъ. Такъ я ихъ въ одинъ день развелъ, а на другой день обвѣнчалъ, съ малымъ упущеніемъ по числу оглашеній, и свидѣтельство выдалъ, а черезъ недѣлю и на службу ихъ выпроводилъ. Онъ ничего и понять не могъ. Однако пробовалъ меня пугать.

— Вы отвѣчать, говорить, будете.

— Ну это, моль, не твое дѣло: мнѣ начальство приказало вѣнчать, а я власти покоренъ.

Такъ онъ и сейчасъ настоящимъ образомъ всего не понимаетъ, а живутъ, судьбою довольны и назадъ не просятся,—думаютъ, небось, что они въ самомъ дѣлѣ законопреступно обвѣнчаны, да, чай, и акушерки боятся.

— А что же, акушерка не приходила?

— Къ кому?

— Къ вамъ.

— Какъ же,—приходила. Я ее къ гнѣвцу отправилъ.

— И послѣ не видали?

— Нѣтъ, видѣлъ одинъ разъ у пристава на крестинахъ.

— Что же она: сердилась?

— Н-н-нѣтъ. Поискала вчерашняго дня и увидала, что она дура.

— «Отличную, говорить, батюшка, ваши духовные со мною штуку сыграли».

— А что такое?

— «Да то, что я по ихъ милости все равно, какъ будто вмѣсто кадрили вальсъ протанцовала».

— Ну, что дѣлать, когда-нибудь утѣшиться, вмѣсто вальса кадрили протанцуете. На кого же ей сердиться?

— Просто невѣроятно!

— Вотъ то-то и есть. А поведите-ка все это черезъ настоящія власти,—какая бы кутерьма поднялась, а путнаго

ничего бы не вышло, потому что законъ и высокое начальство, стоя превыше людскихъ слабостей, къ глупости чело-вѣческой снисхожденія не могутъ оказывать, а мы, малые люди, можемъ, да и должны. Дурачки, да наши. Что жъ ихъ хитрецамъ въ обиду давать? Надо ихъ пожалѣть. Поживутъ съ наше—и они обумнѣютъ,—тоже людей жалѣть будутъ. Но довольно мнѣ вамъ эти сказки сказывать. Я ужъ очень разболтался, пойду—посмотрю, что мнѣ въ мотѣ написали.

— Да, говорю, это и впрямь все отдаетъ сказками.

— Сказки, сударь, и есть, сказки. Живи да пошвыстывай... «Патока съ инбиремъ, ничего не разберемъ, а ты дядя Еремѣй, какъ гораздъ, такъ разумѣй».

Собесѣдникъ мой подаль мнѣ руку, которую я придержалъ и спросилъ:

— Но неужто же у насъ никто не можетъ помочь вмѣсто всей этой городьбы прямую улицу сдѣлать?

— А объ этомъ намъ еще ничего неизвѣстно. Впрочемъ, никогда, ни въ чемъ не должно отчаиваться: одна набожная старушка въ дѣтствѣ меня такъ утѣшала: все, говорила, можетъ, поправиться, ибо «рече Господь: аще могу—помогу». Гдѣ она это вычитала,—я тоже не знаю, но только она до ста лѣтъ благополучно дожила съ этимъ упованіемъ, чего я и вамъ отъ души желаю.

ИМПРОВИЗАТОРЫ.

(КАРИКАСА СЪ НАТУРЫ.)

Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидѣть вечеркомъ.

А. Фетъ.

«Одни представляли ее себѣ въ видѣ женщины, отравляющей воду, другіе — въ видѣ запятой. Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

С. Смирнова («Нов. Вр.» 18 ноября 1892).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Остроумная писательница, изъ послѣдняго литературнаго этюда которой я выписалъ этотъ эпиграфъ, обрисовываетъ дѣло чрезвычайно вѣрно. Когда лѣтомъ 1892 г., въ самомъ концѣ девятнадцатаго вѣка, появилась въ нашей странѣ холера, немедленно же появилось и разномысліе, что надо дѣлать. «Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

Слѣдуетъ добавить, что народъ не только такъ «думалъ», но онъ пробовалъ и приводить это въ дѣйствіе. Нѣсколько врачей, старавшихся убить запятую для лучшей пользы дѣлу, были сами убиты.

Это случилось, говорить, оттого, что простымъ людямъ всего своевременно и терпѣливо не объяснили и, главное, не показали имъ нигдѣ эту самую «запятую», чтобы они видѣли, какъ она имъ вредитъ. Это, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ хорошо было бы показать, но только сдѣлать

это было очень трудно: занятая видима только подъ микроскопомъ, а въ слободахъ и селеніяхъ, гдѣ живетъ «народъ по преимуществу», микроскоповъ (или «мелкоскоповъ») нѣтъ. Поэтому нельзя удивляться, что народу, который впервые услышалъ про «занятую», вѣсти о ней показались сомнительными. Народъ довольно пріученъ не вѣрить ученымъ, и онъ смекнулъ, кому эта выдумка о «занятой» могла быть выгодна, и порѣшилъ наказать лѣггарей за ихъ выдумку.

Въ столицахъ, гдѣ образованность несравненно выше, наукѣ оказано совсѣмъ иное довѣріе: здѣсь занятую видѣли увеличенную подъ микроскопомъ, засушенную и выставленную на окнѣ «въ квартирѣ извѣстнаго журналиста, живущаго на окраинѣ города». Объ этомъ было напечатано въ петербургской газетѣ, особенно слѣдящей за разнообразными явленіями столичной жизни.

«Журналистъ, проживающій на окраинѣ», демонстрировалъ «занятую» множеству людей, между которыми были особы достопримѣчательнаго положенія. Видъ козявки всѣхъ удивлялъ; большинство людей отбѣгали отъ нея въ страхѣ, и лишь немногіе поддавались успокоительнымъ увѣреніямъ журналиста, что «занятая обезврежена», и тогда брали ее въ руки.

Такъ образованнымъ жителямъ столицы не было никакого труда увѣровать въ «занятую»; но слободскимъ и деревенскимъ мужикамъ никто этого не показалъ, и они въ занятую не повѣрили и до сихъ поръ еще не вѣрятъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсказанный случай съ «увеличенной запятой» газета объясняла такъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, «купилъ шутки ради курьезную японскую козявку», а когда одинъ генераль спросилъ его: что это такое?— онъ, по вдохновенію, сказалъ, что это «увеличенная и засушенная запятая». Генераль этому повѣрилъ, а журналистъ сталъ пробовать: неужто и другіе образованные люди могутъ вѣрить такой очевидной нелѣпости. И оказалось, что *всѣ этому вѣрили!*

Если сопоставить то, что замѣчено г-жею Смирновою насчетъ несоотвѣтствія народныхъ взглядовъ на «занятую», съ тѣмъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, обнару-

жилъ въ людяхъ высшаго порядка, то выйдетъ, что степень легковѣрія и безразсудства на томъ и на другомъ концѣ общественной лѣстницы получается какъ бы одинаковая; но вверху дѣйствуетъ козявка засушенная, а по низамъ ползетъ что-то живое, и не заморское, а простое доморощенное.

Что же такое замѣняло и замѣняетъ засушенную «запиту» въ народѣ? Я попробую показать эту штуку такъ, какъ я ее видѣлъ.

Тургеневъ изобразилъ, какъ говорить съ простолюдиномъ интеллигентъ и раскольничій начетчикъ. У перваго все умно направлено къ дѣлу, а второй вертитъ «яко» да «еще», и смотришь — этого слушаютъ, а того иѣтъ. Малороссу, чтобы его растрогать, надо, чтобы ему свой братъ сказалъ: «граю и воропаю». Я самъ помню, какъ въ давнія времена въ Кіевѣ польскій актеръ Рекановскій игралъ роль въ какой-то малороссійской пьесѣ, гдѣ послѣ происшедшаго въ семьѣ горя жена начинаетъ выть, а мужъ бросаетъ ее за руку на полъ и говорить: «Мовчи, бо скорѣбь велика!» И послѣ этихъ словъ настала пауза, и театръ замеръ, а потомъ изъ райка кто-то рыдающимъ голосомъ крикнулъ: «Эге! це не ваши Шекспыри!» И мнѣніе о Шекспирѣ было понижено до безконечности.

Надо сочинять что-то такое «дуже прѣстое», чтобы было въ нихъ вкусъ — съ дымкомъ и съ грязью, даже, пожалуй, съ дуринкой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лѣтомъ 1892 года я жилъ на морскомъ берегу въ Шмембѣ. Тяжко больной, я былъ далекъ отъ личнаго участія въ дѣлахъ, и даже равнодушно читалъ въ газетахъ энергичскіе приказы генерала Баранова, но потомъ мнѣ стало интересно сравнивать ихъ съ приказами другихъ администраторовъ, которые ему подражали и блистали только отраженнымъ или заимствованнымъ свѣтомъ. Изъ этой литературы я узнавалъ, что появились люди, которые распускаютъ вредные слухи о болѣзни, и что нижегородскій генералъ такихъ людей съчетъ розгами и можетъ когда угодно повѣсить.

Мѣры генерала Баранова «въ наказаніи разговоровъ» производили въ большой публичкѣ впечатлѣніе не особенно

сильное и неясное; многие не могли взять въ толкъ: отчего одного разговорщика довольно только высъчь, а другого надо еще отдать въ санитары, а третьяго—«повѣсить» или, по простонародному выраженію, «удавить». Какое тут «распредѣленіе всеобщей провинности»? Многие думали, что все это послѣдовательно будетъ сдѣлано надъ каждымъ охотникомъ разговаривать, т.-е. что разговорщика сначала высъкутъ, потомъ опредѣлять «горшокъ выносить», а потомъ уже, когда онъ станетъ ни къ чему неспособенъ, тогда дадутъ ему глухую исповѣдь и удавятъ на площади. О самомъ повѣшеніи тоже разнорѣчили: одни были увѣрены, что «вѣшать будутъ только для испуга публики», а потомъ «курьера выпустятъ съ прощадюю», а другіе увѣряли, что «это не для шутки, и никакой прощадюи не будетъ, а удавятъ какъ слѣдуетъ», отъзна же противъ обыкновенія будетъ только въ томъ, что, «по удавленіи разговорщика, отдадутъ онаго родственникамъ для его погребенія». Возникалъ тоже вопросъ о женщинахъ: «какъ такую съчь, если разговариваетъ, а сама беременна?» По множеству всѣхъ этихъ сомнѣній мы съ толку сбились и спрашивали разъясненій у четырехъ отставныхъ губернаторовъ, которые въ это лѣто ходили у насъ по плажу, но они были заняты своимъ положеніемъ и говорили, что ничего не понимаютъ.

Видаюсь со своими сосѣдами—кузнецомъ, лавочникомъ, лѣсникомъ—и съ своими домохозяевами, я замѣтилъ, что они недоумѣваютъ: «Какія же это *вредныя слова* бываютъ?» Этого имъ никто объяснить не могъ, а имъ это было очень нужно знать.

— Вѣдь вотъ,—говорили они:—можетъ случиться что-нибудь такое умственное услышишь и не поймешь въ объясненіи случая, и скассируютъ на-смерть! Мы не можемъ узнать агитатора!

Это такъ говорилъ лавочникъ, образованный и краснорѣчивый человекъ, съ ораторскими дарованіями котораго мы ниже еще познакомимся.

То, что предвидѣлъ лавочникъ, то и на самомъ дѣлѣ отчасти случилось.

Разъ, когда я шелъ домой лѣскомъ изъ Мерекюля, нагоняетъ меня няня изъ одного моего знакомаго семейства и говорить, что «въ Петербургѣ уже народъ отравляютъ».

Я ее отговариваю, чтобы она этому не вѣрила, и напо-

минаю ей про опасность отъ генерала Баранова; но она не обращаетъ на мои предостереженія никакого вниманія и говоритъ, что то, что она знаетъ, это тоже произошло отъ генерала.

— Ну,—говорю я:—если отъ генерала, то въ такомъ случаѣ рассказывайте, что вамъ извѣстно... Но только, смотрите, увѣрены ли вы, что это точно отъ генерала?

— Отъ генерала.

И она рассказала исторію, которую я здѣсь передамъ съ возможною точностію.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Живетъ у рыска отставной генераль. Отъ команды отставленъ, но военныхъ правъ не лишень и ходитъ въ военномъ образцѣ съ поперечиной. На дачу онъ не любитъ ѣздить, а остается въ Петербургѣ, потому что веселаго характера и любитъ разѣзжать по знакомымъ, а вечеромъ на закатъ солнца смотритъ и слушаетъ, какъ поютъ французенки. Онъ пожилой, но очень веселый, и все бы ему съ дамами да съ красотками; а жена у него старушка, съ нимъ не живетъ. Прислуги у него три человѣка, мужчины: камердинеръ, поваръ и буфетчикъ, и всѣ ему вѣрные, потому что имъ жить у него прекрасно; гости часто въ карты играютъ и приходимыя красотки жалуютъ, и тогда уже ни въ чемъ нѣтъ сожалѣнія. И теперь же, на этихъ дняхъ, поѣхалъ этотъ генераль въ «Аркадію» или «Ливадію» и пробылъ тамъ до послѣдняго времени, а потомъ поѣхалъ домой въ простомъ намѣреніи раздѣться, Божиныкъ помолиться и бай-бай заснуть; но только-что онъ хотѣлъ въ дверь свой ключъ вставлять, какъ вдругъ запятая! Сама дверь распахнулась, и на него вылетаетъ оттуда его буфетчикъ, блѣдный какъ шутъ Пьеро, и лопочетъ незнамо что.

Генераль подумалъ, что вѣрно онъ немножко выпилъ, или тоже приходимую крошку ожидаетъ, а тотъ ему отвѣчаетъ: «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; а у насъ огромное несчастіе: вашего камердинера умирать увезли». Генераль разсердился. «Какъ, безъ меня? Какъ смѣли?.. Говори скорѣй, какъ это сдѣлалось?»

Буфетчикъ дрожитъ и путается языкомъ, но рассказалъ, что камердинеръ, проводивши генерала, совсѣмъ былъ здо-

ровъ и ходилъ на рыбный садокъ, себѣ рыбу купилъ, а потомъ пошелъ къ графу Шереметеву къ второму регента помощнику сѣвѣку слушать, а оттуда на возвратѣ встрѣтилъ приходимую бѣдную крошку и принялъ ее и съ нею при открытомъ окнѣ чай пилъ, а когда пошелъ ее провожать, то вдругъ сталъ себя руками за животъ брать, а дворники его тутъ же подхватили подъ руки, а городской засвиристѣлъ—и увезли. Онъ не хотѣлъ вѣхать и не давался,—кричалъ:

— Прощайте, други!.. Ваше превосходительство, заступитесь! Но они его усадили и неизвѣстно куда увезли.

— Ахъ, несчастный!--сказалъ генераль и, растроганный до слезъ, сейчасъ же поѣхалъ къ оберъ-полицеймейстеру. Но его тамъ не приняли; говорятъ: «Есть пріемные часы—тогда можете!» Онъ—къ приставу, и приставъ нѣтъ. «Гдѣ же онъ?»—«Помилуйте,--говорить,--по участку ходить!»—«Кого же я могу видѣть?»—«А вотъ дежурный за стѣнкой». Выходитъ изъ-за стѣнки дежурный офицеръ, застегиваетъ на себѣ мундирный сюртукъ и спрашиваетъ: «Что угодно?»

Генераль ему все и передаетъ: «Такъ и такъ, мой камердинеръ, на рукахъ котораго вещи, серебро и весь домъ, а его въ мое отсутствіе взяли и увезли безъ извѣщенія меня, какъ будто какого-нибудь учебнаго разсудателя. Прощу мнѣ его сейчасъ возвратить».

А полицейскій говоритъ: «Я этого не могу, потому что его у насъ нѣтъ; мы его еще въ двѣнадцатомъ часу въ больницу отравили».

Генераль обругалъ его какъ не надо хуже и вскочилъ опять на извозчика и все извозчика послѣ этого вслѣдъ скорѣе подгоняетъ.

А извозчикъ догадался, для чего онъ ѣздитъ, и говоритъ:

— А осмѣлюсь спросить: котораго часа вашего человѣка взято?

Генераль говоритъ:—О полуночи.

— Ну, такъ теперь,—говорить,—ему уже аминь.

— Что ты вздоръ говоришь!

— Помилуйте, какой же вздоръ!—Теперь они ему уже струменцію запустили.

— Ты глупости говоришь.

А извозчикъ полуоборотился и крестится рукой, а самъ шепчетъ:

— Ей-Богу, ей-Богу,—говорить:—вѣдь они теперь всеѣхъ струменціей пробуютъ. Сначала начнутъ человѣка въ ванной шнарить и кожу долой стирать и притомъ въ ротъ лѣкарства льютъ; а которые очень грѣлкаго сложенія и отъ лѣкарства не могутъ умереть, тѣмъ послѣднюю струменцію впускаютъ—и этого ужъ никто не выдержитъ.

Генераль же думаетъ: вретъ извозчикъ, — бросилъ ему деньги, а самъ вѣжалъ въ больницу и вскричалъ:

— Попросить ко мнѣ старшаго доктора! Кто здѣсь старшій докторъ?

Старшій докторъ выходитъ—этакій въ заспанномъ видѣ и никакого особеннаго вниманія не обращаетъ, а спрахвола спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно?

Генераль ему отвѣчаетъ живо и бойко и рукой протираетъ, что вотъ такъ и такъ: «Я, говоритъ, въ ныѣшнемъ лѣтѣ на дачу не переѣзжалъ и остался въ городѣ»... А лѣкаръ его перебиваетъ: «Вы, говоритъ, пожалуйста, покороче, а то мнѣ изъ отдаленныхъ началъ слушать некогда»...

Генераль немножко разсердился и говоритъ: «Я вамъ начинаю такъ, чтобы было понятно. Я вечеромъ человѣка въ цвѣточный магазинъ посылалъ за букетомъ и оставилъ его въ цвѣтущемъ видѣ, и онъ еще послѣ меня пошелъ на садокъ и свѣвку слушалъ».

Но лѣкаръ опять перебиваетъ: «Ваше превосходительство, миѣ, говоритъ, некогда! Нельзя ли, въ чемъ дѣло?»

— Дѣло въ томъ,—говоритъ генераль:—что этого человѣка взяли и увезли, и онъ у васъ, а я желаю его къ себѣ взять.

Старшій докторъ обернулся къ фельдшеру и говоритъ:

— Справься!—А тотъ справился и сразу отвѣчаетъ:

— Есть!

— Что же онъ?

— Умеръ.

Докторъ говоритъ:—Вотъ и можете получить.

Генераль и осомлѣлъ.

— Что это такое?—говорить.—Я не вѣрю... Всего нѣсколько часовъ тому назадъ человѣкъ былъ полный жизни...

А докторъ говоритъ: — Это и очень часто такъ бываетъ. А впрочемъ, пожалуйте, служитель васъ проведетъ и его покажетъ! — и велѣлъ служителю: — Проводи генерала!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Служитель привелъ генерала въ мертвецкій покой; но тутъ покойниковъ нѣсколько и еще на нихъ только нумерки лежать, а нѣтъ никакого воззванія, и по лицамъ отличить нельзя, потому что всѣ лица почернѣвшія, и руки отъ судорогъ въ перстахъ сдерганы такъ, что не то благословеніе дѣлають, не то растопыркою кысю представляютъ.

Генералъ и говоритъ: — Я такъ не могу своего человѣка узнать! Мнѣ пусть покажутъ!

Служитель побѣжалъ въ контору, спросить, подъ какимъ снѣй нумеромъ, а генералъ остался и замѣчаетъ, что сзади его кто-то вздохнулъ. Видитъ, это читальщикъ, человѣкъ степенный, въ очкахъ, въ углу стоитъ, но не читаетъ, а на него сверхъ очковъ смотритъ и, какъ генералу показалося, — съ сожалѣніемъ.

Генералъ его и спросилъ:

— Что, старина, съ сожалѣніемъ смотришь?

— Да, — говоритъ, — ваше превосходительство.

— Жутко, я думаю, и тебѣ въ этакомъ адскомъ мѣстѣ?

— Да, — говоритъ, — но главное дѣло, что мнѣ утромъ всегда пить очень хочется, а тутъ нигдѣ лавчонки нѣтъ. Въ другихъ больницахъ, которые строены въ порядкѣ домовъ, это хорошо: тамъ сейчасъ, какъ дождень утра, такъ и выбѣжишь: квасу или огуречнаго рассолу вынешь, и оживетъ душа; а тутъ эта больница на площади... ни одной лавки вблизи нѣтъ... Просто, ей-Богу, даже ротъ трубкой сталъ.

Генералъ вынулъ два пятиалтынныхъ и говоритъ:

— Сходи, за моего усопшаго чайку въ трактирѣ напейся.

Читальщикъ, разумѣется, доволенъ и благодаритъ.

— Видно, — говоритъ, — вамъ дорогой человѣкъ былъ?

— Да, братецъ! Я бы ста рублей не пожалѣлъ, чтобы его поставить.

А читальщикъ ему и шепчетъ:

— Какъ же ихъ поставить! У нихъ ужъ всѣ чувства убиты и нульсы заморены, потому что, вѣдь, струменцію-то

ставять подъ самую мышку, а въ пяткахъ подъ щиколоткой еще и послѣ смерти пульсы бьются.

Читальщикъ это сказалъ и ушелъ, а генераль евонный намекъ, на что онъ намекалъ,—понялъ, и какъ служитель вернулся и сказалъ, подъ которымъ номеромъ камердинеръ лежитъ,—тотъ ему говоритъ:

— Хорошо, братецъ, я надъ нимъ здѣсь останусь, а ты поди и сейчасъ мнѣ батюшку попроси,—я хочу панихиду отпѣть.

Служитель опять побѣжалъ, а генераль зажегъ читальщикову свѣчку да прямо покойника огнемъ подъ пятку... Тотъ вразъ и вскочилъ, а генераль его сейчасъ на извозчика да домой, а потомъ въ баню, а другого человѣка, буфетчика, къ этимъ же докторамъ съ письмами послать—къ старшему и къ двумъ его главнымъ помощникамъ,—чтобы пришли къ нему его самого лѣчить.

Тѣ и рады: думаютъ, генераль съ состояніемъ, тутъ ужъ мы хорошо попользуемся! И притомъ же они были напугавшись, куда отъ нихъ изъ мертвецкой мертвый дѣлся; весь лишній форсъ съ себя сбросили и пришли.

А генераль велѣлъ, чтобы какъ они придутъ и сядутъ, такъ чтобы сейчасъ открыть изъ другой комнаты дверь и чтобы камердинеръ, во фракѣ, съ большимъ подносомъ чаю въ рукахъ входилъ.

Доктора, какъ это увидали, такъ всѣ трое съ кресель на полъ и упали. А генераль выхватилъ пистолеть и одному и другому помощникамъ груди прострѣлилъ, а старшаго доктора выступкой подкинулъ и началъ трепать его со щеки на щеку, а послѣ, какъ уморился, говоритъ: «Иди теперь, жалуйся».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

И когда няня докончила мнѣ этотъ рассказъ, она добавила съ радостью: «вотъ какъ!»—и я удивился. Она была женщина опытная, понятливая и осторожная, такъ что во всякомъ дѣлѣ обмануть ее было не легко, и неужели же этой нелѣпости она вѣрила?

Да, она вѣрила, или, если и не вѣрила, то *хотѣла, чтобы это было такъ*, потому что это ей было *во вкусъ*.

Я съ нею вступилъ въ пререканіе, приводилъ ей самыя простыя соображенія и доказательства того, что такое

происшествіе совершенно невозможно. Она все слушала и со мною соглашалась, но вслѣдъ за тѣмъ съ усиленнымъ самодовольствомъ добавляла:

— Ну, однако, генераль докторовъ все-таки угостить, какъ заслужили! И вотъ такъ бы и всѣхъ ихъ стѣло.

— Да за что же? Какая имъ выгода морить людей?

— Вотъ, вотъ, вотъ!.. Вотъ это-то отъ нихъ и надо узнать! И узнають...

Мнѣ чувствуется, что эта женщина — заодно съ тѣми, которые думаютъ, что надо убить не «запитуя», а докторовъ. Но, можетъ-быть, я ошибаюсь. Любопытствую у ея госпожи, у которой она служитъ двадцать лѣтъ и воспитала ей «гвардейцевъ». Спрашиваю: не слыхали ли, какіе няня пустяки рассказывать о генералѣ?

— О, — отвѣчаетъ мнѣ дама: — это она уже давно говорить... А впрочемъ, вѣдь это и всѣ рассказываютъ.

— Какъ всѣ?

— Да вотъ и у X, и у Y, и у Z дѣвушки говорили мнѣ то же самое, да и ваша Саша.

— Что такое — моя Саша?

— Она тоже говорить то же самое.

А «моя Саша» — молодая дѣвушка, восемнадцати лѣтъ, которая «тиха не по лѣтамъ» и которую всѣ зовутъ «мокрою курицей». Что же она можетъ говорить?

Но оказывается, что и она дѣйствительно знаетъ о генералѣ и его камердинерѣ, и о приходимой красоткѣ, — и сама, хоть она «мокрая курица», но очень весело сочувствуетъ тому, что «лѣкарей надо бить».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Захожу на другой день къ лавочнику посидѣть у его лавки. Лавочникъ, — человекъ молодой, очень пріятный и обладаетъ совершенно непосредственнымъ краснорѣчіемъ. Онъ «изъ поваровъ», кротокъ, благовоспитанъ и благоувѣливъ; имѣетъ нѣжное сердце, за которое и претерпѣваетъ. Онъ «прибыль къ здѣшней предмѣстности» тоже при генералѣ, у котораго ему было «хорошо наживать», но влюбился въ «этой предмѣстности» въ красивую эстонскую дѣвушку, и они «подзаконились». Отсюда начался «переломъ его жизни»: у нихъ вдвоемъ было пятьдесятъ рублей капитала, и на этотъ капиталъ они повели разностороннюю

дѣтельность: онъ снялъ сельскую лавчонку, а она стала заниматься стиркою бѣлья. Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ, и они во все это время неумоимо старались устроиться, и кое-чего достигли: у нихъ уже трое дѣтей и всѣ прехорошенькія, но весь основной капиталъ ушелъ въ предпріятіи. Теперь они живутъ только однимъ оборотомъ и, кажется, сами удивляются: какъ до сихъ поръ ихъ отсюда не выгнали, или они не умерли съ голоду? Но ихъ любовь и нѣжное и страстное «другъ ко другу стремленіе» не охлаждаютъ, и потому лица ихъ, равно какъ и личики ихъ дѣтей, всегда веселы и пріятны. Видѣть эти счастливыя лица—удовольствіе.

Спрашиваю я этого коммерсанта: не слыхалъ ли онъ исторіи о воскресшемъ генеральскомъ камердинерѣ, о которомъ будто бы всѣ говорятъ? Лавочникъ подумалъ и отвѣчаетъ:

— Кажется, будто что-то слышалъ.

— Да вѣдь это же,—говорю,—нисколько не похоже на правду.

— Не знаю, какъ вамъ изяснить въ опредѣленіи факта; по мнѣ, впрочемъ, это и ни къ чему... Ну ихъ!

А во мнѣ уже разыгрывается подозрительность, что и этотъ мой собесѣдникъ тоже не чистосердеченъ и что онъ тоже не за докторовъ, а за запятую; но поговорили мы дальше, и на душѣ становится яснѣе: лавочникъ оказывается человѣкомъ совершенно объективнымъ, и даже самъ называетъ уже «исторію» *глупостью* и припоминаетъ, что «эта глупость пошла словно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ходить *порціонный мужикъ*».

Слово это касается въ первый разъ моего слуха, и я спрашиваю: что это такое—порціонный мужикъ?

— А это,—отвѣчаетъ,—я такъ его прозвалъ.

— За что же?

— Да ужъ малъ онъ очень, совершенно цыпленокъ или порціонная стерлядка, которую дѣлить нельзя, а надо всю сразу съѣсть... Амкнулъ—и нѣтъ его... Да неужели вы его не видали?

— Не видалъ.

— Да вопъ ош!

И тутъ я его увидѣлъ въ первый разъ, и вѣроятно съ тѣмъ, чтобы никогда его не забыть; но такъ какъ это ви-

дѣние стѣитъ того, чтобы передать его въ точности, то я долженъ обрисовать и рамку, въ которой оно мнѣ показалось.

Шмецкъ—это длинная береговая линия домиковъ, соединяющая Устье-Наровы, или Гунгербургъ, съ мерекюльскимъ лѣсомъ, за которымъ непосредственно начинается и самъ знаменитый нѣкогда Мерекюль,—нынѣ довольно демократизованный или «опрошенный».

Мѣстоположеніе такое: море, за нимъ полоса плотно уложеннаго песку (plage), за плажемъ береговая опушка изъ кустовъ и деревьевъ, и тутъ построены дачи или домики, а мимо нихъ пролегаетъ шоссированная дорога и за нею лѣсъ, довольно сырой и довольно грязный.

Лавочки, такъ же какъ и домики, построены лицомъ къ дорогѣ, за которою начинается лѣсъ. А потому, когда лавочникъ, рассказывавшій мнѣ о «порціонномъ мужикѣ», заключилъ свои слова указаніемъ: «вонъ онъ!»—я прежде всего взглянулъ прямо передъ собою на лѣсъ, и первое, что мнѣ представилось, навело меня не на ближайшую дѣйствительность, а на отдаленное воспоминаніе о годахъ, когда я жилъ также противъ лѣса и, бывало, смотрю на этотъ лѣсъ долго и все вижу одни деревья, и вдругъ сидитъ заяцъ, подгорюнился и ушки ставитъ, а у меня сейчасъ, бывало, является охотничья забота: чѣмъ бы его убить? И въ это время что-то около себя хватаешь, а опять взглянулъ—зайца ужъ и нѣтъ!

Теперешнее видѣніе было совершенно въ этомъ родѣ: на сѣро-зеленомъ, туманномъ фонѣ стояло что-то маленькое и грязно-розовое; но прежде, чѣмъ я могъ хорошо рассмотреть, что это такое, оно уже и сникло.

— Бойся,—проговорилъ лавочникъ.

— Чего же онъ боится?

— Запуганъ, знаете... бѣдность... Смотрите, смотрите! Вонъ онъ гдѣ, ниже на дорожку выходить.

И съ этимъ лавочникъ заложилъ себѣ за губу два пальца и пронзительно свистнулъ.

Порціонный мужикъ вздрогнулъ и оглянулся.

— Иди-ка сюда, Лишенный!—позвалъ его лавочникъ.

«Лишенный» къ порціонному мужику прилагалось въ родѣ обозначенія званія: такъ теперь зовутъ административно «высланныхъ» или «лишенныхъ столицы».

Мужиченко молча вернулся и пошелъ, и по мѣрѣ того,

какъ онъ ближе къ намъ подходилъ, я могъ яснѣе его разсматривать. Лѣтъ его цѣлзя было опредѣлить съ точностью; у него такое лицо, что ему можетъ быть между 20 и 50. Ростъ крошечный, какъ ростъ пятнадцатилѣтняго мальчика; худъ точно скелетъ, но обтянутый не кожей, а вылинявшею и вывѣтренной набойкой; губъ нѣтъ вовсе,—открыты два ряда превосходныхъ бѣлыхъ зубовъ; носъ тоненькій и свернувшійся какъ корешокъ у сухой фиги; два глаза небольшие, круглые, какъ у птицы, и оба разнаго цвѣта, какъ у знаменитаго Анастасія Дирахита: въ одномъ глазѣ зрачокъ чистый, голубой, а въ другомъ весь испещренъ темными интрихами и крапинами, и оттого кажется коричневымъ; бороденка и волосы на головѣ—это все какіе-то клочья. На головѣ шапки нѣтъ, босъ и почти-что нагъ, потому что весь уборъ его состоитъ изъ портокъ и рубашки: портки изъ набойки, изношенныя до лепестковъ; они спускаются только немножечко ниже колѣнъ и оканчиваются «бахмарою». Рубашка была когда-то изъ розовой нестради, но теперь это одна розовая грязь.

Гейне видѣлъ въ Ширеняхъ надъ бездною нищаго-испанца, который былъ покрытъ лохмотьями, и «у него глядѣлась бѣдность въ каждую прорѣху; изъ очей глядѣла бѣдность», но «исхудалыми нерстами онъ щипаль свою гитару» *). И описаніе этой бѣдности разрывало душу людей чувствительныхъ и добрыхъ, а испанецъ все-таки былъ «въ лохмотьяхъ» въ тепломъ климатѣ, и у него была еще «своя гитара»...

Западные писатели совсѣмъ не знаютъ самыхъ совершенныхъ людей въ этомъ родѣ. Порціонный мужикъ былъ бы моделью получше испанца съ гитарой. Это былъ не человекъ, а какое-то движущееся ничто. Это сухой листъ, который оторванъ гдѣ-то отъ какого-то ледащаго дерева, и его теперь гонить и кружить по вѣтру, и мочить его, и сушить, и все это опять для того, чтобы гнать и метать куда-то далѣе...

И видишь его, и не разумѣешь: въ чемъ же есть смыслъ этого существованія?

«Господи! чтò сей самъ или родители его согрѣшили, и какъ проявятся въ немъ дѣла Божіи?!» Неужели, если бы

*) «Атта-Троль».

птицы исклевали его въ зернѣ, или если бы камень жерновъ утонилъ его въ дѣтствѣ — ему тогда было бы хуже?

Конечно, «вѣсть Господь, чего ради изнемождаетъ плоть сыновъ человѣческихъ», но человѣку все-таки будетъ «страшно за человѣка»!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Онъ подошелъ и стать, и никому не сказалъ ни слова... Босыя ноги его все въ болотинѣ, волосы шевелятся... Я близорукъ, но я вижу, что тамъ дѣлается. Руки его висятъ вдоль реберъ, и онъ большими перстами заплулъ ихъ за веревочку, которою подпоясанъ. Какія бѣдныя, несчастныя руки! Онѣ не могли бы щипать гитару... Пѣть, это какія-то увидиши плети тыквы, которую никто не поливалъ въ засуху. Глаза круглые, унылые и разнаго цвѣта — они не глядятъ ни на что въ особенности, а замѣтно, что они все видятъ, но ему ничто не интересно. За щеками во рту онъ что-то двигаетъ; это ходитъ у него за скулою какъ орѣхъ у бѣлки.

Съ этого и началась бесѣда.

Лавочникъ спросилъ у него:

— Что ты, Лишенный, во рту сосешь?

Онъ плюнулъ на ладонь и молча показалъ мѣдный грошъ, и сейчасъ же опять взялъ его въ ротъ вмѣстѣ съ слюнями.

— Хлѣба купить желаешь?

Порціонный отрицательно покачалъ головою.

Лавочникъ въ его же присутствіи наскоро изъяснилъ о немъ, что онъ «изъ-за Москвы», — «оголодъ съ голоду»: чей-то скотъ пригналъ въ Петербургъ и хотѣлъ тамъ остаться дрова катать, чтобы домой денегъ послать, но у него въ ночлежномъ пріютѣ какой-то странникъ укралъ пятнадцать рублей и скрылся, а онъ съ горя ходилъ безъ ума и взятъ и высланъ «съ лишеньемъ столицы», но не вытерпѣлъ и опять назадъ прибѣжалъ, чтобы свои пятнадцать рублей отыскивать.

И когда рассказъ дошелъ до этого, порціонный отозвался; онъ опять выплюнулъ на руку грошъ и сказалъ:

— Теперь уже не надо.

Голосъ у него тоненькій и жалостный, какъ у больныхъ дѣвочекъ, когда онѣ обмогаются.

— Отчего же не надо?

— Дѣтки померли...

— Развѣ ты письмо получилъ?

— Нѣтъ; журавли летѣли да пѣли.

— А гдѣ же твоя жена?

— Къ слѣпымъ пошла. Слепымъ-то вѣдь хорошо жить: имъ подають... имъ надо стряпать...

Мы всѣ замолчали,—кажется, мы всѣ страдали, а *онъ*, безъ сомнѣнія, всѣхъ больше; но лицо его не выражало *ничего!*

— Убитый человѣкъ!—прошепталъ нищій-лавочникъ:— въ разсудкѣ рѣшается,—и подаль ему булку.

Тотъ ее взялъ, не поблагодаривъ, сунулъ за локоть, и опять опустилъ руки вдоль реберъ.

— Съѣшь!—сказала лавочникъ.

Мужикъ не отвѣчалъ, но взялъ булку въ руку, подержалъ и даже что-то съ нея хотѣлъ считать и опять туда же сунулъ, за локоть.

— Не хочешь ѣсть?

— Не хочу... дѣтямъ снесу.

— Да дѣти вѣдь померли!

— Ну, такъ что-жь... Имъ тамъ дадутъ, въ раю, по лблочку.

— Ну, да; а ты булку самъ съѣшь.

Мужикъ опять взялъ булку въ руки, опять снялъ съ нея то, что ненадежно явилось, и затѣмъ вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Нѣтъ; все-таки ищай лучше дѣтямъ.

Лавочникъ посмотрѣлъ на него,—вздвигнулъ плечами и прошепталъ:

— Господи! тоже и родитель еще называется!

Мужикъ это услышалъ и повторилъ:

— Родители.

— И всѣ чувства къ семьѣ имѣешь?

— А то какъ же!

— А какое твое впередъ стремленіе?

— Не знаю.

— Расскажи барину, какъ генераль докторовъ билъ. Баринъ тебѣ тоже на хлѣбъ дастъ: можетъ-быть, въ Нарву съѣздишь, а тамъ какую-нибудь работу найдешь.

И порціонный сейчасъ же началъ сразу ровнымъ, тихимъ голосомъ всю ту исторію, которую я передалъ уже со

словъ своей знакомой няни, но только порціонъ ее излагалъ въ самомъ сильномъ конкретѣ: «Жилъ возлѣ рынка генераль... имѣлъ вѣрнаго слугу-камердинера. Отлучился въ кійтеръ, а вѣрный камердинеръ къ себѣ приходимую гралю принялъ чай пить... какъ вдругъ ему рѣзь живота... Взяли его и стали надъ нимъ опытъ струментой пробовать, всѣ чувства угасили, но въ подщиколкѣ еще пульсъ билъ. Генераль его восхитилъ—и въ баню; потомъ позвалъ докторовъ въ гости, а камердинеру велѣлъ войти и чай подать... Тѣ и попадали... А генераль двухъ разстрѣлялъ, а третьяго въ морду набилъ и сказалъ: «ступай, жалуйся!»

Этимъ все и кончилось.

Я далъ мужику два двугривенныхъ и хотѣлъ ему собрать завтра между знакомыми всѣ пятнадцать рублей, которые у него странникъ укралъ. Онъ моп двугривенные кинулъ себѣ въ ротъ (кармаповъ у него, какъ у настоящаго праведника, не было). И затѣмъ онъ ушелъ и болѣе уже въ нашихъ мѣстахъ не показывался. Я ужъ думалъ, не повлекъ ли его рокъ въ Нижній за краткой развязкою?..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

А тѣмъ временемъ прїѣзжаетъ съ кѣмъ-то извозчикъ изъ Нарвы и говоритъ, что къ нимъ ждуть генерала Баранова и полкъ артиллеріи.

— Для чего же?

— Да на фабрикахъ,—говоритъ,—очень живой разговоръ пошелъ.

— О чемъ?

— Все объ струментѣ.

А дальше рассказываетъ, что у нихъ дѣло будто уже и разыгралось такимъ образомъ: пошелъ будто у нихъ какой-то докторъ на Нарову кушаться, раздѣлся и сталъ при всѣхъ глупость дѣлать: спустилъ на шнуркѣ съ мостка въ воду трубку и болтаетъ се и взадъ, и впередъ водить. Пополоскаеть-пополоскаеть и опять вытянетъ, поглядитъ и опять запуститъ... Люди увидали это и нѣсколько человекъ остановились, а потомъ вскричали ему: «Докторъ, мошь, докторъ! Слышь-ко, оставь, мошь, лучше эту... струментацию-то! Полно тебѣ ее полоскать!.. Оставь же, мошь; а то нехорошо будетъ!» А онъ не послушался и еще разъ кинулъ. Ну, ужъ тутъ его одинъ по голой плоти хворостиной

и дернулъ. И стали приставать. «Поддай инструментъ, мы его отнесемъ узнать: что тамъ посажено». А онъ первой же хворостины испугался и бѣжать, и инструментъ съ собой... Ну, тогда, разумѣется, за нимъ ужъ и многіе рушили, и кони догоняли, тѣ били его; но, слава Богу, что онъ рѣзко бѣжалъ, а если бы онъ на грѣхъ споткнулся, либо упалъ—такъ на-смерть бы убить могли. Докторъ успѣлъ вспрыгнуть на извозчика и въ полицію голый такъ и вскочилъ... Тутъ послѣ и пошли по всѣмъ сходнымъ мѣстамъ и трактирамъ сходиться всѣ фабричные и ихъ эти тоже приходимыя красотки и пошли говорить по-русски и по-эстонски, для чего же полиція могла скрыть такого человѣка, который не постыдился при всѣхъ въ водѣ черезъ инструментъ микробу впускать... И теперь безпокойства, и ждутъ, что съ одной стороны выѣдетъ губернаторъ изъ Ревеля, а съ другой вступитъ графъ Барановъ—и начнетъ всѣмъ публиковать свои правила.

«Инструментъ» и «приходимыя красотки» — это прямо отдавало тѣмъ самымъ источникомъ, изъ котораго были почерпнуты первые матеріалы для легенды, получившей свое развитіе у насъ на *plage*. Вѣтеръ или вода, значить, занесли «запугую» прежде всего туда, въ наше фешенебельное мѣсто; но тамъ, на *plage*, «запятаю» «среда не благопріятствовала», и запятая не принялась, или, культивируясь, вырождалась во что-то мало схожее и постороннее: а вотъ тутъ, когда она попала въ среду ей вполне благопріятную, она «развила свои разведенія».

А что это была именно она, та самая «запятая», которую мы видѣли и не узнали, а еще сунули ей въ зубы хлѣбъ и два двугривенныхъ, то это вдругъ сообразили и я, и лавочникъ. И лавочникъ къ тому имѣлъ еще и «подтвержденіе на фактъ», такъ какъ онъ самъ ѣздилъ на лошади въ Нарву за товаромъ, и когда назадъ возвращался, то порціонный мужикъ самъ явился ему за городомъ: онъ совершенно неожиданно поднялся къ нему изъ мокрой канавки и закричалъ: «Журавли летятъ! Журавли! Аллилуйя!» Но только лавочникъ на этотъ разъ былъ уже умнѣе: онъ теперь зналъ, что порціонный мужикъ—человѣкъ опасный: лавочникъ поскорѣе хлеснулъ лошадь и хлѣба ему не кинулъ, а кнутомъ ему погрозилъ да прикрикнулъ:

— Вонъ графъ Абрамовъ наступаетъ съ публикацьею—онъ тебя удовольствуетъ!

А на «порціонѣ» какъ разъ, кстати, теперь уже и равныхъ портъ совсѣмъ не было, такъ что и легко было его «удовольствовать»... Но сумасшедшій домъ, однако, могъ бы безъ грѣха укрыть его отъ этого «удовольствія».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вотъ и весь сказъ о запятой. Тутъ налицо все: какая у нея видимость и умственность, чтó у нея за характеръ и какова она въ словахъ и въ разсужденіи своего вліянія на мозгъ человѣческій. Кажется, ничто особенно хитро не задумано и не слажено: чтó есть, то все взято безъ всякой пропорціи, не па вѣсъ, а на глазомѣръ или, еще проще,— сколько влізло. Во всякомъ случаѣ, всего менѣе попало сюда злого намѣренія и расчета. Этого снадобы тутъ не болѣе, чѣмъ поэзіи Фета, которая участвуетъ въ составѣ преступленія «запятой» только однимъ стихомъ: «Приходи, моя милая крошка». Такимъ образомъ муза поэта, несправедливаго народныя несуразности, изловлена гдѣ-то въ то время, какъ она гуляла въ ароматномъ цвѣтникѣ или неслась надъ деревнею по воздуху, слетѣвъ съ усть пѣвицы, «запузыривавшей» за фортепіаномъ въ дворянскомъ домѣ. Аѵ. Аѵ. Фетъ вѣрно былъ бы недоволенъ тѣмъ, что сѣрый народъ безъ толку тормозитъ его «милую крошку», но вины Фета въ томъ нѣтъ. Столько же виновата и вся дѣйствительность. Вѣтеръ листь сухой гоняетъ и треплетъ, и онъ то летитъ, то катится, то гніетъ въ грязи и потомъ опять сохнетъ, и опять изъ темныхъ мѣстъ поднимается. Вотъ это самое дѣйствительное и несомнѣнное; все остальное—зыбь поднебесная, марево, буддѣйская карма, которая всѣмъ точно снится... Никакого перваго заводчика пѣсни и сочинителя легенды нѣтъ! Порціонный мужикъ, конечно, не сочинялъ «бѣдную крошку». Гдѣ ему! Онъ получилъ ее уже готовую и за горемъ своимъ онъ развивалъ ее гораздо слабѣе, чѣмъ всѣ другіе импровизаторы... За что же его такъ участь жестока?

О, Господи! сжался надъ нимъ да сошли и намъ просвѣщающую вѣру вмѣсто суевѣрія!

Изъ всѣхъ «запятыхъ» самыя ужасныя тѣ, которыя скрываются во тьмѣ суевѣрій.

РАСТОЧИТЕЛЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Посв. артисту Н. Зубову).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Максимовичъ Молчановъ, молодой купецъ, 30 лѣтъ. Одѣвается по-современному; держится ловко; носитъ бороду.

Марья Парменовна, жена его, 28 лѣтъ.

Пармень Семеновичъ Мякишевъ, тестъ Молчанова, купецъ рослый, тяжелый, съ большою просѣдью; одѣвается по-старинѣ.

Анна Семеновна, жена его, куцчиха лѣтъ за 40.

Фирсь Григорьевичъ Князевъ, купецъ лѣтъ 60, бодрый, сдержанный и энергическій. Сѣдые волосы на его головѣ острижены низко и причесаны по-кадетски; борода довольно длинная, но узкая и тоже сѣдая; одѣтъ въ длинный сюртукъ, сдѣланный щеголевато. Вообще фигура очень опрятная. На носу золотые очки. — Первый человекъ въ городѣ.

Иванъ Николаевичъ Колокольцовъ, товарищъ Молчанова, 30 лѣтъ, городской голова.

Вонифатій Викентьевичъ Минутка, думскій секретарь, изъ поляковъ.

Калина Дмитриевичъ Дробадоновъ, дядя Молчанова по женской линіи, купецъ очень крупнаго тѣлосложенія, лѣтъ 42; одѣтъ не-решливо.

Иванъ Петровичъ Канунниковъ

Матвей Ивановъ Варенцовъ

Илья Сергѣевъ Гвоздевъ

} пожилые купцы и члены Думы.

Марина Николаевна Гуслярова, молодая женщина лѣтъ 27, дочь няньки Ивана Молчанова, воспитанная въ дѣтствѣ въ Молчановскомъ домѣ.

Старуха, мать Марины, слѣпая.

Алеша Босый, помѣшанный, слыветъ юродивымъ; онъ не носитъ никакой обуви и зиму и лѣтомъ ходитъ босой въ одной длинной рубашкѣ.

Спиридонъ Обрѣзовъ, старый ткачъ.

Павлушка Челночекъ, мастеровой.

Служанка въ домѣ Мякишевыхъ.

Алена } слободскія дѣвушки.
Саша }

Пріѣзжій парень.

Двое дѣтей Молчанова.

Фабричныя, купцы и мѣщане, полицейскіе солдаты и квартальный.

Дѣйствіе происходитъ въ 1867 году, въ большомъ торговомъ городѣ:

1-е—въ садовой бесѣдкѣ у Князева.

2-е—въ городскомъ домѣ Молчанова.

3-е—въ домѣ Мякишевыхъ.

4-е—въ паркѣ при Молчановскихъ фабрикахъ.

5-е—въ домѣ Дробадонова.

Между 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ нѣсколько дней, а между 4-мъ и 5-мъ—три мѣсяца.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просторная садовая бесѣдка, обращенная въ лѣтнее жилище Князева и убранная, какъ кабинетъ достаточнаго чело­вѣка, но нѣсколько въ старинномъ вкусѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Князевъ (*при поднятіи занавѣсы сидитъ за стариннымъ бюро корельской березы и читаетъ письмо*). «А къ сему еще и то тебѣ, любезный Фирсъ Григорьевичъ, прибавлю, что у насъ въ столицѣ нынѣ нѣчто совсѣмъ отъ прежняго отмѣнилось, и хоша то и справедливо, что на всякую бѣдѣзнь свое зелье растеть, только нынѣ аптекъ тѣхъ уже нѣту, гдѣ зелье противу нашихъ немочей приготавливалось. Судь старый рухнулъ, и при новыхъ судебныхъ выдумкахъ я въ дѣлѣ, о коемъ ты пишешь, пособникомъ быть считаю не безопаснымъ. Одно, что могу тебѣ присовѣтовать, то признайся ты питомцу своему Молчанову, въ чемъ грѣшенъ, и неналежаще отъ него присвоенное возврати. Иной же поправки сему дѣлу въ нынѣшнія тяжкія времена не ожидай». (*Нетерпѣливо держа письмо, продолжаетъ скороговоркою*): «Молчановъ пылокъ и добръ, и если ты передъ нимъ, какъ прочіе купцы дѣлають, хорошенько расплачешься, то онъ, пожалуй, и разжалобится...» (*Кожкаетъ письмо*). Дуракъ, а не стряпчій! Чортъ его знаетъ, что онъ мнѣ за отвѣтъ написалъ! Я его спрашивалъ: какъ мнѣ быть, чтобы не уронить себя, чтобы оправиться въ Молчановскомъ опекумскомъ дѣлѣ и едать отчеты безъ принуды, а онъ вонъ что отвѣчаетъ: «отдать!» Отдать!... Да нечего отдать,

глупецъ!... Расплакаться!... Кто это видѣлъ, какъ Фирсъ Князевъ плачетъ! и передъ кѣмъ? И отъ чего заплакать?... Вашъ новый судъ! Что жъ это—люди, что ль, перемѣнились? Вздоръ! Не можетъ быть, чтобъ человѣкъ съ умомъ не сдѣлалъ въ Россіи того, что хочетъ... Все это выдумка! Да наконецъ и графъ Александръ Андреечъ этого не можетъ допустить. На него на полмилліона векселей при такомъ судѣ представлятъ, а онъ платитъ долговъ не поваженъ. Ну-стое, вздоръ, мечтанье, форма.... Нѣтъ, меня не запугаете, и пока этотъ лобъ наружу, на Фирса Князева узды вамъ не накинута. (*Слышится стукъ въ двери.*) Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Минутка (*входя*). Не безпокойтесь: это я.

Князевъ. Что ты тамъ пропадалъ столько времени? Велики, знать, очень секретарскіе разносолы.

Минутка (*усаживаясь*). Нѣтъ, какіе тамъ наши разносолы, а все же старуху восемь дней не видалъ.... да ей и нездоровится.

Князевъ. Ну, чтò тамъ нездоровится... псовая болѣзнь до поля, бабья до постели: выспитесь и здорова будетъ.

Минутка (*подобострастно улыбаясь*). Это такъ, такъ... онѣ, какъ кошки: переволоки на другое мѣсто и опять живутъ... Ну ахъ, чтобъ вы знали только зато, какъ я разбился... Кажется, заничто на свѣтѣ теперь бы съ постели не всталъ. Вѣдь шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, въ восемь дней въ Петербургъ и назадъ. Хороша дорога, слова нѣтъ, особенно отъ Питера до Владиміра по чугункѣ, какъ въ комнатѣ сидишь; но ужъ отъ Владиміра...

Князевъ (*перебивая*). Да, отъ Владиміра многимъ не нравится... Ну, да къ чорту это! Расскажи ты мнѣ теперь, братецъ, что же ты сдѣлалъ въ Петербургѣ по моему приказанію? Письмо ты мнѣ отъ стряпчаго привезъ столь глупое, что я этого человѣка послѣ этого сумасшедшимъ считаю.

Минутка (*ослабляясь*). Нѣтъ, большого ума, большого ума человѣкъ, Фирсъ Григорьевичъ! Не дѣти, а мужи, самые настоящіе мужи, дѣльцы и тѣ приуныли. Одно слово, какъ стряпчій сказалъ, нечего и рецептовъ писать, когда наши аптеки всѣ закрыты. (*Разводитъ руками*).

Князевъ. Какъ же это,—стало-быть, и ты уже безъ вздога жить собираешься?

Минутка. А что жъ подѣлаешь!

Князевъ (*встаетъ и начинаетъ ходить*). А вытерпѣть надѣнешься?

Минутка. Представьте, Фирсъ Григорьичъ... чтобъ вы знали, ни денегъ дать, ни упросить его, ни подкупить... какъ вамъ это нравится?

Князевъ. А обмануть?

Минутка (*смотритъ на Князева съ изумленіемъ и растерянно повторяетъ*). Обмануть...

Князевъ. Да... обмануть?

Минутка. И обмануть... Ну, чтобъ вы знали, и обмануть я, Фирсъ Григорьичъ, не въ надеждѣ.

Князевъ. Ну обойти, коли не обмануть?

(*Минутка молча разводитъ у себя подъ носомъ руками*).

Князевъ (*про себя*). Однако, и у шивки брюшко залубе-нѣло. (*Громко*.) Нѣтъ, панъ Вонифатій, вижу я, что двадцать лѣтъ назадъ, когда тебя только-что прислали изъ Польши на смиреніе, ты смѣлѣй былъ. Помню я, какъ ты, первый разъ, какъ я тебя у полицеймейстера за завтракомъ уви-дѣлъ, разсуждалъ, что «въ Россіи невозможности нѣтъ». За одно это умное слово я тебя, сосланца, возлюбилъ и на службу принялъ и секретаремъ въ Думѣ сдѣлалъ, и двадцать лѣтъ намъ съ тобой и взаправду невозможности не было.

Минутка. То двадцать лѣтъ назадъ вѣдь говорилъ я, Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ. Да; въ эти двадцать лѣтъ ты понажилъ, а я... а я прожилъ.

Минутка. Кто жъ этому причиной, Фирсъ Григорьичъ? Не я тому причиной: я жилъ по средствамъ, вы же...

Князевъ (*перевивая*). Молчи, сморчокъ!... Въ тебѣ сидитъ одинъ польскій чортъ, а во мнѣ семь русскихъ чертей съ дьяволомъ, такъ не тебѣ про то судить, кто виновать. Когда бъ не эти черти, я и теперь бы дома не сидѣлъ и не послалъ бы тебя въ Питерь. (*Успокоиваясь*.) Говори, велико ли время еще дадутъ мнѣ на передышку?

Минутка (*пожавъ плечами*). Сказали такъ, что дѣло объ отчетѣ два мѣсяца не болѣе могутъ продержатъ, и тогда потребуютъ остатки.

Князевъ. Сколько?

Минутка. Начету будетъ тысячь двѣсти.

Князевъ. Двѣсти тысячь!.. Ты врешь!

Минутка. Помилуйте, на что мнѣ врать.

Князевъ. На что?.. А ты соври себѣ, чтобъ легче было отвѣчать.

Минутка (*вскакивая и дрожа*). Да я-то что же здѣсь? Я здѣсь при чемъ же, Фирсь Григорьичъ?

Князевъ. Агу, дружокекъ! Ты здѣсь при чемъ? А не знаешь ли ты того подьячаго, что намъ съ Мякишевымъ двадцать лѣтъ отчеты по Молчановской онекѣ выводилъ? Что, голубь! Я вѣдь бумажки прячу.

Минутка (*потерявшись, не знаетъ, что сказать*).

Князевъ. А! Ишь, какъ дрожитъ! Вотъ тѣмъ-то вы. ляшки и скверны. На каверзу вотъ тутъ васъ взять, а если гдѣ придется стать лицомъ къ лицу съ бѣдою, такъ тутъ вы ужъ и жидки на расправу. (*Грозя пальцемъ*.) Эй, панъ, со мною не финти! (*Смѣло*.) Я крѣпко кованъ! Я знаю, куда ступаю. Я сълъ опекуномъ, такъ изъ всѣхъ должностей высѣлъ, а тебя, дурака, въ Думу посадилъ, и... придетъ къ тому, такъ... я же тебя и въ тюрьму посажу. Чего дрожишь! Чего? не бойся. Вѣдь новый судъ надъ нами еще не началея, а до тѣхъ поръ держись... вотъ тутъ вотъ... за полу мою держись, покуда... (*съ омерзѣніемъ*) покуда въ носъ сапогомъ не тресну.

Минутка. Да что вы, Фирсь Григорьичъ! Я, что ль, за новый судъ! Да заничто на свѣтѣ! Тифу! вотъ ему что отъ меня, новому суду. Я, чтобъ вы знали, я всѣмъ тѣмъ угодно готовъ служить вамъ, Фирсь Григорьичъ.

Князевъ. Ну, всѣмъ — гдѣ тебѣ всѣмъ служить? Я тебя посылаю каверзить—слышишь, каверзить. Больше вы, наны, ни на что не способны.

Минутка. Да ну-те бо, Богъ зъ вами, какой я панъ: я такой же, какъ и вы, русскій человекъ.

Князевъ (*презрительно*). Ну, врешь—такой же! — что у тебя на русской службѣ польская кость собачьимъ мясомъ обросла, такъ ужъ ты отъ этого и русскимъ сдѣлаея! Впрочемъ, не русисъ: ты мнѣ такой и нужень, какой ты есть! Гдѣ ума потребуется, тамъ мы своего поищемъ; а ты ступай повсюду... бунтуй народъ, мѣщанъ, особенно фабричныхъ.. Заслать людей, чтобы и малому и старому твердили,

что Фирсь Григорычъ ихъ отецъ, что онъ застоя ихъ; онъ благодѣтель ихъ и покровитель... Понимаешь? Сказать, что помните, моль, въ прошломъ году совсѣмъ - было бытъ набору... а какъ министерскій чиновникъ черезъ нангъ городъ проѣхалъ да съ Князевымъ повидался, — и набору, моль, конецъ. Ты все это долженъ помнить: самъ, вѣдь, распускалъ. Теперь опять все это имъ напѣтъ, да растолковать имъ, канальямъ, что я все могу сдѣлать.

Минутка. Это... это, что и толковать! Этому, чтобъ вы знали. они и такъ всѣ вѣрятъ.

Князевъ. Знаю! И то... да! скажи, что оиать въ Петербургѣ про наборъ слышалъ... Это старо, да еще не извѣдилось... Скажи и поприбавь, что я, освободившись теперь отъ Молчановской опеки, не откажусь быть головою н... «его, моль, выберуть». Это ничего, что не ты, а они выбирать будутъ—ты прямо говори, что выберуть.

Минутка (*смѣясь*). Быдло!.. Скотъ, скотъ... бараны.. я про народъ-то говорю: бараны!

Князевъ. Да; ступай и дѣйствуй смѣло, а я здѣсь кое-чемъ подумаю.

Минутка. Одно только, какъ бы это такъ лучше, Фирсь Григорычъ, пустить, чтобы оно всюду прокатило?

Князевъ. Ну, объ этомъ ты не заботься: у насъ правда молчкомъ лежитъ, а брехню пусти съ уха на ухо, она пролетитъ съ угла на уголъ. Ступай.

Минутка (*порываясь къ двери*). Прощайте, до свиданья.

Князевъ. Да то еще... Да! если что-нибудь тебѣ случится разузнать, что Ванюшка Молчановъ не спокоенъ, что что-нибудь затѣваетъ...

Минутка. То дать вамъ знать?

Князевъ. Да, ту жъ минуту; ту жъ секунду... Слышишь: ту жъ секунду. Бѣги сюда хоть ночь, хоть за-полночь... да не ломись дворомъ, гдѣ люди видятъ, а оттуда, знаешь, съ выгона подергай за веревку. Я самъ тебя впущу въ садовую галитку.

Минутка. Не учите... знаю.

Князевъ. Не дай зѣвка.—Миѣ кажется, что онъ не даромъ что-то очень тихъ. (*Про себя*.) Чортъ знаетъ... я бойкихъ людей не люблю и очень тихихъ не люблю тоже. Не вѣрю я тихимъ. (*Минуткѣ*.) Не вѣрю я тихимъ!

Минутка. Фирсъ Григорьичъ, не безпокойтесь! Кто тихо ходить, того чохъ выдастъ... чохъ выдастъ... хе-хе-хе, чохъ... Князевъ. Ступай.

(Минутка уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Князевъ *(одинъ медленно и съ усталостію)*. Проклятая самая вещь чужіе милліоны въ рукахъ держать: ладони сами словно клеємъ приклеиваются—все такъ и пристааетъ къ нимъ, такъ и пристааетъ; а потомъ вотъ какъ поналипнетъ—и трудно приходится разсчитываться. Двѣ недѣли! Что тутъ можно сдѣлать изъ ничего въ двѣ недѣли? А не сдѣлай,—бубновъ тузъ тебѣ на спину и въ каторгу. Гм! Но и еще и не въ томъ дѣло, что въ двѣ недѣли, и не въ томъ, что изъ «ничего»; а когда это? въ какое время? когда я уязвленъ, когда я умомъ помраченъ и только мечтаю о сласти, когда все наконецъ ужъ такъ доведено, что Маринѣ шагу ступить безъ меня невозможно... Сегодня ей ужъ послѣдній ударъ нанесенъ: я вчера велѣлъ Дросидѣ, чтобъ нынче выгнать ихъ—и ее и мать—если Марина еще ломаться будетъ. Теперь ей одинъ выборъ—идти съ слѣпою матерью питаться желудьми или... придти ко мнѣ. *(Глядя на часы.)* Теперь девятый часъ въ исходѣ... Непремѣнно должна бы сейчасъ быть... Небось, закутается... идетъ, словно земля подъ ней проваливается, и все плачетъ. Гм! *(Подумавъ.)* А я очень люблю иногда плачущихъ женщинъ... *(Страстно.)* У нихъ въ это время, когда онѣ плачутъ, губы такія... жаркія, и все какъ бабочка на булавкѣ трепещутся... Давно ужъ, давно я не цѣловалъ этакой! *(Задумывается.)* Изучились всѣ, всѣ ужъ и здѣшнія-то пріучились, какъ рыбы холодныя на блессточку ходятъ, только блессточекъ заготавливай... Ахъ, эти блессточки, блессточки!... Вотъ, чертъ возьми, вертись, какъ жидъ передъ жолнеромъ: то баба, то свое спасенье. *(Садится къ столу, на которомъ стоятъ книги законовъ.)* Неужто же въ самомъ дѣлѣ ни умъ, ни законъ, ничто не поможетъ? Нѣтъ! чтобъ выгонять вонъ изъ головы эту проклятую бабу, давай лучше законы читать стану. Теперь мода на законы пошла. Прежде была мода на возможность, а нынѣ на законъ *(Раскрываетъ одну за другою нѣсколько книгъ.)* Что жъ!.. Говорятъ, подьячій отъ закона питается: не утѣшитъ ли онъ и насъ чѣмъ? *(Читаетъ.)*

«О фальшивых монетчиках».—Вот эта статья интересная. Только велика труппа требуется. *(Ищетъ далье.)* «О нарушении союза брачнаго». *(Останавливается и насколько секундъ читаетъ.)* Мужъ можетъ потребовать жену къ совмѣстному сожителству... а чтобы онъ не потребовалъ... *(Съ досадою.)* Но это опять все про нее! про нее!.. *(Оглядывается на дверь.)* Однако, что-то вотъ ея и нѣтъ. *(Глядя въ книгу.)* «О расточительствѣ». Вотъ этимъ закономъ меня хорошо было съ дѣтства отчитывать. *(Вздыхаетъ и бросаетъ книгу.)* Все вздоръ! Есть только то, чего не надо; а за что зацѣпиться? на чемъ выскочить?.. На что стать да насмѣяться этимъ и новымъ судамъ, и новымъ людямъ,—того и нѣтъ! *(Слышится стукъ въ двери).* Ага, вотъ и она! *(Откидываетъ ключокъ.)* Одна?

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и Дросида *(входя)*. Одна, родимый. Да и съ кѣмъ же быть-то? Не съ кѣмъ.

Князевъ. Какъ не съ кѣмъ! Что такое?

Дросида. Да вѣдь ушла она, Марина-то, еще вчера ушла. Я думала, что ты ужъ знаешь, потому весь городъ знаешь. Я про то и идти и глазъ тебѣ показать боялась, что ты, молъ, этакой человекъ... гнѣвъ тебѣ...

Князевъ. Ты толкомъ мнѣ говори. Я твоей этой болтовни ничего не понимаю. Я дома сидѣлъ: ничего не слышалъ, а докладывать—кто мнѣ смѣетъ про эти глупости докладывать?

Дросида. А коли не знаешь, изволь, родимый, все расскажу. Я все ей баяла. Я говорю, ты вспомини, Маринушка, что кто вѣдь былъ твоей застой? Подумай, молъ, что ты вѣдь мужняя жена, а мужъ твой есть убивецъ. Кто за тебя вступился? Фирсъ Григорычъ. Кто мужа твоего по чести спровадилъ въ Питеръ да еще и денегъ на разживу далъ,—кто? все же Фирсъ Григорычъ. Кто этотъ домикъ-то, не домикъ, а хоромы добрыя тебѣ удержалъ, не далъ твоему мужу прогусарить?—онякъ же Фирсъ Григорычъ!

Князевъ. Ну!

Дросида. Да какъ же тебѣ, говорю, того не чувствовать? Ну, а она свое: я бы, говоритъ, отъ мужа и сама убѣгла, потому что онъ, всѣмъ извѣстно, разбойникъ; а что хоромы, такъ это, говоритъ, вѣдь наши притоманныя, свои хоромы: ихъ Фирсъ Григорьевичъ обманствомъ выманилъ: говорилъ,

чтобъ только переписать за него, чтобы мужъ меня подъ домъ денегъ занимать не заставлялъ; а нынче видно шутку эту въ правду ужъ повернулъ. Такъ мнѣ плевать; говорить, па эти и хоромы Я, говорить, пужды не боюся, а ужъ тѣла своего не продаю. Дура ты, говорю ей, такъ же вѣдь съ своимъ съ разбойникомъ-то жила и тѣло ему предавала. Ну, то, говорить, законъ.

Князевъ. Скажите, пожалуйста, и бабы про законъ зашѣли!

Дросида. Да, говорить, законъ. Да что, молъ, намъ, нищимъ, законъ! Хорошо въ законѣ ходить, кому Богъ обужку далъ, а у насъ рѣдкая-рѣдкая, которая отъ Фирса Григорыча чѣмъ не пользовалась... Моя, говорю, дочь не хуже тебя была...

Князевъ. Ну, это ты проѣзжай мимо съ своей дочерью.

Дросида. Не хуже тебя, говорю, Алена-то моя была, да за счастье даже это почитала. А она съ этимъ харкъ мнѣ въ глаза, да говорить: змѣя ты, да еще змѣи хуже, потому и змѣя своихъ черевъ не ѣстъ, а ты къ чему дочь устроила. Я ужъ тутъ-то не стерпѣла, да и говорю: ну, коли ты говоришь, что я свое дитя съѣла, то ты хуже меня будешь и свою мать съѣшь. Мнѣ, говорю, отъ Фирса Григорыча такой приказъ данъ теперь, что если ты нонѣ своихъ капризовъ не переломишь да не пойдешь къ нему, такъ замѣсть того, чтобы онъ домъ на тебя записалъ, вотъ тебѣ Богъ да порогъ: выходи вонъ отсюда съ своею матерью.

Князевъ. Ну, и что жъ она?

Дросида. Что жъ ей, безчувственной, Фирсъ Григорычъ! Она тому и рада словно. Прегордо плюнула еще, да и была такова. «Собирайся, маменька: нашъ домъ-то не нашъ, говорить, вынешь». Повязала узлы, да и слѣдъ ихъ таковъ.

Князевъ. Скажите, пожалуйста, какой, однако, въ этой бабенкѣ гоноръ сидитъ. (*Отходя.*) Вѣдь это... вѣдь это я вамъ говорю (*улыуеъ пальцы*)... вѣдь это сюпер-фейнъ! Эта... разомнетъ кости, пока ее къ знаменателю приведешь. И и этотъ родъ знаю. Знаю, знаю! Сей родъ ничѣмъ же изымаеся, но хорошъ, хорошъ, заманчивъ. Дуру, какъ галку, сейчасъ подманишь, и сама и на плечо садится; а этакую... какъ сокола ее надо вынашивать... Маять ее, чтобы одурь ее взяла... чтобъ отдыху ей не было, чтобъ изъ силъ выбилась, съ тѣла спала... Въ нихъ вѣдь это не то... не мя-

котъ, не тѣло дорого... а въ нихъ... Да дьяволъ ихъ знаетъ, что въ нихъ такое! (*Дросида*). Ну, и куда же она пошла?

Дросида. Да ужъ прежде, видно, Фирсъ Григорьичъ, у нихъ мѣсто-то готовлено. Она такъ прямо, плюнувши, и говоритъ: страшать было вамъ, говоритъ, меня допрежь сего, да и тогда-то бы я не больно испужалась, а нонѣ мнѣ спасибо вамъ, что выгнали. Взяла слѣпую мать и повела къ Молчанову на дачу.

Князевъ (вскакивая). Къ Молчанову? Ты врешь!

Дросида. Мнѣ ли лгать тебѣ, родимый Фирсъ Григорьичъ. Сама я видѣла, какъ взяли за уголь и полемя поплелись вдвоемъ къ Молчановской слободкѣ.

Князевъ (проворно вскочивъ и расхаживая. Про себя). А, братъ Иванъ Максимычъ, ты что-то частенько сталъ мнѣ впоперекъ дороги шнырить. За тебя терплю, да и отъ тебя терпѣть — это ужъ не много ли будетъ по двѣ собаки на день! (*Слышенъ стукъ въ двери.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и Минутка.

Минутка (блѣдный и взволнованный вѣгаетъ и, обращаясь къ Дросидѣ). Ступай отсюда, ступай! Прикажите ей, Фирсъ Григорьичъ, носкорѣе вонъ выйти.

Князевъ (Дросидѣ). Поди тамъ подожди въ саду.
(*Дросида уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же безъ Дросиды.

Князевъ. Чего ты мечешься, какъ угорѣлый?

Минутка. Да, угорѣлъ... прекрасно вы всѣхъ насъ учадили: на дѣлый вѣкъ этого угару хватить.

Князевъ. Не ври: всякій угаръ пройдетъ, какъ свиньи спать лягутъ. Ты говори, въ чемъ дѣло?

Минутка. Помилуйте, да вамъ вѣдь лучше знать, въ чемъ дѣло. Скажите-ка вы, гдѣ у васъ черновые счета, которыми вы меня пугали?

Князевъ. Въ коробѣ спрятаны.

Минутка (плачевно). Да что вы шутите! намъ не до шутокъ. Нѣтъ, онѣ точно въ коробѣ, да не въ вашей... Ихъ нѣтъ у васъ: вы обронили ихъ хмельной у Марины Николаевны, да и не хватитесь. Стыдно вамъ, Фирсъ Григорьичъ!

Князевъ (*въ ужасъ*). Она могла Молчанову отдать ихъ!

Минутка (*нервно*). Да что угадывать, когда ужъ отдала. (*Плачетъ*). Вотъ то-то вотъ... винцо да бабочки... библейскаго Самсона и того остригли, и васъ остригутъ! Повѣрьте, остригутъ. (*Къ публикѣ*.) Лѣзетъ къ женщинѣ: та его терпѣть не можетъ, говоритъ такъ съ нимъ, съ омерзвѣніемъ съ такимъ, что смотрѣтъ совѣстно, а онъ все къ ней... Съ ума сошелъ дряхлецъ... Гдѣ гордь, а тутъ ужъ и гордости нѣтъ.

Князевъ (*не слушая*). Теперь не остается много думать... Ступай сейчасъ къ Молчанову... не дожидайся утра, а сейчасъ ступай... скажи ему, что я кланяюсь ему...

Минутка (*перебивая*). Да; теперь мириться съ нимъ, прощенья у него просить готовы.

Князевъ (*кусая губы*). Да, прощенья.

Минутка (*смѣло*). Чего просить? чего просить? Напрасно, чтобы вы знали! Я ужъ просилъ—сейчасъ оттудова. Я какъ узналъ, что всѣ наши счета и фактуры у него въ рукахъ, такъ первымъ же дѣломъ прямо бросился къ нему... да не въ дворъ, а въ огородъ... подъ огна...

Князевъ (*схватывая Минутку за руку*). Гм!.. да, да, чтобы украсть? Ну, ну! ну, молодецъ, умно.

Минутка. Чтобы посмотрѣтъ, что можно сдѣлать...

Князевъ. Ну!

Минутка. Ну! (*Налло.*) Ну и ну! поднялся на карнизецъ да гляжу въ окошко: вижу, свѣчи горятъ, а никого нѣтъ, какъ вдругъ въ это время кто-то хватъ меня прямо за... ухо.

Князевъ. Тебя?

Минутка. Да, разумѣется, меня! вѣдь васъ тамъ не было. Оказывается, что это самъ господинъ Молчановъ. Держитъ за ухо и говоритъ: «а, Князевскій шпионъ, мое почтенье»... и хотѣлъ-было людей звать. — Иванъ Максимычъ, что вы! говорю, да Богъ-бо зъ вами! какой я шпионъ? Я, говорю, я, чтобы вы знали, къ вамъ отъ Фирса Григорыча съ тѣмъ и присланъ, чтобы миръ сдѣлать; Фирсъ Григорычъ, говорю, сами быть у васъ желаютъ... А онъ...

Князевъ (*нетерпливо*). Ну да; а онъ? Что жъ онъ?

Минутка (*вздыхнувъ*). А онъ... Пословъ, говорить, ни худыхъ, ни хорошихъ, не бьютъ, не бранятъ, а жалуютъ. И въ этомъ видѣ, такъ и повелъ.

Князевъ. Гм! все за ухо?

Минутка. Да я жъ вамъ говорю, что за ухо! (*Вздыхнувъ.*)
Повелъ въ кабинетъ. Провелъ, да и далъ мнѣ прочитать
бумагу... Останетесь довольны, Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ (*нетерпливо*). Что это за бумага?

Минутка (*тихо*). Въ Петербургъ.

Князевъ. О чемъ?

Минутка (*еще тише и спокойнѣе*). О томъ, что начеть
на васъ онъ дарить на дѣтскіе приюты.

Князевъ. Всѣ двѣсти тысячъ?

Минутка. Съ процентами... Что-съ, Фирсъ Григорьичъ?
Просить было, пока время было. Теперь вѣдь не съ Мол-
чановымъ—тѣ не простить.

Князевъ (*хватая Минутку за бортъ*). Украдь эту бумагу
съ почты.

Минутка (*спокойно*). Не рвите платья понапрасну. Бумаги
пѣтъ: она ужъ третій день тому назадъ пошла съ нароч-
нымъ. Я видѣлъ копію.

Князевъ (*бросаетъ Минутку*). Что жъ это вы меня
живьемъ, что ли, хотите въ руки выдать! (*Снова хватая
бѣшено Минутку.*) Ты говоришь, что поздно красть!— (*съ
азартомъ*) такъ я же буду рѣзать! жечь!.. душить!.. (*Бѣ-
житъ къ двери.*)

Минутка. Что вы? что вы? Вы... вспомните вы, что вы
говорите?

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же и Дробадоновъ (*показывается въ это время въ
дверяхъ и преграждаетъ Князеву дорогу.*) Что, еще охота
все душить, да рѣзать? Довольно, кажется, въ свой вѣкъ
ты ужъ и красть, и рѣзать.

Князевъ (*гнѣвно*). Что это? какъ ты смѣлъ сюда войти?
Пошелъ отсюда вопъ!

Дробадоновъ. Не прогоняй—и самъ не засижусь. (*Беретъ
молча Минутку за плечи, выставляетъ его за порогъ и
запираетъ за нимъ дверь.*) Не по своимъ дѣламъ къ тебѣ
я, а отъ людей посланъ. Куда ты вышвырнулъ Марину
Гуслярову съ слѣпою матерью изъ дому?

Князевъ. На просторъ.

Дробадоновъ. Да какъ же такъ?

Князевъ. Такъ: очень просто—домъ мой и власть моя.

Дробадоновъ. Домъ твой и власть твою, да и твою жъ вѣдь и безчестье. Ты домъ купишь у нихъ за бездѣнокъ; сказать, что это только для того, чтобъ мужъ Марину не неволилъ занимать подъ домъ да отдавать ему на пьянство, а что они до вѣку будутъ въ этомъ домѣ жить.

Князевъ. Да вѣдь то-то вотъ видишь — я своему слову господинъ: хочу держу, хочу въ карманъ прячу. Ступай проси на меня, если хочешь.

Дробадоновъ. Чтò просить? А ты грѣха побойся, Фирсѣ Григорычъ. Извѣстно намъ, чего ты хочешь отъ Марины Николаевны. Она не говорлива, да у людей-то вѣдь глаза — не бѣлма. Грѣшилъ ты много, Фирсѣ Григорычъ; но нонѣ, кажется, не тѣ бы ужъ твои года... Ужъ я старикъ почти, а ты вѣдь мнѣ въ отцы годишься. Тебѣ бѣ теперь пора молиться Богу, да просить себѣ деревяннаго тулупа.

Князевъ (*раздражительно*). Да ты кашу, что ли, ѣлъ на моихъ крестинахъ, или воду выливалъ?

Дробадоновъ. Да Богъ съ тобой, съ твоими лѣтами. Я въ томъ пришелъ тебя просить: не доводи, пожалуйста, семью племянника Молчанова до безконечнаго раздора. Ты выгналъ изъ дому Марину; имъ съ матерью некуда дѣться было. Въ городѣ, тебя боясь, никто ихъ не приметъ. Я бы радъ ихъ душой принять, да самъ съ сестрой и съ матерью едва мѣшусь: — ну, онѣ, разумеется, къ Молчанову пошли; а вѣдь тебѣ и безъ того извѣстно, что весь народъ въ одно про нихъ твердить и путаешь Марину съ Ваней. Теперь онѣ ихъ вчера приотили, а это до семейныхъ уже дошло, и въ домѣ адъ насталь.

Князевъ. Ага! и адъ уже насталь? Чего жъ бы кажется? То ѣздилъ туда кататься, теперь живетъ: не велико разлчье.

Дробадоновъ. Будь миротворецъ — вороти ты этотъ домъ старухъ.

Князевъ (*долго глядя въ глаза Дробадонову*). Калина Дмитричъ! Что ты — дуракъ или родомъ такъ?

Дробадоновъ. Послушай, Фирсѣ Григорычъ! Ругательствомъ твоимъ не обижаясь. Я не дуракъ и совѣсть у меня чиста, и такимъ меня мѣръ знаетъ. Я бѣденъ, да въ свою мѣру уважаютъ меня люди. Ты меня не обидишь, да ты мнѣ и не страшнъ: я не боюсь тебя. А я тебя по-христіански прошу и совѣгую тебѣ: опомнись, Фирсѣ Григорычъ,

сдѣлай хоть что-нибудь доброе: пусть не всё же боится — пусть хоть кто-нибудь тебя и любить станетъ.

Князевъ. А мнѣ, любезный, это все равно: люби, не люби, да почаще взглядывай.

Дробадоновъ. Положимъ, что и тутъ ты правъ; но ты подумай, что говорятъ-то о тебѣ.

Князевъ. Плюю!

Дробадоновъ. Ну отчего бь тебѣ тѣ злыя рѣчи не закрыть добрымъ дѣломъ, чтобы сказали, что и у Князева душа есть?

Князевъ. Плюю на то, что говорили; плюю и на то, что скажутъ.

Дробадоновъ. А ты не плюй.

Князевъ. Что-о-о?

Дробадоновъ. Не плюй — вотъ что. Погода поднимается: неравно назадъ откинеть, въ свою рожу плюнешь. (*Подходитъ съ значительной миной.*) Говорятъ, будто ты утопилъ Максима Молчанова.

Князевъ (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Неужто?

Дробадоновъ. Говорятъ, что когда Максимъ Петровичъ написалъ духовную, гдѣ, обойдя всю женину родню, завѣщалъ сына въ опеку тебѣ съ Мякишевымъ, ты никакъ дождаться не могъ, когда придутъ къ тебѣ въ руки миліоны.

Князевъ. Ишь, какой шельма народъ пронзительный: ничего отъ него не утаишь.

Дробадоновъ (*подходя еще ближе*). Говорятъ, что разъ, когда вы кунались втроемъ — ты, онъ, да Алеша Брылкинъ — ты взялъ и началъ окунать Максима Петровича Молчанова, да и закуналь шутя; а какъ его закуналь, тогда бросился за Брылкинымъ Алешей, чтобы и свидѣтели не было. Тотъ уходилъ, молился, плакалъ; но ты и съ нимъ покончилъ. Максимъ Молчановъ потонулъ, и не нашли его. А Алешу жь Брылкина хоша и вынули и откачали, да что по немъ! Ужъ онъ тебѣ не страшенъ: онъ съ ума сошелъ и поднесъ остался сумасшедшимъ и бродитъ въ рублищѣ; (*махнувъ рукой*) да въ томъ, можетъ-быть, его и счастье, что онъ въ разсудкѣ помѣшался, а то ты бы и его спровадилъ.

Князевъ. Скажи, пожалуйста... совсѣмъ бы уголовщина, кабы доказательства не Окой снесло.

Дробадоновъ. Чтѣ по Окѣ несетъ, то въ Волгу попадаетъ

и Волгю всю Русь переходить и широкому Касию жалуется. Не кичись, что доказательствъ нѣтъ: былинка, травка шепчутъ ихъ и Господу, и людямъ. Припомни: Валаамъ ослицею былъ обличень!

Князевъ. Да ты это что пришелъ мнѣ здѣсь читать! Я, братъ, къ попу хожу.

Дробадоновъ. Я тебѣ сказываю, что народъ говорить.

Князевъ. А я тебѣ говорю, что я на это плюю.

Дробадоновъ. Плюй, плюй, да ужъ къ сему покрайности не согрѣшай. Налгъ день сѣлъ въ беззаконіяхъ за горы, и ношъ судъ не прежній. Гляди, не ровень часъ, всплывуть и старые грѣхи.

Князевъ (*взволнованно*). И ты про новый судъ! Холера это, что ли, этотъ судъ, что всѣ вы такъ про него заговорили?

Дробадоновъ. Для иныхъ холера.

Князевъ. А ты не знаешь, что кто холеры не боится, того сама холера боится. Знать не хочу я этого суда!.. Я не пойду на этотъ судъ, гдѣ... тебя и всякаго другого такого скота посадятъ судить меня. (*Въ раскрытомъ окнѣ появляется смотрящій изъ кунъ сирени темнаго сада Алеша Босый.*) Я никого не боюсь; я ничего не боюсь; я холеры не боюсь, чумы не боюсь, тебя не боюсь, суда не боюсь и сатаны со всей преисподней.

Алеша (*унизономъ протяжно*). Утону!.. Ка-ли-и-на Дмитричъ! Во-озьми меня отсю-ю-да. Здѣсь... страшно... Утону...

Князевъ (*вздвогнувъ*). Что это! Вы меня пугать задумали! (*Алешъ.*) Прочь, чучело!

(*Алеша, вскрикнувъ, убѣгаетъ.*)

Дробадоновъ. Ахъ ты ругатель! Гордыня-то тебя куда уносить. Сейчасъ ты ничего на свѣгъ не боялся, а вотъ безумный старичокъ забрелъ—и ты вздрогнулъ. Чего ты на меня остребенился? вѣдь я видѣлъ, какъ ты задрожалъ... Не я его подвелъ сюда, а можетъ это Богъ его послалъ, чтобы напомнить грѣхъ твой. Не пожалѣлъ отца ты, Фирсъ Григорычъ, — пожалѣй хоть сына. Боясь тебя, никто на дворъ Гуслиаровыхъ не пускаетъ жить; у меня вся хата съ орѣхъ, да мать съ сестрами и тѣмъ мѣста нѣтъ,—имъ некуда дѣться, кромѣ Молчанова. Не доводи до этого. Не дѣлай ты худой огласки. Оттого, что Марину взялъ Молча-

повь, великая бѣда можетъ родиться. Верни имъ домикъ, гдѣ онѣ жили, а если честию воротить не хочешь, такъ вотъ тебѣ Молчановъ шлетъ три тысячи рублей за этотъ домикъ. (*Вынимаетъ пачку ассигнацій и кладетъ ихъ на столъ.*) Возьми и выдай купчую, чтобъ жили тамъ гдѣ жили.

Князевъ. Тыфу пропасть! Да что жъ это такое: вездѣ на всякій часъ, во всякій слѣдъ Молчановъ! Ему о нихъ что за забота?

Дробадоновъ. Что жъ, старуха мамкою его была, а молодайка въ ихъ домѣ выросла, они дѣтьми играли вмѣстѣ... онъ человекъ богатый, не мотъ, не пьяница, не расточитель... куда жъ ему дѣваться?

Князевъ (*подпрыгиветъ*). Что ты сказалъ? что ты сказалъ? какое слово?

Дробадоновъ. Я говорю, что его достатки миллионы, а онъ не пьяница, не расточитель.

Князевъ (*про себя*). Расточитель! (*Распрямляясь.*) Фу-у! батюшки! Орлу обновилася юность! (*Громко Дробадонову.*) Постой, постой!.. Да, хорошо... я домъ продамъ—на что жъ онъ мнѣ? онъ мнѣ не нуженъ, продамъ и завтра выдамъ крѣпость... Но постой же, братецъ, вѣдь это такъ нельзя. Живой человекъ живое и думаетъ, и тамъ кто его знаетъ... Нѣтъ, я деньги съ глазу на глазъ брать не стану. (*Беретъ со стола ассигнации и суетъ ихъ въ руки Дробадонову.*) Возьми-ка, возьми пока, возьми. (*Растворяетъ дверь.*) Эй! Вонифатій Викентьичъ!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Минутка.

Князевъ. Вотъ я здѣсь домикъ свой, что на провальѣ, продалъ Ивану Максимовичу, и то-есть не Ивану Максимовичу, а Гуслиаровымъ, Маринѣ Гуслиаровой, только на Ивана Максимовича деньги, такъ сядь-ка напиши какую слѣдуетъ росписку, что деньги, молъ, три тысячи рублей за сей проданный домъ я отъ Молчанова получилъ и обязываюсь въ мѣсячный срокъ совершить на оной купчую крѣпость на имя Марины Гуслиаровой, а росписку сію положили до совершения крѣпости дать за руки секретарю Минуткѣ. (*Сажая его за бюро.*) Пиши такъ, какъ сказано. (*Про себя съ самодовольною улыбкою.*) Очень бы хотѣлось мнѣ видѣть теперь какого-нибудь петербургскаго мудреца,

чтобы онъ, глядячи на меня теперь, сказалъ, что это по его разуму я дѣлаю? Нечего больше и сказать, что Князевъ домъ продаетъ... А Князевъ душу человѣческую и всю совѣсть мірскую подъ ногами затоптать собирается...

Минутка. Готово.

Князевъ (*скоро подписывается. Минуткѣ*). Подпишись свидѣтелемъ. (*Дробадонову.*) Теперь пожалуй деньги. (*Дробадоновъ подаетъ.*) И ты также подпишись. (*Смотритъ черезъ плечо, пока тотъ пишетъ, и потомъ, взявъ въ руки бумагу, читаетъ*): Кипецъ Калина... Какъ ты это, братецъ, скверно пишешь: не кипецъ надо писать, а купецъ. (*Свертываетъ листъ.*) Минутка, спрячь.

Дробадоновъ. Прощай покуда, Фирсѣ Григорьичъ.

Князевъ (*быстро*). А?.. Да! Прощай, прощай покудова. (*Дробадоновъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же, безъ Дробадонова.

Князевъ (*посмотрѣвъ въ слѣдъ Дробадонову*). Ну что жъ, братъ Вонифатій, понялъ?

Минутка. Домъ продали, я больше ничего не понялъ.

Князевъ. Ничего?

Минутка (*пожимая плечами*). Н... ничего. (*Спохватясь.*) Росписку уничтожить?..

Князевъ (*злобно смеется*). Ха-ха-ха! (*Дѣлаетъ приторно свирѣлое лицо и наступая на Минутку*). Подай ее! подай сюда росписку!

Минутка (*испуганный, защищаясь и убѣгая*). Фирсѣ Григорьичъ, Фирсѣ Григорьичъ, я не могу... что жъ вы это въ самомъ дѣлѣ... Фирсѣ Григорьичъ? Вы деньги взяли, а я долженъ даромъ...

Князевъ. Давай, давай! я подѣлюсь съ тобой.

Минутка. А сколько же мнѣ? (*Опять убѣгая*). Позвольте прежде: сколько же мнѣ?

Князевъ (*глядя на Минутку*). Ну какъ же васъ, такихъ-то поподзней, не запугать судами да законами? Свѣтъ умудряется: вездѣ, на всякій часъ искусства новыя; а вы все только хапъ да цанъ. Это время прошло теперь, чтобъ понижегородски соль красть. Нѣтъ, я, братъ, не въ васъ! Это ты вотъ давеча съ перенугу бормоталъ здѣсь, что ужъ тебѣ теперь и прикоснуться къ взяткамъ страшно; а только по-

сулили — ты ужь опять и лапу суешь. *(Смѣясь.)* Ахъ ты безстрашный этакой! Въ такія времена, при такомъ судѣ брать взятки! Нѣтъ, я не беззаконникъ! Теперь кто глупъ, такъ тотъ пускай законы нарушаетъ, я чту законъ. Самъ на себя я, видишь, выдаю росписки. Какъ око береги ее! Домъ проданъ, только въ немъ не жить тому, кому его купили: на это есть законъ.

Минутка. Такого нѣтъ закона.

Князевъ *(нервно).* Неправда, есть! *(Бросаетъ на полъ къ ногамъ Минутки лежащую на столѣ пачку ассигнацій.)* Бери! Три тысячи здѣсь: одну изъ нихъ возьми себѣ; остальные же двѣ представить въ Думу и объявить народу, что Богъ послалъ мнѣ великую удачу въ дѣлѣ трудномъ, и что за это я отъ своихъ щедротъ плачу за бѣдныхъ города всю податную недоимку. *(Подумавъ.)* А на тотъ годъ дарю на подать *(съ удареніемъ)* десять... нѣтъ! двадцать... тридцать тысячъ!

Минутка. Что вы? что... вы? Откуда это будетъ?

Князевъ. Откуда?... Отгадай!

Минутка. Нѣтъ, извините, не могу.

Князевъ *(надвывая перчатку).* Я кладъ нашель.

Минутка *(поникаетъ головой и выражаетъ недоумѣніе).*
Ряхнулся!

Князевъ. Аптеку, — понимаешь, аптеку выискалъ.

Минутка *(не понимая).* Какая аптека? Что это вы, Фирсъ Григорьичъ!

Князевъ. А что стряпчій-то писалъ: «нѣтъ — говорить — аптеки!» Вздоръ! есть аптека! И не на сей день, а на два вѣка та аптека.

Минутка *(оглядываясь по сторонамъ въ недоумѣніи).* Гдѣ вы это видите? Вы нездоровы! Гдѣ аптека?

Князевъ. Она вотъ въ головахъ въ такихъ премудрыхъ, какъ твой, да промежь зубовъ, которымъ чавкать нечего. Подай мнѣ трость и шляпу... Нѣтъ, врите все: Фирсъ Князевъ не проналъ! Пусть черви грома причутся, а стрепету за тучами еще простора вволю.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и двѣ слободскія дѣвушки *(прользаютъ въ дверь. Одна, постарше, очень смѣла, другая, молоденькая, робко жметя).*

Князевъ (*встрѣчая ихъ, обнимаетъ старицу, которая вскрикиваетъ; потомъ трется около младшей и, когда эта закрываетъ рукою глаза, сажаетъ ее на свою постель*). Побудьте здѣсь, Аленушка и Саша. Погрѣйте старичку мѣстечко. А тамъ вонъ въ поставцѣ вино, наливка и мятные груздочки. Покушайте покуда. Я вразъ сейчасъ вернусь.

Алена (*развязно указывая на Сашу*). Она робѣеть, Фирсъ Григорычъ, съ непривычки.

Князевъ (*глядя Сашу по головѣ*). Робѣеть. Ничего. Ты не робѣй: мы добрый. (*Минутка*.) Ступай домой теперь (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же, безъ Князева.

Минутка (*выпустивъ Князева, беретъ свою фуражку. Про себя*). Домой? Нѣтъ, я ужъ лучше за тобою издали пройду, поприсмотрю, что это ты затѣялъ ночью. (*Уходитъ*.) (*Занавѣсъ падаетъ*.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Молчанова, убранный въ современномъ вкусѣ.
Утро.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Молчановъ (*одѣтъ въ хорошій, мягкій, утренній пиджакъ. Вытсваживая изъ своей комнаты двоихъ дѣтей*). Ступайте съ Богомъ, рѣзвитесь и играйте, только пожалуйста не сорьтесь. (*Выпускаетъ ихъ за дверь и говоритъ съ порога*.) Прошу васъ, няня, не давайте вы имъ этихъ кошекъ мучить, да собачекъ! Усердно васъ прошу объ этомъ. (*Затворяетъ дверь и идетъ къ письменному столу, который стоитъ вправо отъ зрителей*.) Эхъ, не приведи Госноди воспитывать дѣтей безъ матери, а еще хуже съ плохую матерью. (*Сидится*.) Не женитесь, добрые люди, на деньгахъ... Если и за свою полу недобрая женщина схватится, рѣжьте лучше полу прочь да уленетьвайте. Что это воть за жизнь моя! Какъ вспомню я, бывало, какъ я жилъ въ Германіи: до вечера на фабрикѣ работашь, все учишься; домой придешь — святая тишина въ бѣленькой комнаткѣ.

Тишь, тишь, тишь; про философію даже разсуждаешь. Но надокучить эта тишь чужая—бѣжишь на родину... бѣжишь... и здѣсь встрѣчаешь свару. Не по какимъ-нибудь такимъ причинамъ, которыхъ отвратить нельзя, все отравляется, а вотъ, словно въ фантастическомъ разсказѣ: Богъ вѣсть откуда, что сыплется; летитъ неожиданное и засыпаетъ челоуѣка.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Молчановъ и Минутка (*который всакиваетъ черезъ окно*).

Молчановъ (*увидѣвъ въ окнѣ Минутку, дѣлаетъ въ изумленіи одинъ шагъ назадъ*). Это что за явленіе? (*Смѣясь*.) Вѣрно, гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.

Минутка (*отправляясь*). Пусть это васъ не удивляетъ, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ (*улыбаясь*). Однако довольно трудно и не удивляться. Ко мнѣ этой дорогой никто не ходитъ.

Минутка. Въ наше время не всегда можно прямой дорогой ходить. Прикажете присѣсть или убраться?

Молчановъ (*улыбаясь*). Это я предоставляю на вашъ выборъ.

Минутка. Я выбираю сѣсть. (*Садится въ концѣ тѣмненнаго стола*.) Вамъ угрожаютъ большія неприятности, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ (*весело*). Скажите, вы что жъ, сегодня за кого?

Минутка (*клапясь*). За васъ!

Молчановъ (*строго*). Благодарю покорно; но эта шутка мнѣ не понугру.

Минутка. Фирсъ Князевъ вамъ приготовилъ западню.

Молчановъ. Какую западню?

Минутка. Не знаю.

Молчановъ (*гнѣвно*). Вонифатій Викентьячъ! совѣтую вамъ съ вашими домашними въ дурачки играть, а не со мною.

Минутка. Я не знаю, не знаю и не знаю. Понимаете: я, я, я хочу знать это—и не знаю; но ждите бѣды. По радости, которой онъ полонъ, онъ сдѣлаетъ столь страшное, столь скверное...

Молчановъ. Что на него самого будетъ похоже.

Минутка. Вы не шутите. Я знаю его: онъ никогда такой не былъ. Это уже совсѣмъ сатана во всей славѣ своей. Вы

присылали къ нему вчера Дробадонова? Онъ далъ росписку Князеву, что вы купили домъ Гуслиаровой.

Молчановъ. Я присылалъ, покупаю. Что же далѣе?

Минутка. Росписку эту я могу... собрать у себя и могу и возвратить вамъ; а на ней что-то строится. Вы, кажется, мнѣ не вѣрите? Вспомните, что я вѣдь съ васъ ничего не требую за услугу.

Молчановъ. Теперь я вамъ тѣмъ болѣе не вѣрю. Съ какой стати въ васъ явилось вдругъ такое безкорыстное дружество ко мнѣ, когда вы вѣчно служили врагу моему Князеву?

Минутка. Какъ умному человѣку, вамъ бы не грѣхъ знать, что служить чаще всего не тому, кого любятъ.

Молчановъ. А кому выгодно служить, — я это знаю. Но отчего же меня-то вы безвозмездно защищаете?

Минутка. Ну, на это у меня есть свои виды.

Молчановъ (*вглядываясь въ Минутку*). Нѣтъ; вѣрно не плохо ли Фирсу, или вамъ не плохо ли отъ Фирса?

Минутка. Можетъ-быть и плохо Фирсу, и мнѣ отъ Фирса плохо, можетъ-быть плохо, но, во всякомъ случаѣ, чтобъ вы знали, и вамъ плохо.

Молчановъ. Онъ надоѣлъ вамъ?

Минутка. Да, немножко. Я порѣшилъ съ нимъ кончить, тѣмъ болѣе, что теперь къ тому и время приспѣло. Ему спасеня больше нѣтъ.

Молчановъ. Какъ нѣтъ спасеня? А въ чемъ опасность заключается?

Минутка. У него нечѣмъ заплатить денегъ, подаренныхъ вами дѣтскимъ пріюгамъ.

Молчановъ (*удивляясь*). Фирсу Григорьичу нечѣмъ платить? Я думаю, онъ *не хочетъ* платить?

Минутка. Онъ *не можетъ* платить. (*Оглядываясь.*) Мы съ вами совершенно одни?

Молчановъ. Въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія.

Минутка. Полагаю также, что нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что все, о чемъ я буду говорить съ вами, останется навсегда между нами?

Молчановъ. Я не выдавалъ никого.

Минутка. Потрудитесь не искать съ Князева вашихъ денегъ. Ихъ негдѣ уже искать. Позвольте мнѣ лучше его въ Сибирь отправить. Я вамъ это очень совѣтую.

Молчановъ (*встаетъ*). Г. Минутка, что это за тонъ? Что бы это могло значить!

Минутка. Стою за свою шкуру, Иванъ Максимычъ. Выплатить передъ вами во всемъ главнѣмъ образомъ одинъ Фирсь. Воротить всего заграбленнаго у васъ въ теченіе двадцати лѣтъ невозможно. И я, и голова, и тесть вашъ— всей пойдемъ подъ судъ и пропадемъ безъ всякой пользы для васъ. А вотъ я вамъ представлю бумажечки, по которымъ Фирсь Григорычъ одинъ отлично прогуляется... (*Отдаетъ бумаги.*)

Молчановъ (*пересматривая*). Счетъ, росписка въ полученіи денегъ за кладовую и накладная на какую-то мочалу... Я ничего не понимаю.

Минутка. Полтора года тому назадъ, ровно за три мѣсяца до вашего возвращенія изъ-за границы, у васъ сгорѣли амбары, а въ нихъ двѣ тысячи пудовъ хлопка. Товаръ этотъ не былъ застрахованъ; а не былъ онъ застрахованъ (*помолчавъ*) потому, что его совсѣмъ не было.

Молчановъ (*пожимая плечами въ недоумѣніи*). Шарада за шарадой.

Минутка. А очень просто: привезли мочалу, да сожгли ее за хлопокъ.

Молчановъ (*помолчавъ и вздохнувъ*). Ловко, другъ мой Фирсь Григорычъ!

Минутка (*вставая*). Иванъ Максимычъ! Я много виновать передъ вами! Надѣяться на какое-нибудь примиреніе съ вами—это, разумѣется, было бы довольно смѣшно и глупо; но я хочу вотъ чего: хочу одолѣть свою гадость душевную и сказать вамъ: простите меня, Бога ради!

Молчановъ (*грустно*). Богъ васъ проститъ! (*Подаетъ руку, которую Минутка схватываетъ и миновенно цѣлуетъ. Молчановъ переконфуженный.*) Что вы, что вы! Воиѳатій Викентычъ... Богъ съ вами! (*Удерживаетъ его за руки и ласково сажаетъ назадъ въ кресло.*) Успокойтесь!

Минутка (*горячо*). А я за это весь ванъ, весь, весь! и ужъ у меня Фирсь желѣзныхъ браслетовъ не минуетъ.

Молчановъ. Воиѳатій Викентычъ, я вижу, вы меня не понимаете. Слушая васъ, поневолѣ вспомнишь, что «самая высшая хитрость на свѣтѣ состоитъ въ томъ, чтобы никогда ни съ кѣмъ не хитрить». Будучи честнымъ человѣкомъ, какимъ я хоть не вездѣ, но по нѣкоторымъ статьямъ имѣю

право себя считать, я ни въ какихъ обстоятельствахъ не допущу васъ сожалѣть о вашей сегодняшней откровенности. Сказанное здѣсь—здѣсь умерло...

Минутка (*вздыхая*). Я въ этомъ былъ увѣренъ. Я всегда уважалъ васъ за благороднаго человѣка.

Молчановъ. Но вы напрасно думаете, что я желаю мстить Князеву. Взысканіе съ него я уступилъ приютамъ, чтобы меня не могли долго упранивать эти деньги ему уступить или отсрочивать ихъ. Онъ не стѣитъ этого. Но мстить... я не ищу этого. Съ Фирсомъ Григорьичемъ мои счеты такъ велики и длинны, что ихъ лучше не пробовать сводить. Они начались у моеи колыбели и кончатся, можетъ-быть, въ день смерти моеи. Этотъ человѣкъ ехидствомъ взомель въ дружбу къ моему отцу; онъ отеръ съ него мать мою; онъ уговорилъ отца написать завѣщаніе, по которому состояніе могло перейти ко мнѣ только въ такомъ случаѣ, если я, достигнувъ возраста, женюсь на Мякишевой. Иначе, за руками у Мякишева, было другое завѣщаніе, по которому, въ наказаніе мнѣ, цѣлая половина этого состоянія должна была поступить въ пользу богадѣлень. По милости Князева, я въ наше просвѣщенное время въ шесть лѣтъ сдѣлался женихомъ четырехлѣтней дѣвочки... Кромѣ того... кромѣ того, общая молва говоритъ, что по его же милости я менѣ чѣмъ черезъ годъ послѣ этого завѣщанія сдѣлался сиротою. Не знаю, сколько въ этомъ правды; но...

Минутка. Но правда въ этомъ есть! есть, непременно есть.

Молчановъ. Да, если вѣрить голосу народа — это правда; народъ весь въ одно слово говоритъ это.

Минутка. Шепчетъ. Не говорить, а шепчетъ.

Молчановъ. Если вѣрить чувству крови—это правда: она гниитъ во мнѣ, когда я его вижу. Какъ бы я ни былъ спокоенъ, стѣитъ произнести при мнѣ его имя—и я не свой. Я не могу, не могу быть своимъ, потому что одинъ видъ его меня въ бѣшенство приводитъ. Я не могу вспомнить, глядя на этого человѣка, какъ онъ въ восемь лѣтъ выучилъ меня пить сладкую водку, въ десять горькую, а въ пятнадцать ромъ и шампанское; какъ самъ онъ у себя на квартирѣ сажалъ мнѣ на колѣни французенокъ да танцовщицъ; какъ я въ его же глазахъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ рѣзалъ штоссы, и онъ за меня расплачивался... Уѣзжалъ онъ—я уже самъ по его стопамъ ходилъ въ праздники къ

этими танцовщицамъ и французенкамъ, проигрывалъ имъ; поить ихъ; векселя имъ давалъ... Меня пороть надо было, а воспитателя повѣсить, а его всё нахвалиться не могли. Хвалили! За что жъ хвалили? Что съ голоду не морилъ да въ нанку не одѣвалъ? а онъ душу мою одѣвалъ въ лохмотья. (*Помолчалъ.*) Остальное все идетъ сплошная мерзость: въ двадцать лѣтъ боязнь потерять право на имѣніе ведетъ меня къ женитбѣ на дѣвушкѣ, къ которой не чувствовалъ никакой привязанности; потомъ три года шлянья съ своею тоской за границую; и когда бѣ не открылъ мнѣ глазъ Дробадоновъ, когда бѣ онъ не поставилъ меня на нынѣшній путь, я былъ бы вѣрно и теперь прежнимъ поганцемъ и до сихъ поръ довелъ бы ужъ мои дѣла до состоянія, котораго нельзя бѣ было поправить. Такъ видите ли, какъ счеты-то мои съ Фирсомъ длинны, и какъ я хорошо ихъ знаю.

Минутка. О состояніи, Иванъ Максимовичъ, еще не безпокойтесь. Конечно, безъ состоянія человѣкъ все равно, что не человѣкъ; но вы... ваше состояніе еще дай Богъ всякому. Вы все-таки самый богатый фабрикантъ въ цѣломъ краѣ.

Молчановъ. Охъ, Боже мой! вы все о состояніи! Помилосердуйте! На что мнѣ жаловаться! У насъ, на Руси, есть люди, которымъ тузами, капиталистами бы быть, а они у своихъ благодѣтелей приказчиками, или кучерами служатъ, либо еще хуже того: папиросы въ веселыхъ домахъ гостямъ подаютъ, да не жалуются. Намъ это въ глупость нашу ставить; думаютъ, что мы ужъ и обиды чувствовать не способны!... Нѣтъ!... (*ударяя себя въ грудь*) чувствуемъ мы ее... чувствуемъ... такъ чувствуемъ, что можетъ быть, если бы объ этомъ, о чемъ мы говоримъ съ вами, на народѣ вслухъ заговорить, такъ тысячи сердець объ самыя ребра въ грудяхъ стукнулись бы... да не звѣри мы, чтобы месть любить, и не шуты, чтобы на вѣтеръ жаловаться... (*тихо*) потому что и своей вины каждый изъ насъ тоже въ этомъ долю видитъ! Что Фирсъ! Фирсъ прахъ, ходящій на двухъ лапкахъ; а вотъ то, среди чего этотъ Фирсъ выросъ,—это ничтожество, это холопство... это равнодушіе... съ которымъ приходится сживаться, которое приходится терпѣть,—вотъ что, вотъ что це переносно! Нѣтъ... я не могу говорить объ этомъ...

Минутка. Вы успокойтесь, Иванъ Максимычъ! Я только вѣдь хотѣлъ васъ предупредить... хотѣлъ сказать вамъ, чтобы вы... были осторожнѣе...

Молчановъ. Благодарю васъ. *(Даетъ руку.)* Не думайте обо мнѣ: я не боюсь враговъ; я себя одного боюсь.

Минутка. Прощайте же, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ. До свиданья. *(Минутка идетъ къ окну.)* *(Улыбаясь.)* Неужто вы опять черезъ окно?

Минутка. А что жъ вы думаете?... Э! чтобы вы знали, право такъ лучше.

Молчановъ. Да что вы, Богъ съ вами! Чтò за охота! Будто я чужой какой! будто вы не могли зайти ко мнѣ просто по какому-нибудь своему дѣлу!

Минутка. Охъ, Иванъ Максимычъ! охъ, Иванъ Максимычъ! Какъ вы плохо еще его знаете! Фирсъ не то, чтò на землѣ есть, а что подъ землею-то, и то онъ на семь аршинъ вглубь видитъ.

Молчановъ. О, да Богъ съ вами! Стоитъ ли онъ того, чтобы о немъ постоянно думать! Но если вы ужъ непременно желаете дѣлать секретъ изъ вашего визита, то я сейчасъ принесу ключъ отъ садовой калитки и черезъ садъ васъ выпущу.

Минутка *(останавливая его).* Онъ нынче ночью ходилъ на телеграфъ и отправилъ въ Петербургъ депешу своему повѣренному и другую... *(на ухо)* Ефиму Гусярову... мужу Марины Николаевны.

Молчановъ *(вздвигнувъ и сжимая руку Минутки).* Т-ссс.

Минутка *(тревожно).* Развѣ насъ кто слышитъ?

Молчановъ. Нѣтъ... не то... *(Живо.)* О чемъ депеша Гусярову?

Минутка *(пожимая плечами).* Не знаю. *(Молчановъ дѣлаетъ нетвердливое движеніе.)* Не знаю, Иванъ Максимычъ, не знаю и узнавать не хочу, потому что изъ его депеши ничего не узнаешь. Онъ поилетъ депешу, что овса или гречи больше не требуется, а читать это слѣдуетъ: «потребуй къ себѣ свою жену». *(Молчановъ вздрагиваетъ.)* **Минутка,** *сжимая его руку, говоритъ внушительно.)* Хорошаго ждать нечего: онъ золь на васъ и на Марину Николаевну. Надо быть готовымъ на всякое время и на всякій часъ все встрѣтить... и *(рѣшительно)* отпарировать.

Молчановъ. Какъ отпарировать?

Минутка. Какъ? *(Живо)*. Сегодня ѣхать въ Петербургъ съ Марией Николавной вмѣстѣ: къ отчету Фирса и въ тюрьму! Да, вмѣстѣ уѣзжайте, слышите! Если любите Марину Николавну, не оставляйте здѣсь ее: надъ ней бѣда виситъ не легче вашей.

Молчановъ. Все это вѣдь пока одни лишь подозрѣнія?

Минутка *(смотритъ Молчанову въ глаза и вздохнувъ)*. Да, подозрѣнія; а вы когда хотите защищаться?

Молчановъ. Когда на меня нападутъ, когда...

Минутка *(перебивая)*. Когда... *(спохватясь)* да, да, когда... когда увидимъ, что онъ противъ васъ задумалъ. Да, да... Ну, я буду за нимъ смотрѣть во всѣ глаза. А теперь, Иванъ Максимычъ, проводите меня покудова. Не равень часъ, чтобъ кто-нибудь къ вамъ не зашелъ.

Молчановъ. Сейчасъ. *(Уходитъ въ дверь нальво.)*

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Минутка *(одна)*. И этимъ не задѣлъ! Хе-хе-хе-хе! Подозрѣнія! Нѣтъ, ты перекреститься, милый, не успѣешь, какъ Фирсъ клюнетъ тебя въ самую маковку... *(Оборачиваясь къ комнатѣ, куда вышелъ Молчановъ)*. А ты, барашекъ, приготовляйся, другъ, на заколенье! Не хочешь волкомъ быть, не хочешь зубъ имѣть, что жъ: самого съѣдятъ въ бараньей шкурѣ. А я... Нѣтъ, мнѣ ты насолилъ ужъ, Фирсъ Григорычъ! Я двадцать лѣтъ терпѣлъ твою кацанью спесь; а нынче не изъ-за чего: сосать-то больше некого. А на отчаянность... нѣтъ, братъ, при нынѣшнихъ судахъ, на эту штуку не пойду. Я ужъ себѣ собралъ съ ребятами на молочишко и другую дорожку понащупалъ... Одно до дьявола какъ глупо, что я вотъ этому кое про что понаемкнулъ... Боюсь теперь, чтобъ ранѣе чѣмъ слѣдуетъ Фирсъ не прозналъ, что я съ нимъ въ союзѣ поавстрийски. Да нѣтъ! Молчановъ честный человекъ, а честный человекъ въ Россіи мастеръ молчать, гдѣ ему молчать не слѣдуетъ. Нѣтъ: ничего! *(За сценою слышенъ веселый голосъ Колокольцова.)*

Колокольцовъ *(за сценою)*. Сейчасъ, гума, сейчасъ. Я только изъ купальни. Вода какъ молоко парное! Просто божественно искупался.

Минутка. Голова Колокольцовъ! Вотъ чортъ возьми, еще этого осла тутъ нужно встрѣтить. *(Бѣжитъ къ окну)*. Нѣтъ,

съ симъ писавый кланяюсь! (*Прягаетъ въ окно, роняя на полъ перчатку.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Молчановъ (*входя*). Вотъ и ключъ. (*Оглядывается.*) Во-нифатій Викентьичъ! Гдѣ же это онъ? Неужто же опять въ окно стрекнулъ? (*Смотритъ въ окно.*) А!.. такъ и есть... Ишь, словно заяцъ ченеть... (*Закрываетъ окно*). Ну, добрый путь тебѣ до ясу. (*Садится*). Самое скверное изъ всего, о чемъ тутъ говорилось, это то, что касается Марины. Я долженъ непремѣнно о ней хорошенько позаботиться и не откладывать болѣе этого: ея доли ужасна. Матушка моя ее мнѣ въ дѣтствѣ въ невѣсты прочила, а я изъ нея чортъ знаетъ что сдѣлалъ... То-есть чортъ знаетъ, что мы такое за люди! Чего? зачѣмъ я ее замужъ выдалъ?... Поблагодѣтельствовалъ... Не казалась воть ничѣмъ, пока дѣвчонкой была, а какъ чужою женою стала—женою разбойника—и разсмотрѣлъ ее тогда, и полюбилась; а нынѣ она все мое счастье. (*Задумывается*). Эхъ, помню я, какъ бывало въ Петербургѣ, бѣлыми ночами слоняясь по островамъ, какіе споры въ юные годы вели мы про русскую женщину, (*де-кламируя*) «съ которой никто не придетъ зубоскалить, которая въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ, коня на скаку остановитъ, въ горящую избу взойдетъ», и думалось: о, если бы я эту женщину встрѣтилъ! (*Въ это время тихо сходитъ голова, въ бѣломъ, лѣтнемъ пиджакѣ и съ веселой улыбкой крадется къ Молчанову*). А встрѣтимъ живую такую женщину—не замѣтимъ ее; либо мимо ея—проста она намъ кажется, не философствуетъ, однообразіемъ утомляетъ—и сами съ рукъ ее сбывать хлопочемъ, и послѣ вспомнимъ про нее... смѣшно сказать, когда --- развѣ когда некому тебѣ въ дорогѣ пуговицы къ рубашкѣ пришить, или когда спохватишься, что глазъ теплой рукой завести будетъ некому.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и Колокольцовъ.

Колокольцовъ (*стоя сзади Молчанова, закрываетъ ему своими руками глаза и держитъ.*)

Молчановъ. Иванъ Николаевичъ! полно пожалуйста буфони-чать. (*Отнимаетъ его руки.*)

Колокольцовъ (*весело*). Чего ты:—замечтался? Здравствуй, мой милый! А отчего ты отгадалъ, что это я?

Молчановъ. Очень трудно отгадать! Одинъ у насъ буфонъ—голова городская. Садись-ка, закуривай сигару.

Колокольцовъ (*сдавъ*). А я, братъ, зачѣмъ къ тебѣ пришелъ? Я нынче чортъ знаетъ какъ разстроены.

Молчановъ. Это отчего?

Колокольцовъ. Жена у меня очень скверна.

Молчановъ. Что, хуже ей?

Колокольцовъ. Совсѣмъ скверна. Прескверное лицо — и ослабѣла. Такая злость, ей-Богу! Посмотришь, въ прежнее то время какія были женщины, вотъ матушка моя сестру Наташу на сорокъ восьмомъ году родила. Даже стыдно, говорить, было ходить беременной; медики говорили: невозможно это; а она взяла да и сотворила «возможно» — вотъ ты и толкуй съ ней:—и ничего съ нею не подѣлалось. А нынѣшнія, какъ выйдутъ замужъ, такъ никакого удовольствія отъ нихъ нѣтъ... (*сдѣлавъ гримасу*) какое-то трень-брень съ горошкомъ.

Молчановъ. Какъ фарфоръ бранны.

Колокольцовъ. Ни къ чорту, душка, не годятся! Говорятъ: отчего мужъ дома не сидитъ; да какъ, скажи, пожалуйста, сидѣть, когда все пискотня да стоны! Я, знаешь... я сравниваю нашъ вѣкъ съ римскимъ, когда всѣ римляне сидѣли у гетеръ. Чтò хочешь говори, а это мнѣ понятно. Когда жена все эти мины корчитъ, а тамъ, представь себѣ, роскошная этакая краса, этакая веселость, блескъ, рѣчь понятная, и весь ты нараспашку распахнешься... Ахъ, Питеръ, милый Питеръ! Ахъ ты Мабилъ въ Парижѣ! Какія шиньки... Этотъ компресикъ-то свой съ ленточками на головенку какъ приколетъ... Какое остроуміе-то! Ей-Богу, день бы цѣлый все сидѣлъ да пульсикъ шупаль бы у этакой Аспазіи. (*Грозно шутливо пальцемъ*.) Но ты, я знаю, ты русской почвы держишься—Марины Николаовны.

Молчановъ. Боюсь, что всѣ вы скоро посѣдите: ничто отъ васъ не скрыто.

Колокольцовъ. Да и не скроется! Представь себѣ: зачѣмъ я къ тебѣ зашелъ? Я вѣдь сейчасъ — всего за полчаса — полицеймейстершу голую видѣлъ въ купальнѣ. Я очень давно ее посмотрѣть собирался и двадцать разъ говорилъ купальщику Титу: проверни ты мнѣ, Титъ милосердный,

для меня щелочку въ тотъ номеръ. Онъ, дуракъ, все начальства боялся; но я полицейскому солдату, что у будки на часахъ стоитъ, это поручилъ, онъ и провернулъ, и прекрасно, каналья, провернулъ: сдѣлалъ, знаешь, этакую щелочку и вставной сучокъ... Нѣмецъ бы этого ни за что не сдѣлалъ.

Молчановъ. Гдѣ нѣмцу!

Колокольцовъ. Да ты, я знаю, ты западникъ и этому не сочувствуешь! (*Хватаясь за карманъ.*) Ахъ, Господи ты мой! твержу: западникъ, западникъ, а самъ и позабылъ сказать тебѣ, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ... Какую мнѣ, братъ, Фирсъ Григорычъ новость сообщилъ про нашихъ славянскихъ братьевъ! Я тебѣ скажу, я чувствую, что я съ большимъ бы удовольствіемъ катнулъ посмотрѣть на нашихъ славянскихъ братьевъ.

Молчановъ. Ты, гляди, ты это не на компрески ли съ ленточками посмотрѣть въ Петербургъ хочешь.

Колокольцовъ. Н-нѣтъ! Какъ можно! Нѣтъ, я вѣдь въ прошломъ году не могъ собраться посмотрѣть своихъ заатлантическихъ братьевъ: денегъ не было. Неужто жъ я и этихъ не увижу? Я еще никогда не видалъ славянскихъ братьевъ! Канунниковъ видѣлъ ихъ, да ничего рассказать не умѣетъ: какъ греки—говорить—на грековъ похожи... (*Замъчая у окна оброненную Минуткою перчатку, бросается и поднимаетъ ее.*) А это кто у тебя, милый, рукавички-то терять? Кто это, милый, былъ у тебя?

Молчановъ (*всматриваясь*). Это Минутка у меня былъ: за лѣчебникомъ заходилъ.

Колокольцовъ. Минутка заходилъ на минутку, ха-ха-ха!—я давно сдѣлалъ этотъ каламбуръ. «Минутка, пожалуйста на минутку». Онъ за это не сердится. Онъ преуморительный ляшокъ. Я, впрочемъ, не знаю, какого ты теперь мнѣнія о посякахъ?

Молчановъ. Да никакого больше.

Колокольцовъ. А нѣтъ, ты не шути скажи, чтò они такое по-твоему?

Молчановъ (*шутя*). Чортъ ихъ знаетъ: помѣсь жиды съ французомъ.

Колокольцовъ. О, о, о, о! Нѣтъ, это, милый, не годится. Жидъ, чистый и мѣшанный, все держится одной политики:

Мнѣ въ глаза наплюй,
По лицу отдуи,
По щекамъ трезвопь,
Лишь карманъ не тронь:
Въ немъ чувствительность,
Раздражительность.

А у поляковъ... у нихъ есть что-то такое этакое... рыцарское... это... это, какъ тебѣ сказать, этакое все... у нихъ вмѣстѣ... дерзость и мерзость.

Молчановъ. Похвалилъ!

Колокольцовъ. Да; но я говорю, что они все-таки амюзантная нація. Я не люблю, когда противъ нихъ возбуждается эта ненависть. Это не въ нашемъ характерѣ. Разумѣется, я говорю это не какъ голова; какъ голова, я, конечно, гдѣ слѣдуетъ, иначе скажу,—но я это какъ русскій человѣкъ говорю, какъ я чувствую. Я ничего не имѣю противъ поляковъ. Ты помнишь въ Вѣнѣ, что сдѣлалъ одинъ полякъ съ нашимъ русскимъ?—далъ ему одну брошюрку прочитать противъ австрійскаго правительства, а того бацъ ночью и обыскали. Съ тѣмъ лихорадка сдѣлалась, чуть съ ума не сошелъ отъ страху, что сошлютъ. Но этотъ полякъ пришелъ и говорить: не бойтесь, говорить, это я, говорить, на васъ наслалъ, потому что намъ нужно было отвлечь вниманіе полиціи отъ одного своего дѣла: я, говорить, и написалъ анонимное письмо, что у васъ есть подозрительныя бумаги... Вѣдь этакая верткая каналья!

Молчановъ. Да, ужъ чего еще не каналья!

Колокольцовъ. Но какъ ловко-то и въ то же время вѣдь и совершенно безвредно! Ахъ, другъ мой, я того убѣжденія, что вѣдь они не мы. Ихъ положеніе другое. Мы вѣдь гиганты... наше имя исполнишь, а исполнины всегда снисходительны. Ты вотъ, я знаю, ты не любишь Фирса Григорыча; а я его за что люблю? Я знаю, что онъ—entre nous soit dit — мерзавецъ cum euximia laude, но я его люблю за его прекрасную натуру — за его русскую натуру. Онъ русскій человѣкъ, и зато посмотри, какъ онъ снисходительно относится къ полякамъ. Онъ говорить: что поляки? Это вздоръ, говорить, поляки... Такъ-таки и говорить: «это вздоръ», ихъ нѣтъ,—и я въ этомъ съ нимъ совершенно согласенъ, потому что гдѣ же нынче Польша? Тюти, душка: мышки ее съѣли.

Молчановъ. Да, чортъ бы ихъ побралъ: теперь, какъ клопы ползутъ сюда, чтобъ кровь сосать тихонько изъ Россіи. Здѣсь подлецовъ и дураковъ еще найдется, чтобъ съ ними заодно ялшаться.

Колокольцовъ. Догадываюсь! Богъ знаетъ чѣмъ отвѣчаю, что, сказавши «подлецовъ», ты это на Фирса намекаешь; ты Фирса очень не любишь. И я это понимаю. Я какъ-то очень долго размышлялъ, за что ты его такъ не любишь, и нарочно сегодня зашелъ къ тебѣ сказать, что я открылъ причину вашей ненависти: вы оба очень самолюбивы. Ты самолюбивъ и онъ самолюбивъ. О, онъ чертовски самолюбивъ; онъ въ этомъ случаѣ... онъ даже до поэзіи возвышается... Онъ во многомъ возвышается до поэзіи; но въ самолюбіи онъ даже во вредъ себѣ возвышается до поэзіи. Я этому вчера колоссальный примѣръ видѣлъ; грандіозный примѣръ. Я нарочно пришелъ сегодня рассказать тебѣ объ этомъ. Вчера у меня генераль Ковалевъ сказалъ о Штукаревѣ... Кто-то сказалъ, что Штукаревъ разоренъ; а Канунниковъ, что ли, или не помню кто говорить: Э, говорить, это нутный человѣкъ пропадетъ, а ихъ брата, откупную пѣвку, чортъ не возьметъ. А генераль Ковалевъ говорить: да, говорить, Штукаревъ нашъ настоящій русскій человѣкъ; я, говорить, совершенно въ томъ увѣренъ, что «пока онъ живъ, никто въ его дѣлахъ ничего не разберетъ». Что жъ ты думаешь, Фирсъ вынесъ это? Какъ бы не такъ! «Эхъ, ваше превосходительство, говорить, —да я, говорить, и умру, такъ послѣ меня никто ничего не разберетъ». Можешь ты себѣ это представить—и здѣсь не упустилъ!

Молчановъ *(смѣясь)*. Вотъ! какъ грачъ по пашнѣ прыгалъ съ одного на другое: про все переговорилъ—и опять за Фирса! Когда бъ ты зналъ, какъ мнѣ это надобно два часа къ ряду день-изо-дня все слышать: Фирсъ Григорьичъ да Фирсъ Григорьичъ,—точно онъ здѣсь какой король. Да чортъ его дерн! Онъ мнѣ вовсе не интересенъ.

Колокольцовъ *(тайно)*. А скажи, правда это, что ты на него искъ дѣтскимъ пріютамъ уступилъ?

Молчановъ *(слова разсмѣявшись)*. Опять грачомъ запрыгалъ! *(Серьезно.)* А что такое?

Колокольцовъ *(шутливо и робко)*. Ничего, душа моя, ничего... Но это, я думаю, ему... не по носу табакъ.

Молчановъ. Я и не желаю его носа тѣшить.

Колокольцовъ. Да, да, именно носа не тѣшить. Есть на этотъ счетъ французская поговорка, только не къ носу, а къ другому, къ плѣши: *il ne faut jamais meser de chuzie le pliehe...* А? понять?... По-русски это просто значитъ: не тѣшь чужую плѣшь. (*Наибался къ Молчанову.*) А знаешь ты, я, наблюдая твой характеръ, всегда сравниваю тебя съ Сарданапаломъ? именно съ Сарданапаломъ. Ты очень тихъ, и вдругъ ты этакъ именно являешься Сарданапаломъ, котораго весь вѣкъ считали бабою, а онъ вдругъ взялъ и сжегъ себя.

Молчановъ (*громко расхохотавшись*). Ха-ха-ха! Охъ! ты меня уворишь, Иванъ Николаичъ!... Ха-ха-ха!

Колокольцовъ. Чего ты? чего ты? Ей-Богу, Сарданапалъ!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Мякишевъ.

Мякишевъ (*входитъ*). Здорово зять!

Молчановъ (*встаетъ, кланяется и снова садится*). Здравствуйте, Пармень Семенычъ!

Мякишевъ. Чего же это ты хохочешь? Фирсъ Григорычъ такое подъ тебя подвелъ... статью такую вывелъ, а ты здѣсь шутки шутишь!

Молчановъ (*жестко*). Что такое? Какую онъ статью подвелъ? Какое мнѣ дѣло до его статей?

Мякишевъ. Дѣло!.. Да мнѣ-то дѣло: вѣдь за тобой дочь моя.

Молчановъ. Чортъ знаетъ, что это такое говорится! статью подвелъ, дочь за мной... Въ чемъ дѣло—разскажите?..

Колокольцовъ (*шутя и зашрывая*). Да я и забылъ, мой милый... Я вѣдь за этимъ и пришелъ къ тебѣ. Ты тамъ своимъ рабочимъ долю назначаешь... Конечно, отъ насъ, какъ говорится, хотъ тридцать лѣтъ скачи, ни до какого государства не доѣдешь; но все же вѣдь... Это социализмъ. Конечно, всѣ могутъ съ тобой согласиться, что это полезно; но это...

Молчановъ (*перебивая*). Это если, Иванъ Николаичъ, и шутка, такъ это очень глупая шутка. О какомъ социализмѣ тутъ можетъ быть рѣчь, гдѣ всѣ за каждый грошь брата засудятъ?

Колокольцовъ. Да вѣдь, однакоже, справедливо, что ты фабричнымъ долю общалъ?

Молчановъ. Нѣтъ; это несправедливо. Это было бы слишкомъ справедливо для моей несправедливости. Я хотѣлъ прибавить имъ жалованья, потому что нынче неурожай, хлѣбъ дорогъ. Вы возстали противъ этого, просили меня не дѣлать надбавки, чтобы и ваши того же не потребовали...

Колокольцовъ. Этого, душа моя, нельзя! Какія же наши-то прибыли! Помилуй, я... я правду тебѣ скажу. Я за тѣмъ къ тебѣ сегодня и зашелъ, чтобы у тебя тысяченку наличности перехватить, чтобы съѣздить славянскихъ братьевъ посмотреть. Когда тутъ памъ въ эти годы съ рабочими сентиментальничать! Вѣдь это въ литературѣ очень хорошо сочувствовать стачкѣ рабочихъ... Ты знаешь, что я и самъ этому сочувствую, и самъ въ Лондонѣ на митинги хаживалъ... Тамъ я этому всему сочувствовалъ, хотя, я тебѣ скажу, что жъ такое Англія? Я вовсе не уважаю Англію... Гм! стачки позволены—и о-бокъ съ ними лорды и крупное землевладѣніе... Но когда это на самомъ дѣлѣ, когда... когда я самъ сдѣлался фабрикантомъ—это другое дѣло, душа моя! Это стачки, это... это чортъ знаетъ что такое для нашего брата! Да и наконецъ, какъ голова, я долженъ тебѣ сказать, что это вѣдь и закономъ запрещено.

Молчановъ (*встѣльчисо*). Убирался бы ты отсюда, Иващъ Николаичъ, поскорѣ къ своимъ славянскимъ братьямъ и не мѣшай бы намъ свои русскіе лапти на оборы поднимать. Что это такое? Про что вы встолковались? *Я такъ хочу!* Понимаете, *я такъ хочу!* Я нахожу, что наши рабочіе получаютъ мало. Я хотѣлъ прибавить имъ—вы воспротивились. Изъ этого простого желанія вы сочинили и распустили слухъ, что я у васъ хочу лучшихъ работниковъ хитростью отбить, а потомъ опять сбавлю цѣну ниже пыщней. Мастеровые вамъ повѣрили... Что жъ, на вашей улицѣ праздникъ. Побѣдители не судимы.

Колокольцовъ. То-то, я говорю, другъ мой, надо знать нашего человѣка.

Молчановъ. Чортъ его бери, нашего, не нашего: мнѣ всѣ ровны люди. Я знаю; что они голодны, и ихъ голодъ мнѣ мѣшаетъ обѣдать спокойно. Я имъ сказалъ одно, чтобы они составили артель, чтобы сами поручились мнѣ за цѣдность матеріала, а я отпущу смотрителей и раздамъ смотрительское жалованье рабочимъ. Кажется, я въ правѣ это сдѣлать.

Колокольцовъ. Итътъ, не въ правѣ.

Молчановъ. Отчего?

Колокольцовъ (*не знаетъ, что сказать*). Мм... м...

Мякишевъ. Да ты общественный человѣкъ, или тебя подѣ крапивой индюшка высидѣла?

Колокольцовъ. Да, да! ты вѣдь не Фридрихъ Великій, чтобъ каждому жареную курицу могъ къ обѣду доставить. Да и тотъ не доставилъ.

Молчановъ. Извольте разбирать пожалуйста: то социалистъ, то Фридрихъ Великій.

Мякишевъ. А больше всего скажу я тебѣ, зять: ты шутъ.

Молчановъ. Какъ это шутъ?

Мякишевъ. А такъ шутъ, коли ты на общую долю даешь, что еще самому годящее. Можно пожертвовать, кто говоритъ, мало ли купцы на что жертвуютъ, да только вѣдь жертвуютъ, такъ съ умомъ жертвуютъ, съ выгодой: или для ордена, либо что совсѣмъ нестоющее. А ты, набося, отъ себя рвешь, да на мѣръ запла тышь.

Колокольцовъ. Да; вѣдь именно прежде всего все мы, другъ мой, мы общественные люди... Мы этимъ должны гордиться. Но мы не свободны — это самое первое... мы должны другихъ слушаться... это наше коренное, наше русское... славянское...

Молчановъ. Отстань ты отъ меня, пожалуйста, съ твоимъ и съ русскимъ, и съ славянскимъ! Говори, въ чемъ дѣло?

Мякишевъ. А въ томъ дѣло, что какъ ты по-своему, по-ученому полагаешь: можетъ ли тебѣ общество затрепину дать?

Молчановъ. Какъ это затрепину дать?

Мякишевъ. Такъ, взять да и выпвырнуть. Не надо, молъ, намъ, дуракамъ, такого умника. Не знаешь, какъ изъ общества исключаютъ? Приговоръ напишутъ, да и выключать.

Колокольцовъ. Общественный, душа моя, судъ. Общество въ этомъ неограничено. Я за тѣмъ къ тебѣ и пришелъ сегодня.

Молчановъ. Ты пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать, что полицеймейстеру голую видѣть.

Колокольцовъ (*недозволено*). Совсѣмъ не то! Эго... мм-м... это другое... Я пришелъ потому, что сегодня утромъ все наши первые фабриканты—Иванъ Петровичъ Кануниковъ, Матвей Ивановичъ Варенцовъ и Пляя Сергѣичъ Гвоздевъ—

подали мнѣ бумагу, что ты своими распоряженіями злона-
мѣренно дѣйствуешь въ подрывъ нашей фабричной промышлен-
ности, и просить тебя ограничить. Я вотъ зачѣмъ пришелъ.

Молчановъ. Ты, Иванъ Николаичъ, въ эту минуту мнѣ
напоминаешь того анекдотическаго бурмистра, который на-
чиная свое письмо барину съ извѣщенія, что въ его имѣніи
все, слава Богу, благополучно, а подъ конецъ прибавляя,
что только хлѣбъ градомъ выбило, скотъ подоихъ да деревня
сгорѣла. Что жъ ты мнѣ здѣсь торочишь про полицей-
мейстершу, про атлантическихъ братій, про славянскихъ
братій, а не скажешь, что противъ меня затѣваютъ «мон-
русскіе братія»?

Колокольцовъ. Да вѣдь я къ этому жъ и вель, душа мол,
когда говорилъ съ тобой про Фирса. Я говорилъ, что онъ
удивителенъ... я не могу сказать: оригиналенъ, а именно
удивителенъ. Какъ бы о немъ что ни говорили, но я дол-
женъ отдать ему справедливость, что онъ владѣть удиви-
тельной силой убѣжденія. Какъ онъ ловко основалъ все
это! Вотъ какъ это у него написано (*вынимаетъ бумажку
и читаетъ*). Мм... м... м... да вотъ! «Такія несоразмѣрныя
надбавки задѣльной платы въ подрывъ другимъ фабричан-
тамъ невозможны со стороны человѣка, радѣющаго о своихъ
пользахъ и выгодахъ, а свойственны лишь расточителю,
стремящемуся предать свое наследственное имущество чрезъ
свою расточительность послѣднему разоренію и окончить
банкротствомъ, которую цѣль общество обязано предупре-
дить и отвратить, сколь въ видахъ сохраненія обществен-
наго кредита, столь же и для того, дабы семейство сего
расточителя, доведенное имъ до нищенства, не осталось на
рукахъ и на попеченіи общества. А что Иванъ Молчановъ
есть расточитель, то сему кромѣ сказаннаго доказательства
слѣдующія: онъ окромя прибавки платы рабочимъ, забывъ
родныхъ дѣтей, намѣревался пожертвовать двѣсти тысячъ
въ пользу дѣтскихъ пріютовъ и преподноситъ покупаемый
имъ на свои деньги особый домъ со строеніемъ мѣщанской
женкѣ Маринѣ Гусляровой».

Мякишевъ. Не хорошо зятекъ, не хорошо.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же, Анна Семеновна и Марья Парменовна.

Марья Парменовна (*быстро входит и вводя за руки своихъ*

дѣтей. Къ мужу). Что жъ ты это и послѣ этого еще музить, а не разбойникъ? Есть же еще гдѣ Пилать хуже тебя!

Мякишевъ. Марья! Марья! Марья! не хорошо, не хорошо такъ съ мужемъ.

Марья Парменовна. Что вы, папешка, вмѣниваетеся? Это не ваше дѣло совѣмъ въ это мѣшаться. Между мужемъ и женою никто мѣшаться не долженъ; а я именно, какъ дяденька Фирсъ Григорьевичъ совѣтуетъ, я судъ соберу, и пусть насъ разсудятъ, потому что онъ воръ.

Анна Семеновна. Да и хуже вора гораздо.

Молчановъ. Что это такое? Какъ вы смѣете приходите ко мнѣ и говорить такія вещи?

Анна Семеновна. Да отчего жъ правды не говорить? Мнѣ десятскій на ротъ бандероли не накладываль?

Марья Парменовна. Гдѣ жъ тебѣ съ воромъ равняться? Воръ чтѣ воруетъ, все себѣ тащить; а ты все изъ дому.

Анна Семеновна. Да, разумѣется! что ты съ воромъ-то равняешься? Воръ вонъ намедни у насъ козу украсть, такъ онъ ее не чужимъ же потащилъ, а къ дѣтямъ къ своимъ отвелъ ее, чтобъ пропитаніе имѣли. Это стало отецъ. Онъ и побой за нее принялъ, хоть и не въ дурномъ мѣѣнн и украсть-то ее, а что краденая, говоритъ, молока больше дастъ. Такъ это рачитель. А ты, пако-ся, по дѣсяти тысячъ на незаконныхъ дѣтей жертвуешь! Ты бы хоть своихъ-то дѣтей постыдилъ.

Марья Парменовна. Да ему чтѣ свои дѣти! Онъ имъ хлѣба — и того жалѣеть. На что, говорить, вы ихъ по десяти разъ въ день кормите? — они опухли отъ жратвы. Животы непоходиль у нихъ какіе-то: какъ барабаны, говорить, у барабанищиковъ.

Анна Семеновна. Ахъ ты, безбожникъ ты этакой! Развѣ можно этакъ про херувимовъ говорить: барабанищики? Вѣдь они безплотные или ибтъ: какъ же ты имъ ѣсть-то отказываешь?

Марья Парменовна. Англицкую болѣзнь отыскаль въ нихъ.

Мякишевъ. Это не дѣло ты говоришь. Какая у кунеческихъ дѣтей англицкая болѣзнь можетъ взяться? Такъ съ сытости куницы пухнуть.

Марья Парменовна. Опять же это вы такъ, тятенька, имѣвши разумъ, понимаете; а онъ этого, вѣдь, ничего понимать не можетъ. *(Выставляя блины на столъ и оглаживая*

ихъ.) Опъ даже и того не скрываетъ, что стыдится своихъ дѣтей.

Анна Семеновна. Это законныхъ-то дѣтей стыдится?

Марья Парменовна. Уроды, говорить. Людямъ ему ихъ, видите ли, показать будто стыдно!

Анна Семеновна. Да что ихъ кому показывать-то? Чтoбъ еще сглазили! Тифу! (*Забираетъ къ себѣ дѣтей.*) Они, слава Богу, не дворцскія дѣти, а христіанскія, не на показъ растутъ.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Князевъ.

Князевъ (*входя*). А все же, сватья, дворянскія дѣти нашихъ умѣе. Дворянищъ съ четверть роста всего, а спроси его, что, молъ, такое грамматика? говоритъ: «два солдатака»; а панъ этого объ эту пору не знаетъ.

Молчановъ (*вспыхнувъ*). Фирсь Григорьичъ! Какое право вы имѣете сюда войти? Прошу васъ вонъ! Сію же минуту вонъ выйдите.

Князевъ (*сидясь*). Не слушаю.

Молчановъ (*зоветъ прислугу*). Люди! люди!

Марья Парменовна. Что! ты звать людей? (*Бросается къ двери.*)

Анна Семеновна. Выскочи, выскочи, Маша, на улицу, да заори хорошенько.

Марья Парменовна. Что, хорошо тебѣ будетъ, какъ народъ-то соберется?

Молчановъ. Что ты!.. безумная! (*Схватываетъ ее за руку и возвращаетъ на мѣсто.*)

Анна Семеновна. Что тутъ безумнаго? Да на разбойника мужа только и справы, что на весь народъ крикнуть. (*Молчановъ садится, махнувъ рукой*)

Марья Парменовна. Я вѣдь тебѣ десять разъ говорила, что я скандаловъ не боюсь; а ты, когда боишься ихъ, такъ такъ и веди себя, не затѣвай свары и покоряйся имъ.

Князевъ (*Колокольцову*). Прошу васъ, господинъ голова, его поурезонить.

Колокольцовъ. Постой, Иванъ Максимычъ: мы къ тебѣ собрались по дѣлу.

Молчановъ. Какъ, по дѣлу собираетесь? По какому дѣлу?

Князевъ. Сейчасъ узнаешь.

Молчановъ. Что жъ это... засѣданье, что ли, иль заговоръ?

Князевъ. Да, заговоръ. Не знать только, что заговаривать: не то одни зубы, не то всю гадину. Нѣтъ, братъ, мы не заговорщики, а общественные люди. Заговорщиковъ вѣщаютъ, а намъ и Богъ, и Царь, и совѣсть указали сообщать вести мірской корабль и защищать вдовицъ и сиротъ.

Молчановъ. Но здѣсь нѣтъ ни вдовицъ, ни сиротъ, и некому искать у васъ защиты.

Марья Парменовна. Я, я прошу защиты.

Князевъ. Вотъ, видишь, вразъ вдовица-то и объявилась, а сироты, по маломыслию, молчатъ, такъ міръ за нихъ и самъ заговорить. (*Строго и важно, стучишь въ полъ палкой.*) Ты состояніе родовое сотнями тысячъ транжиришь; работникамъ счеты свои фабричныя открывать собираешься; имѣніе продавать надумалъ; да на всемъ честномъ народѣ отъ живой жены любовницу замужнюю къ себѣ въ загородный домъ взялъ... Нѣтъ, братъ (*ударяя себя въ грудь*), мы не допустимъ этого! Мы, общество, боясь Бога и совѣсть почитая, не допустимъ твоей семьѣ погибнуть. (*Къ присутствующимъ.*) Господа! вы, голова, и ты, Парменъ Семеновичъ, и ты, вдова при мужѣ, и всѣ вы, кто меня слышите! объявляю вамъ, что находившійся въ моей онекѣ купецъ Ивалъ Молчановъ стремится къ расточенію своего имущества. Вотъ вамъ доказательства, что онъ позавчера купилъ для одной безпутной женщины домъ (*вынимаетъ изъ кармана бумагу и передаетъ ее голову*), а вотъ другое, что онъ позавчера же подарилъ двѣсти тысячъ... *двѣсти тысячъ*, господа, подарилъ, и этотъ подарокъ едва могъ быть остановленъ...

Молчановъ (*быстро*). Кто смѣлъ его остановить?

Князевъ (*спокойно*). Я.

Молчановъ. Это ложь! Вы не могли остановить этого.

Князевъ (*еще спокойно*). Отчего бы это не могъ? Мы не въ Сибири живемъ, да и тамъ нынѣ телеграфы есть, а отъ сумасшедшихъ и отъ расточителей нигдѣ подарковъ принимать не позволяется. (*Присутствующимъ.*) Съ своей стороны, я одинъ своими средствами все, что могъ, сдѣлалъ. Теперь ужъ вы за все въ отвѣтъ.

Макишевъ. Что жъ, надо его ограничить.

Князевъ (*подавая бумагу Марьѣ Парменовнѣ*). Жена его проситъ васъ, господинъ голова, не медливши ни часу, пока

постѣдуетъ какой судъ и приговоръ, устранить его отъ распоряженія имѣнiемъ.

(Марья Парменовна подаетъ голову бумагу, которую тотъ сертитъ въ рукахъ, недоумывая, что ему съ нею дѣлать.)

Мѣлчановъ *(вставая)*. Такъ это не во снѣ?

Князевъ *(обтираясь платкомъ)*. Нѣтъ, сударь, вѣдь.

Молчановъ. Такъ это вы вправду собралися... мени связать судомъ, какимъ еще ни одинъ человекъ на Руси не былъ связанъ?

Князевъ. Были, вренъ ты, были.

Молчановъ *(горячо и рѣшительно)*: Ну, были ли, не были ли, мнѣ все равно. Но если вы нашли право такъ поступить со мною, и если точно есть у васъ такое право, такъ... такъ знайте жъ и вы, и дѣти, и жена моя допосичица: — я господинъ своимъ имѣньямъ! Пока вы свой холоній судъ нарядите, я продамъ все... подарю, если кунца не будетъ... подарю, первому ницему отдамъ, но этой гаднѣ холодной беречь меня и передъ людьми меня выдала на поруганье... нѣтъ ничего, ничего! Своихъ враговъ награждать никто человекъ обязать не можетъ.

Князевъ *(подкрадываясь тихо, распахиваетъ двери во внутреннiе покои, въ которыхъ на самомъ порогѣ стоятъ Минутка, Гвоздевъ, Канунниковъ и Варенцовъ)*. Прошу войти васъ, господа! Вы слышали?

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Минутка, Гвоздевъ, Канунниковъ и Варенцовъ.

Всѣ *(входя вмѣстѣ)*. Слышали, Фирсѣ Григорьевичъ, слышали.

Князевъ. Тенерь извольте сами разсуждать по тому, что видите?

Гвоздевъ. Что жъ, нашъ совѣтъ такой, каковъ и твой же, Фирсѣ Григорьевичъ: собрать все общество и ограничить.

Всѣ *(разомъ)*. Ограничить, ограничить.

Молчановъ. Да это что жъ такое? Въ домъ инпiоновъ ставить? Вѣдь не было же еще покудова суда, и я покуда здѣсь хозяинъ.

Князевъ. Вренъ: ты былъ хозяинъ, но съ сей поры... ты расточитель! *(Пауза. Картина.)* А вотъ мы сейчасъ еще лучше увидимъ, кто хозяинъ. Хозяинъ дому не кинетъ,

хоть варомъ вари его, а прусака отъ слова вопль побѣжить, кто на него слово знаетъ. (*Присутствующимъ.*) Я, господа, за разъ, чтобъ положить конецъ всему этому безобразію, покончилъ и съ его помощницей. (*Вынимая изъ кармана небольшую бумагу и раскрывая ее передъ всеми.*) Вотъ вамъ денеша изъ Питера отъ Гуслярова: онъ просьбу илеть, чтобы жена его Маринна Николаевна, которую и теперь скрываетъ у себя на дачѣ Иванъ Молчановъ, была бы немедленно же выслана къ нему къ совмѣстному сожителству; а до поры ее теперь, я думаю, уже арестовали.

Молчановъ (*отлично*). Га!.. (*Опрометью бросается въ двери и убѣгаетъ.*)

Князевъ (*Марья Парменовна*). Смотри, племянница, онъ брильянты схватить!

Анна Семеновна (*бѣжитъ*). Охъ, матушки! ухватить.

Марья Парменовна (*бѣжитъ*). Маменька, маменька, тамъ еще шуба бархатная, что онъ дарилъ. (*Дѣти уходятъ съ резомъ.*)

Князевъ (*присутствующимъ*). Смотрите, онъ ушибеть вѣдь бабъ-то!

(*Всѣ кромѣ Минутки бросаются за женщинами.*)

Князевъ (*посмотрѣвъ пристальнымъ взглядомъ на Минутку*). Что?.. какъ ты думаешь объ этомъ, Вонифатій? (*Сжимая руку Минутки.*) Вотъ то-то... Вы всю жизнь на этомъ ремеслѣ стоите, и крестить васъ въ такой купели въ Польнѣ, чтобъ каверзу строить, а все... безъ заговоровъ ничего не сдѣлаете. У насъ проще эта политика! Видишь, ты одинъ дѣла верти... да такъ, чтобъ хвостъ не зналъ, что затѣваетъ голова. (*Указывая назадъ на дверь, куда вышелъ Колокольцовъ.*) Не эта голова, что вышла, а вотъ эта (*показывая на себя*), что дѣло додѣлывать будетъ. (*Сухо.*) Садись къ столу и актъ паниши о всемъ, что было, и приноси туда для подписи. (*Минутка садится къ письменному столу Молчанова.*)

Князевъ (*выходя на авансцену*). Ну, кашу заварилъ. (*Тихо смѣется.*) Хе-хе-хе-хе... въ колокола про судъ ударили и звонять, и звонять... ха-ха-ха! Да что тутъ хитраго въ колокола звонить! Вотъ вы пожалуйста прислушать, какъ я вамъ въ лапти звякну. (*Уходитъ.*)

Минутка. Да, ты правъ, паниъ Фирсъ, ты правъ. (*Беретъ себя за ухо и подражаетъ Фирсу.*) «Дѣлай такъ, чтобъ

хвостъ не зпалтъ, что затѣваетъ голова. Не эта голова, что вышла, а вотъ эта (показывая на своей лобѣ), что будетъ дѣло додѣлывать».

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая зала въ домѣ куцна Млякишева. Мебель старинная, обитая чернымъ; по обѣимъ сторонамъ два одинаковые дивана; передъ ними столы; бюро; часы съ кукушкой; въ углу колонка краснаго дерева съ букетомъ восковыхъ цвѣтовъ подъ стекляннымъ колпакомъ. При поднятіи занавѣса черезъ открытыя окна комятъ смущенъ со двора шумъ многочисленной толпы народа. Шумъ начинается до поднятія занавѣса.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Млякишевъ (сидитъ за столомъ на диванѣ); Князевъ (помыщается за тѣмъ же столомъ на креслѣ); Минутка (ишетъ).

Князевъ. Эбъ, какъ галдятъ!

Минутка. Съ утра стоять здѣсь на дворѣ; некота, жарко; оголодали, Фирсѣ Григорычъ, а судъ еще, гляди, вѣдь не сейчасъ начнется. *(Оставляя перо.)* Иванъ Макенмовичъ, говорятъ, только-что сейчасъ прѣхалъ съ дачи въ городъ и зашелъ къ головѣ, но голова его не принялъ.

Князевъ. Да; не принялъ. Ну, что намъ до того,—принялъ или не принялъ. *(Смотритъ въ окно.)* Скажи, пожалуйста, чего это они всѣ въ одно мѣсто вверхъ смотрятъ?

Минутка *(тоже выглядывая въ окно)*. Галка вопъ на карнизѣ сидитъ. Галку смотреть.

Князевъ. Что-жъ она чудного дѣлаетъ, что они въ нее воззрились?

Минутка. Пичего—хвостомъ трясетъ, а они смотрять.

Князевъ *(смѣясь)*. Эко дурачищи!

(Народъ подъ окномъ за сценою: Ха-ха-ха! У-у! у! у! уре! Полетѣла! полетѣла!)

Князевъ. Ха-ха! Чтѣ за скоты такіе. *(Минуткѣ.)* Подика ты сюда. *(Отводитъ его въ сторону.)* Тамъ спосылай кого-нибудь скорѣе въ мой шинокъ, что на углѣ здѣсь ближе, и прикажи сидѣльцу, чтобъ всѣмъ имъ въ долгъ дажь,

кто сколько вылонасть. Понимаешь ли: не давать даромъ, чтобъ не сказали, что я поднаивать хотѣлъ всю эту сволочь. Въ долгъ пусть лопаютъ. Отдасть ли, не отдасть ли который, но только въ долгъ давать... Бѣги.

Минутка. Въ минуту, Фирсѣ Григорычъ.

Князевъ (*Мякишеву*). А ты, отецъ, чего-то шони распустить?

Мякишевъ (*покачалъ головой, тихо*). Жалко мнѣ его. Я его люблю.

Князевъ. Чурилка ты, какъ посмотрю я на тебя, а не кунаецъ! Что, будемъ такъ къ примѣру разсуждать, — что если я напыюся до-пьяна, да въ твоихъ глазахъ полѣзу въ рѣчку—пустишь ты меня? Топнись молъ, Фирсѣ Григорычъ, я съ тебя твоей воли не снимаю? или попридержать бездѣлицу? Что тебѣ долгъ-то твой христіанской повелѣваетъ?

Мякишевъ. Да христіанскій долгъ, конечно...

Князевъ. Ну, то-то и оно «конечно». Не то, что просто приудержишь, а если булнить стану, такъ и свяжешь да положишь, пока умирать охота пройдетъ. Не что иное и съ нимъ дѣлаютъ: онъ топнётся хочеть, а мы его удерживаемъ; онъ булнить—что дѣлать—мы его свяжемъ.

Мякишевъ (*тыкалъ въ столъ пальцемъ*). Вотъ это-то вотъ, *сележемъ-то...* слово сіе жестоко есть.

Князевъ. А если Марьюшка къ тебѣ назадъ придетъ на хлѣбъ, да не одна еще теперь, а съ внучками, которые все бѣсть-то просятъ, сіе не жестоко будетъ?

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна (*сходя съ сердитой миной. Къ мужу*). Да ты чего съ нимъ, Фирсѣ Григорычъ, говоришь-то? О чемъ? Онъ вѣдь, небось, не понимаетъ.

Мякишевъ. Небось, понимаю.

Анна Семеновна (*мужу*). Ну, какъ же! Не мало ты когда что-нибудь понималъ. Видишь, осовѣлъ совѣмъ; все синтъ. Теперь вопъ май мѣсяцъ—народъ въ рѣкѣ кунается, а онъ, точно котъ, все на лежанкѣ третси. (*Князеву*) Не слушай ты его, свать, ни въ чемъ. Нечего его слушать. Дѣлай, какъ ты самъ знаешь. Вѣдь ты у насъ, все знаютъ, какой ты умный; тебя умнѣй никого въ городѣ нѣтъ.

Князевъ. Да, дуракомъ не ставили.

Анна Семеновна. Да и Марьюшка вчера у меня вечеромъ также была, такъ то-жъ говорить: какъ, говорить, дяденькѣ Фирсу Григорьичу, говорить, угодно, а падо, говорить, его ограничить. Не такъ, чтобы вполне, говорить, ограничить, а чтобы онъ только, говорить, ни до чего бы не доходилъ; а я бы, говорить, всёмъ распорядилася.

Князевъ. Ну, разумѣется, она.

Анна Семеновна. Потому что иначе она его никакъ съ собой къ любви не приведетъ. Видишь, вонъ онъ какъ позавчера безъ всякаго стыда махнулъ къ Марникѣ, такъ и теперь до сихъ поръ тамъ... и не бывалъ къ женѣ. Легко это ей, Мангъ-то? Да и скажи-жъ, свать, сдѣлай милость,— скоро ее, Марину-то, выплюють? Вѣдь неприятно это намъ, что она тутъ живетъ.

Князевъ. Ну, погоди, выплюють. Падо, чтобы добро-то прежде было въ вашихъ рукахъ, а тогда въ вашихъ рукахъ и правда будетъ.

Анна Семеновна. Разумѣется такъ! *(Мужу.)* А этотъ еще ушрается.

Мякишевъ. Миѣ суда странно.

Анна Семеновна. Какого это суда?

Мякишевъ. Страннаго суда Господня.

Анна Семеновна. Такъ, стало-быть, судъ-то этотъ надъ тобою надъ однимъ, что ли, будетъ? Надъ всеми вѣдь этотъ судъ будетъ. Такъ вѣдь на то же человѣку положена молитва — отмолить можно. Да тебѣ и отмаливать-то нечего: ты молчи, да и только. Я, молъ, что всё, то и я; я ничего не знаю. Такъ тутъ и грѣха нѣтъ.

Князевъ. Вотъ, видишь, жена-то у тебя какая мозговытая.

(Мякишевъ машетъ рукою и уходитъ.)

Князевъ *(по уходѣ Мякишева, фамильярно и съ своеобычнымъ куртизанствомъ, къ Аннѣ Семеновнѣ)*. Ахъ ты, коньсе мурзомецкое! Гляди, какъ она командуетъ.

Анна Семеновна *(улыбаясь изъ-подъ брови)*. У тебя научилась.

Князевъ *(оставая и потирая поясницу)*. Э, дѣвка, ужъ я и самъ-то все позабылъ: старо становится и ветхо.

Анна Семеновна. Итъ, видно, ты старъ-то никогда не будешь. У тебя, у стараго-то, все слышно идетъ не по-старому, а по-молодому.

Князевъ. Толкуй. Нѣтъ, дѣвушка, того ужъ нѣтъ, что тебѣ, можетъ, поминется. Третьяго дня, вечеромъ, вздумалъ-было на кладбище прогуляться. Приѣхалъ, анъ ужъ ворота заперты и сторожей нѣтъ. Ахъ вы, волкъ васъ съѣшь со-всѣмъ! Черезъ ограду вздумалъ перескочить... Что-жъ ты думаешь, вѣдь пасилу перелѣзъ. *(Бьетъ себя по колынямъ.)* Тутъ-то вотъ... въ хрящахъ-то жестоко стало... не то, что бывало... Помнишь, Юра! гдѣ намъ съ тобой большой до-роги не было? А-а! Помнишь, что ль?

Анна Семеновна *(потупляя глаза и разбирая бахрому у платка)*. Чай вѣдь не вовсе безпамятная.

Князевъ. Ахъ, ты, безпардонная! Ужъ я тамъ по кладбищу-то ходючи тебя вспоминалъ, вспоминалъ, да и счетъ съ памятью забылъ. И тутъ-то Юша; и вотъ здѣсь-то она; и вотъ тутъ не безъ нея... Тифу ты, грѣхи наши тяжкіе!

Анна Семеновна. Не со мной ты съ одной тамъ прогуливался: у тебя стать вѣшать до Москвы на столбахъ по одной—не перевѣшашь.

Князевъ *(перебивая)*. Да не про то, глупая! Я говорю, что, тебя вспоминаячи, вспомнишь, какой народъ-то былъ. И промежъ вашей сестрой, промежъ бабами тогдашними, и то люди были. И строгость была, и мужья, и свекровьи, а у насъ все, бывало, свое идетъ: о полвечерни рѣжень себя прямо на могилки; а Юша ужъ тамъ... *(Заирываетъ съ ней.)* Сидитъ, разбойница, на камушкѣ въ кленочкахъ... дожидается... А-а? Ни за что не обманетъ... А? Помнишь что ль? *(Ласкаетъ ее и смѣется.)* Хе-хе-хе-хе! Эхъ ты, звѣзда восточная!

Анна Семеновна *(съ притворнымъ неудовольствіемъ)*. Да ну тебя совсѣмъ! Нашелъ про что и вспоминать? Знать видно молодья-то ужъ ночью прочь гонять, такъ хоть про старое поговорить.

Князевъ. Опять же не про то! Что молодья! Тифу!.. Козлихи опѣ все ночью, и совки, да целовки. Ихъ самихъ-то падо еще по всякій часъ учить... *(Поглаживая ее по плечамъ)* Не то, что вотъ эта мать-лебедушка: босой ножкой, бывало, выйдетъ, встрѣтитъ и проведетъ и выведетъ... *(Беретъ ее за руку.)* Ишь, окаянная, и теперь еще пульсомъ бьются!

Анна Семеновна *(не совладавшая съ довольной улыбкой, оттаптываетъ Князева)*. По-оди про-очь!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и возвратившіеся Мякишевъ (входитъ и заводитъ у двери часы).

Князевъ (отходя на авансцену). Глупа какъ ступа копопящая эта женщина, а съ большимъ огнемъ была. Чуть-чуть, бывало, ей кивни, она ужъ тутъ — и время выищеть и случай и, какъ звѣзда, куда положено и казнить. Смерть люблю такихъ женщинъ за обычай! (Секундная пауза.) Вотъ у Марины обычай совсѣмъ другой: это речеекъ колочіи!.. (Опять короткая пауза.) Ну, да я и этакихъ тоже люблю. (Смѣясь.) Хуже себѣ ничего не могу представить, какъ то, что послѣ моей смерти на землѣ вино, деньги и красивыя бабы останутся!.. (Къ публикѣ.) Вотъ такъ-то разсуждайте, кто какъ любить! Говорять: «я тебя всѣмъ сердцемъ люблю». По-моему, это ничего не значить. А я вотъ (потирая большими пальцами концы друикихъ пальцевъ)... я все чувствую... какъ только вспомню про Марину... такъ физическіе нервы мои болятъ. Особенно вотъ тутъ, вотъ въ самыхъ въ пальчикахъ постъ... Весь боленъ даже стану; а мнѣ свое здоровье мило... Да, ужъ по этому по одному мнѣ нельзя пожалѣть Молчанова... нельзя, никакъ нельзя... я боленъ!.. Я не виноватъ, что это у меня такъ не проходитъ!

Мякишевъ (подходя). Знаете, я что? (Махнувъ рукой.) Я молчать буду.

Анна Семеновна. Давно бѣ вотъ такъ-то лучше.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ (сходя, про себя). Съ лучкомъ.

Мякишевъ. А, братъ, Калнина Дмитричъ, здравствуй! Какъ? Все ли въ своемъ?

Дробадоновъ. Живу. Благодарю покорно. (Сидится.)

Князевъ (про себя). Глядите, пожалуйста, этого только и боялся: и этотъ жукъ-отшельникъ выползъ. Въ два года разъ на сходку ходитъ, а нынче явился... Противный человекъ. Всѣ его любятъ, а я вѣкъ цѣлый его терять не могу. По нынче ему подстроено,—спотыкнется.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же, Гвоздевъ и Минутка.

Гвоздевъ. Хозяевамъ и Фирсъ Григорьичу.

Князевъ. Здравствуй и ты, Илья Сергѣичъ! А что, какъ твои супружница?

Гвоздевъ. Благодарю покорно — опасности нѣтъ — свинка у нея сдѣлалась.

Минутка. Въ самой вещи свинка?

Князевъ. Ну... ты опять съ своей самой венцью! У русскихъ свинки въ горлѣ бывають. (Гвоздеву.) Фіалковаго меду надо давать.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Варенцовъ.

Варенцовъ (Князеву). Здравья всякаго.

Князевъ. Спасибо, братъ, спасибо. Чтѣ это у тебя заборъ, что ль, новый нынче будутъ ставить?

Варенцовъ. Нѣтъ, старенькій пересынаю, Фирсъ Григорьичъ. Что! ужъ съ этими заборами у насъ одна бѣда: безъ забора скотина все повытравить, а поставъ заборъ — сейчасъ его народъ на тонку растащить.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же и Канунниковъ (которому Князевъ подаетъ руку и удерживаетъ ее въ своей рукѣ).

Князевъ (Гвоздеву). А ты взакрой вели заборъ-то забирать, не на шипы чтѣбы сажали доску, а взакрой: доска взакрой сидитъ плотно; а сверху скобочку пускай прибьютъ: такъ вотъ оно живетъ и плотно. А что воринки, такъ мы съ головою на воринекъ открыли средство: на той педлѣ голова предложить приговоръ, чтобъ ихъ при первомъ же наборѣ всѣхъ безъ очереди сдать. Въ газетахъ помѣстимъ, чтобъ всякій зналъ и, ужъ понавнись бы, на общество не плакался. (Канунникову.) А ты, нашъ Баянъ Петровичъ, будто нездоровъ?

Канунниковъ (весело). Какъ быть здоровымъ, Фирсъ Григорьичъ, когда всю ночь не спалъ.

Князевъ. Банчинку что ли съ головой метали?

Канунниковъ (также весело). Да нѣтъ! Какое тамъ банчинка! Собаки все проклятыя. Вотъ надоѣли! То мечутся, то рвутъ, то воютъ... тифу ты совсѣмъ, ровно въ самомъ

дѣлѣ передь пронастью какою. Заснулъ-было — падавило. Дай, думаю себѣ, сирону, какъ старые люди учать: къ добру или къ худу? Спросилъ — говорить: «къ худу». Ну гдѣ-жъ тутъ спать? А проснулся—опять псы воють.

Князевъ. А ты бѣ подь собой подушку перевернулъ: они бы и выть перестали. Это у тебя жаръ въ головѣ, съ жару не спится.

Дробадоновъ (*про себя*). И тутъ знаетъ, что посоветовать.

Канунниковъ (*смѣясь*). Какое съ жару: со страху. На дачѣ былъ вчера да замоздалъ: жутко одному; ночь темная, лошадь черная: не знай, на чемъ и ѣдешь.

Князевъ. А ты бѣ понукивать.

Канунниковъ. Да еще лошадь-то изъ рабочихъ лѣнивая, ободрать ее, поналась, что не дошелешься ся.

Князевъ. Дратся надо было съ ней хорошенько, когда лѣшивая.

Дробадоновъ (*очень громко*). Ха-ха-ха-ха!

Князевъ. Чего такъ расхватило?

Дробадоновъ. Съ радости, что и съ лошадьми ужъ учинишь дратся.

(*Входятъ еще нѣсколько купцовъ разомъ и раскланиваются.*)

Князевъ. А вотъ и миръ весь въ сборѣ.

Дробадоновъ. Теперь можно и батьку убить.

Минутка (*взглянувъ въ окно*). Иванъ Максимычъ идетъ.

Всѣ. Тесе! (*Кромѣ Дробадонова всѣ сторожатся, очищая дорогу отъ двери.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Молчановъ (*грустный, но спокойный, подходитъ къ столу, за которымъ сидитъ Дробадоновъ. Молча жметъ ему руку и отходитъ къ окну и становится спиною къ тестю и ко всемъ фабрикантамъ. Пауза.*)

Канунниковъ (*шопотомъ*). Тихій ангелъ летаетъ.

Князевъ (*громко*). Нѣтъ, не узналъ. Поиѣ говорятъ: это мировой судья родится.

Канунниковъ (*смѣясь*). А воровъ страхъ беретъ. (*Дробадоновъ неожиданно читаетъ такъ громко, что всѣ вздрагиваютъ и раздаются восклицанія.*)

Князевъ (*тихо*). Тифу! слонъ египетскій, какъ пену-галъ. (*Минутка.*) Ступай, проси сюда скорѣй голову!

Минутка (*взглянувъ въ окно*). Они идутъ-сь.

ДВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Колокольцовъ съ портфелемъ. Съ нимъ подѣ руку Марья Парменовна. Вѣсь поднимаются.

Колокольцовъ. Мое почтеніе, господа! Марья Парменовна, прошу васъ. *(Указываетъ ей на мѣсто за столомъ. Садится рядомъ съ нею и вынимаетъ изъ портфеля бумаги.)* Вѣсь здѣсь?

Дробадоновъ *(вздыхнувъ)*. Которыхъ надо—вѣсь.

Колокольцовъ. А, и вы, Калина Дмитричъ, нынче съ нами. Простите, не замѣтилъ.

Князевъ. Махонькій — не вотъ-те-на его разсмотришь. *(Общій смѣхъ.)* Чихнулъ, такъ дома чуть-чуть не опрокинулъ. Вотъ то-то значить, что безгрѣшный человѣкъ: надъ нимъ хоть крыша упади, такъ онъ не побойтся смерти.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ!

Молчановъ *(молча отходитъ отъ окна и становится къ столу, за которымъ сидитъ Дробадоновъ, спиною къ нему, лицомъ къ голося и къ усѣвшимися фабрикантамъ)*.

Колокольцовъ *(Молчанову)*. Прежде чѣмъ я черезъ мнунуту, какъ должностное лицо, открою собраніе по вашему дѣлу, я, какъ частный человѣкъ, прошу у васъ извиненія, что полчаса тому назадъ не могъ принять васъ. *(Молчановъ кланяется.)* Я васъ не могъ принять какъ потому, что я вчера уже разсматривалъ съ бывшими вашими опекунами ваши бумаги и составилъ себѣ о вашемъ дѣлѣ опредѣленное мнѣніе, такъ потому, что въ то время, когда вы ко мнѣ заѣхали, у меня была ваша сунуруга, и мы съ нею разсуждали о васъ. Я парочно за тѣмъ пришелъ... Тифу!.. Простите: я за тѣмъ къ вамъ обращаюсь, чтобы оправдаться передъ вами.

Молчановъ. Я не знаю, въ чемъ вы такъ много извиняетесь: и оскорбленіе не велико, и всякій волець кого хочеть принять или не принять въ своемъ домѣ.

Дробадоновъ. На то ворота вѣшаютъ.

Анна Семеновна. Пѣтъ, квартальнаго, хоть и вороты есть, а не смѣбель не пустить: въ Москвѣ купчиху за это новымъ судомъ судили.

Князевъ *(про себя)*. Дробадоновъ что-то дробадоновить... Надо бы ему больничку въ губу вдернуть.

Колокольцовъ *(ко всѣмъ)*. Прошу занять мѣсто и объявляю

вамъ, что засѣданіе открыто. (*Усаживаются въ полукругъ. Дробадоновъ и Молчановъ остаются на прежнемъ мѣстѣ.*) Мы взяли эту комнату для засѣданія потому, что присутственная камера думы тѣсна для такого большого собранія, въ какомъ, по справедливости, слѣдуетъ судить дѣло Ивана Максимовича. Впрочемъ, дума здѣсь же, за этою стѣною, въ домѣ Пармена Семеновича, и, я надѣюсь, никто ничего не будетъ имѣть противъ того, что мы собрались по сю сторону стѣны, а не по ту сторону?

Молчановъ. Не въ этомъ дѣло.

Князевъ. Да, онъ умнѣе всѣхъ сказалъ: не въ этомъ дѣло. Пускай дѣло начинается.

Колокольцовъ. Господи! вниманіе. (*Минутка.*) Читайте.

Минутка (*беретъ бумагу и читаетъ*). «Душеприказчики покойнаго коммерціи совѣтника, потомственного почетнаго гражданина и первой гильдіи купца, Максима Петровича Молчанова, а впоследствии опекуны и попечители единственнаго его сына и наследника, Ивана Максимова Молчанова, купцы Фирсъ Григорьевъ Князевъ и Пармень Семеновъ Мякишевъ, довели до свѣдѣнія общества и городского головы, что сказанный кунецъ Иванъ Максимовъ Молчановъ, съ дѣтства своего постоянно отличаясь страстію къ расточительству, во время бытности своей въ опекѣ, а потомъ до двадцати одного года, согласно желанію покойнаго отца его, подъ попечительствомъ, былъ отъ сей вредной склонности постоянно воздерживаемъ».

Молчановъ (*перевивая*). Позвольте:

Колокольцовъ. Иванъ Максимовичъ, вы будете имѣть слово.

Минутка (*продолжаетъ*). «По достиженіи же законнаго совершеннолѣтія, онъ, Молчановъ, чувствуя самъ сію слабость и влеченіе къ разсыянной и безпутной жизни, самъ уполномочилъ бывшихъ опекуновъ своихъ Князева и Мякишева довѣренностію на управленіе своимъ имѣніемъ, а самъ провелъ три года за границею, для изученія будто бы торговаго дѣла, но сего не исполнилъ».

Молчановъ (*перевивая*). Чего не исполнилъ? чего я не исполнилъ?

Колокольцовъ. Иванъ Максимовичъ, вы будете имѣть въ свое время слово.

Молчановъ. Да это и есть мое время говорить, когда на меня клеветаютъ. Я изучалъ фабричное дѣло и его знаю.

Князевъ. Читай, Минутка.

Минутка (*продолжаетъ*). «Прибывъ же два года тому назадъ на родину и вступивъ въ управленіе своимъ имѣніемъ, въ самое кратчайшее время привелъ всѣ свои дѣла и счета въ беспорядокъ; расходы по фабрикаціи непомерно увеличились; доходы же привелъ къ существующему ничтожеству и кромѣ того обнаружилъ во всей своей силѣ свои прежнія склонности къ мотовству и расточительству, какъ-то: занималъ у разныхъ лицъ деньги и выдавалъ на себя векселя; векселей этихъ своевременно не оплачивалъ, а переписывалъ, увеличивая сумму; затѣмъ имѣющіеся полученія расходовалъ заранѣе самымъ безразсуднымъ образомъ и претензію въ двѣсти тысячъ рублей уступилъ въ пользу пріютовъ, вмѣсто того чтобы сею суммою расплатиться съ долгами. И наконецъ, онъ сдѣлалъ безвкладными пайщиками въ операціяхъ фабричныхъ ремесленниковъ, дабы вредить прочимъ фабрикантамъ; купилъ домъ для посторонней женщины въ ущербъ благосостоянію своей семьи и, наконецъ, при многіхъ свидѣтеляхъ, подписавшихъ актъ, выразилъ непремѣнное свое желаніе расточить все свое имѣніе, лишь бы ничего не досталось его женѣ и дѣтямъ. Такой образъ дѣйствія Ивана Молчанова, несомнѣнно клонящійся къ прямому его разоренію, вынудилъ душеприказчиковъ отца его обратиться на сіе вниманіе общества и просить объ огражденіи его наследственнаго имущества, составляющаго обезпеченіе семейства, отъ разоренія. Одновременно съ симъ подано прошеніе и женою Молчанова, Марьею Парменовою Молчановою, которая, подтверждая общее мнѣніе, что мужъ ея есть расточитель, просить, въ огражденіе ея семейства отъ неминуемо-угрожающей нищеты, взять мужа ея за расточительство въ опеку».

Молчановъ (*глядя на жену*). Въ опеку! (*Качая голову.*) Такъ вотъ кто первый выговорилъ это слово!

Князевъ. Кого это ближе всѣхъ касается, тотъ и выговорилъ это слово!

Варенцовъ (*вздыхая*). Намъ изъ-чужки жаль; а она мать.

Марья Парменовна (*плача*). Я мать; я должна дѣтей обезпечивать.

Князевъ (*Минуткѣ*). Дочитайвай.

Минутка. «Городской голова, члены сиротскаго суда и думы, разсмотрѣвъ все это дѣло, нашли представленію купцовъ

Князева и Мякишева, а равно и прошеніе жены Молчанова заслуживающими вниманія и постановили передать это дѣло на общее обсужденіе всего общества и о томъ, что оно постановитъ, написать приговоръ». (*Кладетъ бумагу на столъ.*)

Колокольцовъ. Вотъ, милостивые государи, предметъ нашего сегодняшняго собранія. Иванъ Максимовичъ и его супруга, голосъ которой имѣеть первое мѣсто, оба здѣсь. (*Со двора слышатся нетерпѣливые гулы толпы.*) Купечество въ полномъ сборѣ, мѣщане на дворѣ во всемъ своемъ составѣ (*шутливо*) и, какъ слышите, напоминаютъ намъ о себѣ этими воплями.

Дробадоновъ. Какъ вороны крови ждуть. (*Молчановъ вздрагиваетъ.*)

Князевъ (*тихо*). Сейчасъ имъ стерву выкинуть.

Колокольцовъ. Иванъ Максимыч! вамъ что-то угодн было сказать? Можетъ-быть, вы противъ кого-нибудь что-нибудь имѣете?

Молчановъ. Я противъ всѣхъ имѣю.

Князевъ. Никого, спасибо, не обидѣть.

Молчановъ. Здѣсь всею выгодно, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь гадость; но я васъ спрошу: по какому праву вы вздумали устроить этотъ судъ? Пять дней тому назадъ меня никто не признавалъ ни расточителемъ, ни мотомъ, вы сами, господинъ голова, искали у меня перехватить тысячу рублей, для того чтобы истратить эти деньги на какую-то поѣздку. Я всею челоуѣкъ былъ еще, такой же гражданинъ, какъ все здѣсь присутствующіе, какъ Петръ, Иванъ, Сергій: у меня можно было денегъ просить, и я могъ дать ихъ или не дать, считая вашу нужду по нуждѣ, а прихотью. И вы и каждый признавали меня въ такомъ правѣ—и вдругъ вы, тѣ же самые, говорите, что я расточитель, и собираетесь отнять у меня ваши мѣщанскимъ судомъ челоуѣческія права, права, которыя дали мнѣ Богъ, природа. Гдѣ взяли вы такое право?

Князевъ. Минутка, прочитай ему законъ.

Молчановъ. Законъ! Не нужно мнѣ читать закона. Здѣсь дѣло не въ законѣ. Ваши заботы не о томъ, чтобы обстоить законъ, чтобы его исполнить, а о томъ, чтобы беззаконье сдѣлать на законномъ основаніи. Такихъ расточителей, какъ я, полна Россія. Все люди расточители и все... быть-

можетъ болѣе, чѣмъ я. Гусарь, который безъ гроша вѣрнаго дохода землянику ѣсть зимой, по полтиннику за ягодку, — его въ опеку; ремесленникъ, который въ одинъ часъ пропиваетъ недѣльный заработокъ, — его въ опеку; чиновникъ, который сто рублей въ годъ жалованья получаетъ, а въ сто рублей жепѣ одно платье шьетъ, — тоже въ опеку его...

Дробадоновъ. Этого хоть и въ острогъ, такъ у мѣста былъ бы.

Молчановъ. Берите всѣхъ, всѣхъ въ опеку... да и себя ужъ заравно въ опеку сдайте. Такъ пусть и будетъ въ круговую... даже въ ландкартахъ географическихъ, вмѣсто *Россія*, пусть пишутъ *Опека*. Подводи меня подъ это, вы всѣхъ подъ то ведете и сами подъ то же лѣзете.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ, это все умно сказано и прекрасно, да къ дѣлу не идетъ.

Гвоздевъ. Ты дѣло говори.

Мякишевъ (*подходя, тихо*). А ты оправдывайся, Валя.

Молчановъ. Да не знаю я, въ чемъ мнѣ оправдываться! Во всемъ этомъ дѣлѣ я дѣла никакого не вижу. Я вижу только одно беззаконіе, взмачивающееся на законъ; одну придирку и ничего болѣе. Я не хвалю себя! я молодъ былъ, кутилъ, любилъ веселую компанію. Что жъ дѣлать! знаю самъ, что, можетъ-быть, полсотни тысячъ промоталъ...

Князевъ (*Минутка*). Запиши.

Молчановъ. Но это было, да прошло.

Князевъ (*сладостно*). А на полсотни тысячъ чтò вѣдь могло быть сдѣлано-то? Вѣдь это пяти... да что я говорю: пяти! — десяти, пятнадцати семействамъ до вѣку кусокъ хлѣба дать бы можно.

Гвоздевъ. По три тысячи... Это бѣдной семьѣ довѣчный капиталъ.

Молчановъ. Правда, правда. Прокутить полсотни тысячъ — это большая пизозъ; но удивляюсь сердоболью вашему о бѣдныхъ. Всѣ вы такіе, какъ и я. Вотъ здѣсь недалеко ходя сидятъ... ну три, четыре человѣка, которымъ случай кинулъ по милліону: кто же изъ васъ рвался, чтобы свою гортань иль чрево жадное унять и вспомнить неимущихъ?

Колокольцовъ. Тутъ дѣло не о ближнихъ, а о семьѣ, Иванъ Максимычъ.

Князевъ. Да, о семьѣ.

Гвоздевъ. За семью твою боются: вѣдь вонъ жена что пишетъ: *расточитель*.

Молчановъ. Да позвольте мнѣ спросить васъ: вы отдаете отчетъ своимъ женамъ?

Нѣсколько голосовъ. Да наши жены что жъ понимаютъ?

Канунниковъ. Нашихъ бабъ съ последней вставать, и то пѣтухи учать.

Гвоздевъ. Ребятъ рожать имъ да рядиться — вотъ ихъ ремесло.

Молчановъ. Такъ что жъ моя-то жена? Особенное она что-нибудь, что ли? Воспитали ее, что ли, какъ-нибудь особенно, что при ней мужъ ничего не долженъ значить? Учили ее, что ли, чему-нибудь полезному?

Анна Семеновна. Да чему полезному учить-то? Нѣшто въ ученыхъ польза-то бываетъ? У ученыхъ денегъ-то меньше нашего.

Дробадоновъ. У насъ то полезно, что въ ротъ полѣзло.

Канунниковъ (*смѣясь*). Чего ихъ учить-то, когда съ ними и съ неучеными не справишься! Хвосты въ семь аршинъ пораспускаютъ и ходятъ какъ снофиды.

Колокольцовъ. Что жъ, это только значить, что наша женщина въ постоянномъ угнетеніи.

Молчановъ. Въ угнетеніи! Гм! и вотъ она, угнетенная, пришла сюда судить предъ всѣми мужа! Она сидитъ здѣсь, съ судьями моими, а я, которому она у алтаря Господняго клялась быть мнѣ подругою... нѣтъ... болѣе того: господиномъ, строителемъ семьи признавать меня... она мой обвинитель здѣсь; она сидитъ въ почетномъ мѣстѣ за то, что поемѣлась надъ клятвой... Она, которой я перстомъ не тронулъ, которой сроду словомъ не обидѣлъ, сидитъ здѣсь съ вами и судитъ мужа такимъ судомъ, какимъ еще Шемяка не судилъ, какимъ не дай Богъ Каину судиться; а я одинъ стою, мнѣ даже мѣста нѣтъ; скамейки у коровницы не заняли, чтобъ посадить меня по крайней мѣрѣ!

Мякишевъ (*встаетъ и торопливо приноситъ Молчанову стулъ*). Сядь, Ваня, сядь, безчастный!

Марья Парменовна. Ну, вотъ тебѣ и стулъ—садись.

Молчановъ (*цѣлуя тестя*). Благодарю. Не падо.

Марья Парменовна. Вотъ ты вѣдь и всегда такой. Вѣдь вотъ при всѣхъ теперь оно и видно: какой ты? То жаловался, мѣста ему нѣтъ, а подали стулъ — и не падо. (*Какъ*

бы тронутая.) Ну, вот сюда иди, когда не хочешь там садиться. *(Подвигаясь и осеобождая мѣсто).* Иди же что ль? *(Черемшьяя тонь.)* Вѣдь кланяться не буду.

Молчановъ *(горько).* Намъ съ вами вмѣстѣ больше не жить и не сидѣть.

Князевъ. Кто нынче съ женами изъ образованныхъ людей живетъ!

Марья Парменовна. Такъ что жъ тебѣ съ чужою, стало-быть, показано теперь уль жить? Стало чужая лучше?

Князевъ. А какъ же не лучше? въ чужую жену чортъ меду ложку кладетъ.

Марья Парменовна. Нѣтъ, ты когда женился, такъ живи. А не хочешь, такъ заставитъ.

Анна Семеновна. Есть же правило, чтобъ женъ къ мужьямъ отправлять, если требуютъ, — такъ теперь новый судъ, не безнокойся, и на мужей законъ выдастъ. И васъ приводить будутъ.

Князевъ *(съ сдержанной улыбкой).* Будутъ, сватья, будутъ. *(Молчанову.)* А ты, не такъ ты на это дѣло, другъ Иванъ Максимычъ, смотришь. Я, долго твои умныя рѣчи слушавши, вотъ что тебѣ скажу: стронтель-то семьи ты стронтель, а тебѣ жены чуждаться нечего, да и по нашему, по русскому закону невозможно. Ты самъ вѣдь вѣномянулъ сегодня, что вы съ нею въ церкви вѣнчаны; а мы не нѣмцы: у насъ разводовъ нѣтъ. Она здѣсь проситъ на тебя! Да что жъ такое? Мало ль женъ, которыя просили на мужей, не только что въ обществѣ, а и у квартальныхъ на мужей жаловались, да вѣдь не расстаются же съ ними со всѣми мужья—жить.

Канунниковъ *(смѣясь).* А у мѣщанъ и у мужиковъ такъ еще и розгами мужа на сходкѣ по женщиной жалобѣ отжарятъ, а все оиать живутъ. Домой придутъ, онъ ее пощелкаетъ... *(Махнувъ рукою.)* У насъ на этотъ счетъ просто.

Гвоздевъ. Куда подѣнешься! законъ свой надо соблюдать.

Варенцовъ. И воютъ, да живутъ.

Молчанозъ *(къ головь).* Иванъ Николаичъ, позвольте васъ спросить, для чего я позванъ сюда передъ обществомъ? За расточительность какую-то вы собрались судить меня, такъ прикажите про расточительность и говорить, а не про то... что здѣсь говорится.

Колокольцовъ. Ивашъ Максимычъ, вѣдь мы еще не парламентъ, намъ парламентскія формы чужды. Мы народъ.

Князевъ. Мы простены, такъ попростому и разсуждаемъ, а по-ученому, по-заграничному не умѣемъ и не поймемъ пожалуй.

Колокольцовъ. Быть-можетъ, въ этомъ есть связь во всемъ...

Анна Семеновна. Да какъ же не связно! Теперь ужъ заодно въ одно время его судить и за расточительность, и за пелюбовь.

Колокольцовъ. За пелюбовь, Анна Семеновна, нельзя судить.

Анна Семеновна. А отчего жъ нельзя?

Колокольцовъ. Нѣтъ основаній нравственныхъ; закона нѣтъ.

Анна Семеновна. А развѣ все по закону судятъ? Нѣтъ закона—по писанію судить можно.

Князевъ (*улыбаясь*). Ну, полно, сватъя, врать. (*Молчанову.*) А я опять тебѣ, Иванъ Максимычъ, рѣшаюсь доложить. Можетъ ты и выравду честный человекъ...

Колокольцовъ (*перебивая*). Да въ этомъ, я думаю, и сомнѣваться невозможно.

Князевъ. Ну да. Честный человекъ у насъ, говорятъ, одну жену обманываетъ: такъ ужъ, стало-быть, и потому ты честный. А вотъ ты говоришь, что такое въ твоей женѣ особеннаго. Я тебѣ разскажу это. Ты вспомнуй, что тамъ вамъ было въ церкви пѣто, а пѣсни-то эти, должно, не всегда памятовать. Пять лѣтъ ты, женатымъ бывши, по Вѣпамъ да по Парижамъ развѣзжалъ—много ты о ней тамъ вспомнилъ? А вѣдь она здѣсь, какъ птичка, взаперти сидѣла; дѣтей твоихъ глядѣла, а суперантовъ, какъ другія прочія, не заводила. (*Съ удареніемъ.*) Имени-то твоего, безпутная ты голова, она вѣдь не замарала, хоша... стоилъ бы ты, можетъ, того, и очень бы стоилъ.

Молчановъ. Вы за собой бы лучше посмотрѣли, Фирсъ Григорычъ.

Князевъ (*тихо*). Я не бросаю жены; домовъ любовницъ не покушалъ.

Молчановъ. А съ задняго крыльца черезъ садовую калитку всю слободу къ себѣ переводили.

Колокольцовъ. Тсс! Господа! господа!.. Иванъ Максимычъ, вѣдь мы не на площади.

Молчановъ (*горло*). Не позволяйте оскорблять меня. Противъ жару и камень треснуть.

Колокольцовъ. Во всякомъ случаѣ, Иванъ Максимычъ, на оскорбленія можно жаловаться послѣ; а домашними дѣлами считается здѣсь не мѣсто.

Варенцовъ (*смирно*). Особенно такими пустяками: имп какъ и считается?

Гвоздевъ (*вздыхнувъ*). Такое дѣло Богъ одинъ разсудить; а ты, милуша, прошлымъ человѣка не кори.

Дробадоновъ. И посейчасъ оно есть.

Колокольцовъ (*улыбаясь*). Калина Дмитричъ... слово здѣсь отвѣтственно.

Молчановъ (*всплеснувъ руками*). О, Господи! И это мѣръ, и это судьба! (*Въишено къ Колокольцову.*) Рѣшайте что-нибудь со мной скорѣй: я не могу здѣсь съ вами оставаться! Это не судъ, а разговоры возмутительные. Я не хочу этихъ разговоровъ слушать: у меня дѣло есть; меня люди дома ждуть.

Князевъ. Не торопись, не всюду разомъ поспѣвай. Кто ждетъ, такъ подождетъ, а то другая рѣчь — была бъ по-стелюшка, а милый найдется.

Молчановъ (*быстро скользятъ въ рукахъ шляпу, но, овладевъ собою, говоритъ спокойно*). Я просто думаю, что вы издѣваетесь; это болтовня кака-то.

Дробадоновъ. А домъ, что купленъ Гусяровой, — такъ это я совралъ: домъ этотъ я купилъ. (*Общее движеніе.*)

Князевъ (*смѣясь*). Ха-ха-ха, проворовался грѣшникъ...

Молчановъ (*перебивая*). Не надо лгать, Калина Дмитричъ: я купилъ. До этого никому дѣла нѣтъ: я свое дарю.

Князевъ. Врешь, не свое, а дѣтское.

Молчановъ. Вы врете! Я своимъ дѣтямъ отецъ, а не холопъ кабальный, чтобы при нихъ уже ничѣмъ не смѣлъ распорядиться. Я долгъ, обязанность имѣю помочь Гусяровымъ.

Анна Семеновна. Гдѣ жъ это такая обязанность, въ какомъ законѣ показана?

Марья Парменовна. А ты еще знаешь ли то, что отъ любви-то дѣти бываютъ?

Молчановъ (*презрительно жемть*). Знаю! Я и то знаю, что они, къ стыду человѣческому, у низкихъ людей, каковы мы съ вами, и безъ любви рождаются.

Канунниковъ (*весело*). Ребята, что мокрицы, они вездѣ водятся.

Марья Парменовна. Ну, такъ что жъ ты? Такъ ты и долженъ помнить, что вѣдь и другихъ дѣтей надо будетъ награждать.

Князевъ. Ну, гдѣ тамъ понче дѣти родятся, гдѣ ихъ не хочуть!

Молчановъ (*быстро*). Господинъ голова! велите имъ молчать!... Чтѣ это въ самомъ дѣлѣ такое? До чего это дойдетъ? Я протестуюсь и выйду вонъ отсюда.

Колокольцовъ (*тупясь въ бумаги*). А для чего вы вздумали продать свое имѣнье, Иванъ Максимычъ, когда это тревожить вашу супругу?

Молчановъ (*вертя свою шляпу*). Для чего?

Князевъ. Да, для чего? Ты не верти шляпы-то, а то голова болѣть будетъ.

Молчановъ (*быстро скомкиваетъ шляпу и въ бѣшенствѣ бросаетъ ее въ Князева. Всѣ вскакиваютъ*). Вотъ для чего, чтобъ этотъ гадъ изъ терпѣнія бы меня не выводилъ. (*Смятенъе. Всѣ встаютъ.*)

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ! Вы не въ своемъ умѣ!

Князевъ. Я дураку прощаю.

Колокольцовъ. Но мы простить не можемъ: мы всѣ оскорблены.

Молчановъ (*совершенно забываясь*). Вы!... Вы?... Да что такое вы? (*Указывая на Князева.*) Когда онъ, воръ, убійца, развратитель... когда онъ не бонется васъ, такъ что жъ такое вы? (*Въ азартѣ.*) Я говорю вамъ: онъ убійца! Ищите протоколь!! Онъ утопилъ въ рѣкѣ моего отца. Весь городъ это говоритъ! (*Князевъ вздрагиваетъ.*) Что вы меня терзаете допросами, тогда какъ у меня отцовская кровь изъ сердца выступаетъ!.. Вы злитъ меня вытребовали!.. Я понимаю васъ... вы всѣ здѣсь Князевская шайка!.. Кто не дуракъ, тотъ плутъ; а кто не плутъ, такъ грошъ ему цѣна. (*Князевъ встаетъ и тихо машетъ рукою по направленію къ двери, давая знакъ всѣмъ выходить. Ближайшіе къ дверямъ купцы тотчасъ же одинъ за другимъ выходятъ. Прочіе, не сводя съ Молчанова глазъ, тоже поднимаются къ двери. Молчановъ же, не замѣчая этого движенія, продолжаетъ.*) Вы понагнали во дворъ сюда мѣщанишекъ, изъ которыхъ Князевъ давно весь мозгъ новытрясъ. Онъ ихъ угощалъ черезъ своихъ сидѣльцевъ. Онъ ихъ страдалъ, что фабрики черезъ меня позакрываются и черезъ меня ни у

кого у них работы не будетъ. Вы научили доброму мою жену просить на мужа... Зачѣмъ еще дѣтей моихъ сюда не привели?..

Марья Парменовна *(проходя со внутреннїя комнаты)*. Печего тебѣ здѣсь дѣтей вспоминать.

Молчановъ *(Колокольцову)*. А вы! вы... голова, товарищъ мой, вы съ учеными, съ поэтами водили дружбу. Соціалистъ вы были, народникъ... славянинъ вы... вы изъ-за чего подличаете? Изъ-за того, что Фирсовымъ радѣтельствомъ попали въ головы... Простите вы меня, вы... вы не голова... а чортъ васъ знаетъ, что вы... *(забываясь)* вы мерзавецъ!

Колокольцовъ *(быстро нагинаяется подъ столъ и шаритъ тамъ рукою)*.

Князевъ *(Колокольцову)*. Чего вы ищете?

Колокольцовъ. Бумага, кажется, одна упала; да это ничего... *(Не разгибаясь выбѣгаетъ на дворъ. За головою одинъ за другимъ выходятъ остальные купцы.)*

Молчановъ. Вы расточители!.. Вы расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую вѣру въ правду, и вотъ за это расточительство васъ всѣ свои и всѣ чужіе люди честные—потомство, Богъ, исторїя осудятъ... *(Князевъ уходитъ въ среднюю дверь и запираетъ ее за собой.)*

Молчановъ. Не расточителемъ, а стяжателемъ великимъ буду... если Богъ поможетъ мнѣ хоть все, хоть до послѣдняго алтына все отдать тому, кто бы сумѣлъ вдохнуть живую душу въ грудь моимъ открытымъ всякому пороку дѣламъ!..

Анна Семеновна *(проходя во внутреннїя комнаты)*. А для чего же сказано: остави останки младенцамъ своимъ? *(Уходитъ.)*

Молчановъ. Они богаче будутъ, оставшись нищими, да не съ такой волей слабой и не съ такимъ ничтожнымъ сердцемъ, какое тутъ *(бьетъ себя въ грудь)*—какое тутъ у ихъ несчастнаго отца! *(Блѣднѣетъ и падаетъ безъ чувствъ въ кресло)*.

Дробадоновъ *(сидѣвшій до сихъ поръ съ опущенною головою во все время монолога Молчанова, быстро вскакиваетъ)*. Что это? *(Испугавшись)*. Всѣ ушли! *(Вскакиваетъ и сильно хватаетъ Молчанова.)* Иванъ Максимычъ! Не время спать! *(Въ ужасъ.)* Онъ сомнѣлъ... Что дѣлать, Господи! *(Бросается къ двери.)* Га! заперта! *(Толкаетъ дверь, но она не по-*

дается.) Мы здѣсь въ ловункѣ! (Бидается къ Молчанову, схватываетъ его безчувственного и тащитъ передъ собой къ окну.) Приди, приди въ себя! Черезъ минуту кончатъ судъ, и нѣтъ спасенья!

Молчановъ (расстрепанный). А!.. что такое?.. лѣсть...

Дробадоновъ (открываетъ окно, черезъ которое тотчасъ же срывается гулъ большой толпы; онъ держитъ Молчанова подъ плечи передъ окномъ и кричитъ громко). Народъ! мѣръ! люди, на комъ есть крестъ! кто въ Бога вѣруетъ! глядите: это человѣкъ... (Замѣчая, что его не слышатъ, бросаетъ Молчанова въ кресло). Не слышать! (Въжимтъ съ размаха въ закрытыя двери и растворяетъ ихъ. Пауза.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Молчановъ (одинъ, приходя въ себя). Что?.. Гдѣ Калина Дмитричъ? Всѣ ушли... (Схватываетъ себя съ отчаяніемъ за голову.) Что это было? (Съ увеличивающимся ужасомъ.) Я ихъ бранилъ, я вель себя, какъ мальчишк... (За сценой слышенъ голосъ Дробадонова: «Спросите совѣсть: что кому онъ злое сдѣлалъ».) Пойду имъ въ ноги кинуся... вѣдь осудятъ... (Прислушивается.) Калина Дмитричъ говоритъ! (Падаетъ на колѣни.) Великій Господи! когда судили Гуса, соловей заплѣлъ, и что-то сердце дрогнуло отъ этой пѣсни,— неужто же ихъ и человѣческое слово не тронетъ! (Слышенъ вдругъ громкій шумъ снаружи и голоса: «Врешь! знаемъ мы! Ты не учитель намъ: насъ Фирсъ Григорычъ не обманетъ». Свистъ, гамъ и озлобленные крики: «Вонъ мускательщика! Вонъ Дробадонова!» Нѣсколько рукъ вталкиваютъ сильно расстрепаннаго и помятаго Дробадонова въ двери.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ (въ совершенно разорванномъ сюртукѣ влетаетъ на сцену отъ сильного толчка сзади). Ухъ! (Отрывается).

Молчановъ (быстро вставая и схватывая Дробадонова за руку). Что?

Дробадоновъ. Опека.

Молчановъ (падаетъ съ обморокъ).

Дробадоновъ (поднимаетъ Молчанова, разстегиваетъ его жилетъ и даетъ ему со стола стаканъ воды).

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и Служанка.

Служанка (*объявляя на стукъ отъ паденія Молчанова*)
Что это здѣсь упало, Калина Дмитричъ?

Дробадоновъ. Что упало, то подняли.

Служанка. Что жъ тутъ случилось?

Дробадоновъ. Деревяна мужика переѣхала. Пошла, принеси мнѣ иглу съ ниткою, да поздоровѣе.

(*Служанка уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Князевъ.

Князевъ (*сходитъ съ палочкою, и все, которые выходили съ нимъ на судъ, кромѣ женщинъ*).

Князевъ (*тихо Колокольцосу*). Обирайте руки-то, не расходившись.

Колокольцовъ. Не расходитесь, господа! Прошу сейчасъ же подписывать приговоръ! (*Минутка кладетъ бумагу на столъ, и начинается подписыванье. Подписавшіеся отходятъ и садятся. Молчановъ съ это время поднимается, открываетъ глаза и сидитъ въ остолбенннн).*

Князевъ (*на авансценѣ*). Про что вѣдь говорилъ?.. Молчановъ-то, я говорю, про что говорилъ? Смѣхъ! Ха-ха-ха! Только задѣнь ихъ, сейчасъ дурь замелютъ. Даже про исторію... Ну скажите вы пожалуйста, кто же этой парши у насъ бояться станетъ?.. Самъ себя осудилъ! (*Вынимаетъ изъ кармана маленькую бомбоньерку, достаетъ изъ нея пастилку и сосетъ.*) А Дробадоновъ-то какъ-было вырвался... Хи-хи-хи... Нѣтъ, это, братъ, не то! Тебя за добродѣтели твои, за справедливости могутъ чтить, кто хочеть... а тутъ на голодномъ брюхѣ музыка построена, а не на справедливости... Хе-хе... Я слово чуть одно сказалъ, а подголоски подхватили, что ты корысть имѣешь въ томъ, чтобъ стали фабрики, ну и... на кулачьяхъ вынесли... Но онъ ужъ началъ не жалѣть и самого себя: такіе люди въ обществѣ не годны. (*Сердито обогащается и громко.*) Купецъ Калина Дробадоновъ!

Дробадоновъ (*подписывался*). Пишетъ.

Князевъ (*съ проноей*). Что? отъ міра видно не прочь.

Дробадоновъ (*кладя перо*). На міръ не челобитчикъ.

Князевъ. А? (*Подходитъ и смотритъ въ бумагу.*) Опять «кисецъ». (*Минутка*). Читай!

Минутка (*беретъ бумагу*). «1867 года, мая»...

Князевъ. Не все, а суть одну читай.

(*Входитъ служанка и подаетъ Дробадонову иголку съ длинной бѣлой ниткой. Дробадоновъ садится на видномъ мѣстѣ и начинаетъ зашивать свой разорванный пародомъ стуртукъ*).

Минутка. Мм...м...м. «А посему приговорили: признать его, Ивана Молчанова, на основаніи всего вышеназложеннаго, злостнымъ расточителемъ (*Молчановъ быстро приподнимается*) и, въ огражденіе разрушаемаго имъ благосостоянія жены своей и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, устранить его отъ права распоряженія своимъ имуществомъ и сдать оное въ опеку благонадежнымъ людямъ»...

Молчановъ (*перебивая*). Что? что такое?

Князевъ. Въ опеку. Въ опеку тебя приговорили.

Молчановъ. Нѣтъ! Этого не можетъ быть!

Князевъ (*соя настилку*). Ну да, не можетъ.

Молчановъ. Да гдѣ жъ былъ этотъ судъ?

Князевъ. Вотъ, видишь, за руганьемъ-то ты не видѣлъ, какъ и овини сторѣлъ.

Молчановъ. Тутъ разговоры одни шли.

Князевъ. А развѣ въ чемъ же судъ, какъ не въ разговорѣ? Ты все парламентовъ смотришь; а у насъ это просто.

Молчановъ (*перебивая*). За что же, господа!.. За что въ опеку? Помилуйте! мнѣ тридцать лѣтъ...

Князевъ (*ворочая во рту настилку*). Хотя бъ и триста; а мнѣ тебя ребенкомъ призналъ.

Молчановъ. Господа! (*Всѣ тупятся и смотрятъ на Князева.*) Фирсъ Григорычъ! За что ты цѣлый вѣкъ меня преслѣдуешь? Пусти меня на волю — я уйду! Или ты, можетъ быть, униженія моего хотѣлъ?.. (*Падаетъ передъ нимъ на колѣни.*) Смотри, я здѣсь при всѣхъ передъ тобою на колѣняхъ... прости меня... прости меня... въ моей передъ тобою невинности! прости! (*Кланяется въ землю.*)

Князевъ (*проглатывая конфетку*). Вотъ такъ-то бы давно, сынокъ! Не гордыбаченьемъ у старыхъ людей беругъ, а почтеніемъ. А вы всѣ молодость цѣны себѣ нынче не сложите. Мы, дескать, честь свою и гордость выше всего ставимъ; а все это вздоръ ваши и честь, и гордость! Пока

лафа вамъ—ходите, какъ павы, хвостъ раскинувши, а су-
петъ васъ клюкою хорошій старичокъ—и поползете жабами.
Не хорошо такъ, другі!.. Вѣдь вотъ теперь смирился пылкій
Шлиппенбахъ—стоишь передо мною на колѣняхъ, и въ
этомъ умный человекъ тебя не покорить. Ты знаешь передъ
кѣмъ стоишь; не нию почтенье отдать. *(Кладя ему на го-
лову руки.)* Ну, Богъ тебя проститъ. Теперь вотъ попроси
людей, чтобы тебя простили за грубости.

Молчановъ. Простите. Я себя не помнилъ!

Всѣ *(разомъ)*. Богъ проститъ.

Князевъ. Нельзя такъ, другъ, не помнить. Ну, да ужъ это
прощено. *(Минутка)*. Читай, Минутка!

Минутка. «И опекунами къ имѣнію Молчанова назначить
жену его Марью Парменовну и съ нею вмѣстѣ соопекуномъ
отца ея, купца Пармена Мякиншева; а какъ сей Мякиншевъ
на сходѣ отъ такой обязанности отказался, то вмѣсто его
(откашлявшись) поручить сію должность съ полною за цѣ-
лость имущества отвѣтственностію *(Молчановъ встаетъ съ
колена и остро смотритъ на Князева)* купцу Фирсу Гри-
горьевичу Князеву». Иванъ Максимычъ, подишнитесь, что
вамъ объявили. *(Подаетъ Молчанову перо)*.

Молчановъ *(не принимаетъ пера и сосе не замѣчаетъ
Минутки)*. Ты! ты!.. ты мой опекунъ! *(Бросается съ азар-
томъ на Князева. Общее движеніе въ защиту Князева.)*

Князевъ *(поднимая палочку противъ лица Молчанова и
позиря)*. Иванъ Максимычъ, не шали!.. У насъ, дружокъ,
для этакихъ хватовъ есть упокойчекъ темнепкій, въ сми-
рительномъ. *(Къ обществу рѣшительно.)* Съ согласія моея
соопекушни, сегодня объявляю всѣмъ словесно, а завтра
пешлемъ въ газетахъ напечатать, чтобы Молчанову ни отъ
кого никакого довѣрія не было и никакихъ его долговъ, ни
векселей и ни росписокъ мы принимать не будемъ.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна. Господа, прошу покорно закусить! *(Всѣ
кланяются.)*

Князевъ *(спокойно)*. Адмиральскій, господа, ударить. Пора
и закусить. *(Уходитъ. За нимъ уходятъ есъ, оставляя въ
комнату Дрободозова и Молчанова.)*

Молчановъ. Калина Дмитричъ! что жъ это!

Дробадоновъ. А ты бѣ поболѣе бѣсился.

Молчановъ. Неужто жѣ это не во снѣ, а вправду?

Дробадоновъ (*окончилось пришиваніе, закалываетъ въ спинку кресла толку*). Да, Фирсѣ Григорычѣ молодецъ! И по одинѣ я его похваляю, а и чортъ, и тотъ его похвалить. (*Идетъ къ дверямъ, куда съ вышлѣ во внутренне покои.*) Пойду посмотрѣть, какъ заливаетъ мѣръ, поѣвши челоѣчши.

Молчановъ (*останавливая его восклицаніемъ*). Калине Дмитричѣ!

Дробадоновъ (*оборотясь*). Что?

Молчановъ. И ты... и ты... ты, честный челоѣкъ... одинѣ, которому я съ дѣтства вѣрилъ... и ты своей рукой подписалъ!

Дробадоновъ. Иванѣ Максимычѣ, ты вправду, знать, не знаешь, что такое мѣръ? Спроси о немъ мои бока. Рѣдко я на него хожу, а все жѣ это имѣ не первый сибѣ на голову... Одинѣ на мѣръ не челоѣчникѣ. Тверезѣ ты или пьянѣ, всѣ говорятъ, что пьянѣ: ступай и спать ложись, а то силкомъ уложить.

Молчановъ. Ты подписалъ! ты подписалъ!

Дробадоновъ (*возвращаясь къ Молчанову на авансцену и показывая обѣими руками на свою фигуру*). Великѣ и силенѣ кажется тебѣ купецѣ Калина Дробадоновъ?.. а мѣръ ядущѣ: сокреть и этого съ книжками. (*Быстро поворачивается и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Молчановъ и Марина.

Марина (*которая входитъ со двора, тщательно закутавшись большимъ платкомъ, осматривается и, сбросивъ однимъ движеніемъ платокъ, быстро подбѣгаетъ къ Молчанову*). Иванѣ Максимычѣ!

Молчановъ (*вздвинувъ*). Марина! Богѣ съ тобой! Зачѣмъ ты здѣсь? (*Стараясь вытраводить ее.*) Бѣги отсюда! бѣги скорѣй! бѣги!

Марина. Не бойся. Я видѣла въ окно: всѣ за столомъ сидятъ. Я за тобой пришла, чтобы ты не оставался здѣсь.

Молчановъ (*тревожно и какъ бы не сознавая, что говоритъ*). Пѣтъ... мнѣ отсюда нельзя... Я Фирса жду...

Марина (*рѣшительно*). Вздорѣ говоришь! Иди! Тебѣ по пужно больше видѣть Фирса!.. Идемъ!.. идемъ!..

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Тѣ же и Марья Парменовна.

Марья Парменовна (*очень раскрасневшаяся, съ алыми губами, выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ; она полутьма. Увидевъ Марину, она тихо крадется къ нимъ и становится сбоку Гуслиаровой, не замѣченная ни ею, ни мужемъ*).

Марина (*Молчанову*). Не будь ребенкомъ. Не злѣйся и не ползай... Скорѣй, одной минуты не теряя, въ Петербургъ, ницѣ суда... Въ судахъ, въ сенатахъ не найдешь защиты,— къ Царю иди... пади къ его ногамъ, скажи ему: (*Молчановъ, слушая ее, поднимается со стула*) Надежда, защити! я умаленъ до возраста младенца! будь Богъ земной—создай меня во человѣка... Идемъ! Я буду стоять передъ тобой и молиться, чтобы Господь управилъ сердце Государя. Идемъ, идемъ! что бы ни встрѣтилось, живые въ руки не дадимся!

Молчановъ (*дрожа, повторяетъ*). Я умаленъ до возраста младенца... Будь Богъ земной—создай меня во человѣка!.. (*Бѣжитъ*).

Марья Парменовна (*хватаясь за платье мужа*). Куда? куда?.. Я, вѣдь, все слышала... Нѣтъ, я его не отпускаю!

Марина (*быстро выпроваживаетъ Молчанова однимъ движеніемъ за двери, а сама схватываетъ Марью Парменовну сзади за локти и, перекруживъ ее три раза около себя, сажаетъ на полъ и убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Марья Парменовна и Анна Семеновна (*входитъ совсѣмъ пьяная и красная, какъ пѣнокъ*).

Марья Парменовна (*сидя на полу, съ улыбкою*). У-у-ухъ, какъ вся земля закружилась!

Анна Семеновна (*покачивушисъ*). Это тебѣ съ хересу... У меня и у самой кружится...

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Паркъ при загородномъ домѣ Молчанова. Между множествомъ деревьевъ, вправо въ одной куртинѣ замѣтно старое, толстое дерево, въ которомъ сбоку виденъ лазъ съ большое дупло. Вечернетъ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Марина и Дробадоновъ (*сидятъ на дерновой скамьѣ подь старою липою*).

Марина. А ты думаешь, я сама спокойна? Знаешь про то только грудь моя да подоплека, какъ я вѣрю въ хорошее.

Дробадоновъ. А я опять скажу, не про что много и безпокоиться. Я для того и приговоръ подписалъ, чтобы и спора изъ пустого не заводить. Сегодня вы съ Иваномъ Максимычемъ выѣдете; черезъ четыре дня въ Питеръ, и дѣло это намъ только за смѣхъ вспоминаться станетъ.

Марина. Все не про то ты говоришь. Опекунъ снимутъ, разумѣется. Ну, а дальше что-жъ?

Дробадоновъ. Да дальше то жъ, что было...

Марина. Славное житье!.. А все я виновата: сколько любила, вдвое того погубила.

Дробадоновъ. Не было въ его жизни и до тебя много путнаго: души онъ честнѣйшей, да не строитель, по правдѣ сказать. Такъ бы, прямою дорогою, да съ прямыми людьми, онъ бы еще жилъ ничего; а тутъ, чтобы у насъ, промежь нашимъ народомъ жить, надо, чтобы шкура-то у тебя слоновая стала. Тогда развѣ вынесешь. А ему гдѣ это вынести: съ него со всего кожа-то совсѣмъ словно содрана; къ нему еще руку протягиваютъ, а ужъ ему больно—кричить. Нашъ народъ деликатности не разбираетъ, и такъ въ немъ жить невозможно.

Марина. А главнѣй всего, что все спуталось да перепуталось. Чтобы въ немъ душу поднять, я его тѣнила тѣмъ, потому что имя Государя въ такую минуту много значить. А просить — какъ просить? (*Конфузиться*.) Это хорошо съ чистой совѣстью и къ Царю, и къ Богу, а мы... Какъ онъ противъ своего закона, какъ и я... (*Махнувъ рукой*.) Гдѣ еще тутъ и ротъ развѣвать!

Дробадоновъ (*вздохнувъ*). То-то пузо-то у насъ все въ жемчугъ, а сзади-то и у тѣхъ, которые чище-то, и то на аршинъ грязи палицкло... О-ихъ-хе-хе-хе-хе... Ну, да нечего и безнокоить Государя: уповаю несомнѣнно, что все это и такъ, по закону сдѣлается.

Марина (*задумчиво*). Надо ужъ было ему одному-одиношеньку жить; не путаться, не запутываться, чтобы не за что брать его было.

Дробадоновъ. Разумѣется, такъ бы лучше было; да вѣдь и одному съ горемъ толкъ не радостно.

Марина (*живо*). А ты думаешь, что когда бь не горе его, такъ промежь насъ что-нибудь сталося бы? Ни въ жизнь жизнеспекую! Горе это его меня ко всему къ этому и вывело. Все было слышу, такой онъ, сякой, негодящій. Жена сама коритъ: ужъ что жъ тутъ—стало-быть либо жена пенулящая, либо это все правда? Вотъ и поидетъ вспоминаться, какъ мы дѣтми, бывало, играемъ... Въ мужа съ женой, бывало, все играли (*сквозь юркую улыбку*)... не знали, что не мужъ съ женой изъ насъ будетъ, а чортово радовище... (*Утираетъ тихо слезу.*) Ахъ, какое чудное было дитя! Я такой доброты, такой нѣжности съ той поры ни въ одномъ ребенкѣ не видѣла.

Дробадоновъ. А вотъ эта нѣжность-то па нашемъ народѣ, видишь, чѣмъ сказывается. Самъ нѣженъ, да и отъ другихъ все нѣжности ждетъ. А пѣту ея — онъ сейчасъ на дыбы.

Марина. Онъ простодушный!

Дробадоновъ. Простодушный!.. А это тоже не вездѣ кста-ти. Насъ вѣдь этимъ не удивишь. У насъ будь простъ, рубашку скинь,—скажутъ можетъ еще крестъ серебряный есть на шеѣ — его подай. У насъ требуется, чтобы человекъ былъ во всеоружіи своемъ, а не простокваленою да истерничкою. Это все ему еще бѣлою соскою рыгается.

Марина. А все, будь у него въ семьѣ все какъ слѣдуетъ... Не такъхъ, да и то берегутъ, ни до срама, ни до позора ни до какого не допускаютъ.

Дробадоновъ. Разумѣется. Если бы ты бы жена-то его была, ну ты бы его сберегла и понѣжила и не допустила до этой несносливости. Такъ что жъ, и тутъ вѣдь опять, и въ этомъ дѣлѣ ему его бѣлая соска мѣшала. На тебѣ надо было жениться, падо было половину гамзы потерять. Онъ женился на той, которая у него все взять норовить.

Марина (*не слушая*). Чудное было дитя!.. Я, какъ оса, такъ и росла такая ехидная. Безстыжая была я дѣвчонка, заведу его, бывало, куда-нибудь въ ровъ, или въ садъ да-леко и прибью. (*Утираетъ глаза.*) Ежели есть чтѣ у него—отниму—онъ все-было терпигъ... А разъ покойница мать увидѣла, какъ я его толкла на грядяхъ, да ѣсть не дала мнѣ за это, и онъ ѣсть не сталъ... ну, смажки мнѣ пожа-

луйста!.. (*Плачетъ.*) Взрыдался, всплакался: «мою Маринушку! мою Маринушку! не обижайте мою Маринушку!»... Ахъ, чудное было дитя! ахъ, дитя было чудное!.. Ахъ! (*ударя себя въ грудь*) ахъ! когда бъ знали... вы, какъ я его любила!.. Мнѣ десятый годочекъ шелъ, когда его въ Петербургъ увозили... я себя не помнила, что со мной было. Фирсъ съ нимъ въ каретъ сидѣлъ; а я все догнать ихъ хотѣла... бѣжала, бѣжала, пока ямщикъ кнутомъ чуть глаза всѣ не выстегалъ... ножонки подкосились, какъ цыпленокъ въ пыль и упала.

Дробадоновъ. То-то, дитя, не слѣды видно намъ, ишьпеходамъ, гоняться за тѣми, что ѣздятъ въ каретахъ.

Марина. Милый! хорошій мой! смыслъ-то во мнѣ какой въ ту пору былъ? Я и черезъ шесть-то лѣтъ, когда ихъ вѣнчали съ Марьей Парменовной, не умнѣе была: сквозь народъ въ церковь промѣзла, да о бокъ съ нимъ становлюсь, чтобы будто мнѣ съ нимъ это вѣнчаніе пѣто... Да и кромѣ того я скажу тебѣ, я вѣдь какая-то порченная, что ли: ни жизни, ни смерти мнѣ нѣтъ, пока не добыюсь того, что въ голову вступить. Изъ чужихъ краевъ когда онъ вернулся, я вѣдь уже тогда три года замужемъ была... Въ эту пору мы мельницу въ Балкахъ держали... Услыхала я, что онъ вернулся, что его здѣсь все злосудятъ опять—вотъ, словно могилу мою разрывать начали: такъ востосковалась. О полуднѣ, какъ жаръ, бывало, нахлынетъ, разморитъ всѣхъ, снять, а я уйду тихонько подъ скрынъ, гдѣ вода бьетъ съ колесъ, — и вѣрнись ли — кто-то со мною тамъ все говорилъ... и я не боялася этого говора... я сама говорила о чемъ-то... Чародѣйкою стала... въ грозу съ серебра умывалась, чтобы ему полюбитъ... въ странную бурю бѣгала въ степь его по-вѣтру кликать... (*въ экстазъ*) и одинъ разъ... Это ночью случилось подъ Ивана Купала... мужа не было дома... о полуночи буря такая поднялась, что деревья съ кореньями на землю клала... Темень и грохотъ этотъ душили меня. Я горькими слезами плакала, о чемъ—и сама я не знала... и тутъ въ лицо мнѣ все что-то изъ-за плечъ, то съ одной, то съ другой стороны, взглянетъ... Я сорвалась съ постели. Не помню, куда бѣжала, а только его все звала и... (*вздохнувъ*) и тутъ онъ пришелъ... На охоту ходилъ; сбился съ дороги... (*Покивая головою.*) Ни жизни, ни смерти себѣ не чаяла, пока съ нимъ, какъ хотѣла, по

свидѣлась... Спознавались сладко, а теперь тяжело разставаться... (*Восклицанье.*) Калина Дмитричъ! скажи мнѣ: намъ надо разстаться?.. Скажи?.. Вѣдь это, вѣдь все черезъ меня поднимается вьюга? Ему было бы легче, когда бъ я, лихо-дѣйка, на шею ему не повисла... Не вкусивши любви, не такъ къ ней манится... Онъ бы къ дѣтямъ ютился.—Правда? Калина Дмитричъ!.. Калина Дмитричъ!.. да что жъ ты молчишь!

Дробадоновъ. Что, дитя, говорить противъ правды?

Марина. Ты посовѣтуй, какъ быть мнѣ?

Дробадоновъ. Совѣтовать надо, когда человѣкъ въ заблужденіи; а тебя Господь самъ ведетъ къ чему-то чудному, такъ ужъ не человѣку тутъ учить, когда Онъ самъ твоей души огненнымъ перстомъ своимъ касается.

Марина (*строго*). Слушай! Пока его судили,—я надъ собою судъ сотворила. Господь вправду былъ въ душѣ моей... Нашъ путь, которымъ мы идемъ, кривой; а по кривой дорогѣ впередъ ничего не видно. Все это я рѣшила кончить. Я съ нимъ, какъ сказано, поѣду въ Петербургъ... поѣду для того, чтобъ поддержать его теперь... а тамъ, какъ онъ съ дѣлами справится, я скроюсь... пропаду... со слуху сгину... Онъ не печалится; тоска въ дѣлахъ пройдетъ... а мнѣ...

Дробадоновъ (*перебивая*). Постой, постой, не части такъ часто. Помысль твой—помысль великій! Отъ Бога къ намъ, не отъ сластей земныхъ такіе помыслы нисходятъ; а съ даромъ Божьимъ бережливо обращайся. Ты говоришь: «что мнѣ!» то-есть тебѣ-то что? Ты сама о себѣ не думаешь; а въ волѣ Божьей, чтобъ всѣмъ было добро и никому зло. Ты пропадешь, и слуху о тебѣ не будетъ. Вѣдь это ты ему по всякій часъ упрекъ создашь! Гдѣ ты? что сдѣлалось съ тобою? Быть-можетъ, въ воду бросилась изъ-за него, или бродягою непомнящей пошла въ Сибирь по пересылкѣ?.. А можетъ и того еще хуже... вступить, пожалуй, въ сердце, что, можетъ, ты и любви-то его не стоила... Этого съ душой человѣку перенести невозможно. Нѣтъ, другъ, не пропадай, живи ему въ подкрѣпленіе! Не бѣгай отъ любви. На что? Въ любви Господь намъ указалъ спасать другъ друга! (*схватывая ее за руку*) но сотвори свою любовь во благо... Ты за его дѣтей теперь въ отвѣтъ! Его жена безумная законовъ ницетъ... да что законъ въ семей-

помъ дѣлѣ можетъ помогать! Она о деньгахъ упадаетъ... да что жъ въ тѣхъ деньгахъ дѣтямъ, когда нѣтъ сѣятеля съ ними, который сѣялъ бы живое слово въ ихъ малыя души? Ты только уразумѣй, что значитъ отецъ? Про птичье молоко хоть въ сказкахъ говорится, а отцовскаго слова до вѣчнаго дитя и въ сказкѣ не услышишь.

Марина (*падая на грудь Дробадонова*). Дѣтки, дѣтки! Ахъ, какъ мнѣ жалко ихъ!

Дробадоновъ. Усугуби жъ для нихъ свою любовь къ отцу. Любовь не разлучитъ отца съ дѣтми: то грухъ, то сласть земная разлучаетъ. Воздвигни свою любовь превыше этой сласти; его своимъ примѣромъ склони къ тому же. Разстаньтесь, но пусть онъ знаетъ, что ты жива, что съ тобою ничего худого не сталося и—главное—что ты любишь его. Это большая сила несчастливому человѣку. Не отрекайся отъ своей любви, зане я знаю, что любовь твоя, слезой твоей омытая теперь, будетъ безгрѣшна. (*Пауза*.) Встань, голубица, встань! черезъ часъ надо вамъ ѣхать. Онъ тамъ бумаги ужъ все приготовилъ. Теперь время удобно: поди къ нему съ ласковымъ словомъ, съ открытымъ лицомъ. Если и тяжко на сердцѣ, какъ я и ожидаю того,—терши... виду не дай, что страдаешь... Будь весела, если можешь, о чемъ пошло говори, будто какъ это даже и въ раздумье тебя не вводитъ. Слышишь, моя дѣтка?

Марина (*восклоняясь и отирая слезы*). Пѣтъ, пѣтъ! не бойся: я сердца не выдамъ. (*Закрываетъ глаза платкомъ*.)

Дробадоновъ. Иди жъ! Слезы твои будутъ въ радость тебѣ... Дѣтей его мать съ бабкою учатъ тебя проклинать, а ты научи ихъ благословлять тебя. Ихъ дѣтское сердце и теперь ужъ, можетъ, слышитъ, какъ твое сердце для нихъ разрывается; а вырастутъ они, ихъ почтенію къ тебѣ мѣры не будетъ. Ты счастливица въ женахъ: твой рай сегодня начнется, какъ только ты вымолвишь слово...

Марина (*сквозь рыданія*). Дѣти, дѣти! я отдаю вамъ вашего отца! (*Быстро убѣгаетъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Дробадоновъ (*одинъ*). О лебядь бѣлая!.. о лебядь чистая!.. о лебядь прохладная!.. (*Задумывается*.) Пѣтъ! Не въ любви людская погибель, а въ томъ, что мала людская любовь на землѣ, что не выросла она еще на вершокъ выше звѣри-

пой. (*Задумывается и садится.*) Въ это время за сценою слышна приближающаяся пѣсня). Ужъ попабашили фабричные. Пора! (*Встаетъ.*) Надо имъ до свѣту добраться до станціи, чтобъ взять почтовыхъ; а ночь-то вся нынче съ воробьиный пось. Богъ знаетъ, все чего-то сердце замираетъ. Спаси ихъ Господи: они теперь на Твой правдивый путь готовы! (*Идутъ и встрѣчается съ фабричными.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Мастеровой *Павлушка Челночекъ*: старый ткачъ *Спиридонъ Обрѣзовъ*; *пріѣзжій парень* и фабричные (*выходятъ не стѣнными шагами.*)

Челночекъ (*играетъ на гармоніи и поетъ*).

Ахъ, когда бы эту крالیю,
Подержать бы мнѣ за талию.

(*Встрѣчаясь съ Дробадоновымъ, снимаетъ шапку и кланяясь.*)

Здравствуйте, Калина Дмитричъ.

Фабричные (*все кланяются и нѣсколько голосовъ*). Наше почтенье, Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ. Спасибо вамъ. Здравствуйте, ребята!
(*Уходитъ.*)

Весь подходитъ къ скамейкѣ, съ которой всталъ Дробадоновъ, и располагаются на ней, кто сидя, кто полудлежа.

Челночекъ (*поетъ*).

Ой, что же вы, ребята, приунили?
Иль у васъ, ребята, денегъ нѣту?

Обрѣзовъ (*Челночку*). Или еще, пустая голова, не все нѣсни перезѣвать!

Пріѣзжій парень. А кто это у васъ такой, что съ нами сейчасъ суетрѣтился?

Обрѣзовъ. Пріятель хозяйскій, купецъ *Дробадоновъ*. По дунѣ и по совѣсти первый человекъ у насъ въ обществѣ.

Пріѣзжій. А собою на видъ сколь ужасенъ.

Челночекъ. Кашидонъ; это онъ тотъ самый и есть *Дробадоновъ* *Дробадоновичъ* *Дробадоновъ*, что, сказывали, что съ одной стороны на медвѣди похожъ.

Пріѣзжій. Скажи, антиресный какой! А должно еще того антиреснѣй, что за супруга подъ пару ему пришлася?

Челночекъ. А онъ у насъ буки ерь—кавалеръ, еще жешнокъ по сію пору.

Пріѣзжіи. Неужто не женать? Это ужь по-кунечеству не годится безъ хозяйки.

Челночекъ. А нѣтъ ихъ мало у насъ по городу, хозяйекъ-то? У насъ изъ зетаго престо.

Обрѣзовъ. Чтѣ ты это все врешь-то? Кто это про Калину Дмитрича сказать можетъ?

Челночекъ. Я совсѣмъ и не про него, а такъ говорю, что у насъ насчетъ женскаго пола все по-душевному, по простотѣ. Надо-тъ было обществу по-настоящему воспитательный домъ, какъ въ Петербургѣ, постронть; ну, да у насъ про то покудова въ слободѣ сталовѣры: что угодно дѣтей берутъ, только сдавать поспѣвай.

1-й фабричный. А то тоже въ колодець—такъ и тамъ они каша не просятъ.

Челночекъ. Ну, это только Князеву такую механику подстроили, потому по-настоящему изъ-за чего у насъ ихъ губить, когда сталовѣры сколько хочешь берутъ и въ свою вѣру крестить; а ужь это въ колодець—это не иначе, какъ на злость сдѣлаю, и я вотъ, рука отсохни, знаю, что больше никто другой это сдѣлалъ, кромѣ какъ бабушки Дросиды Аленка.

1-й фабричный. И по-дѣломъ ему, Князеву-то.

2-й фабричный. Хотъ бы и вдвое онъ поплатился, не жаль бы его.

Челночекъ. Да онъ, небось, и не поплатится. Что-жъ ему такое, что въ его колодець ребенка напшли? Колодець на улицѣ—не мало кто мимо его ходитъ. Самого бъ его если бъ туда головою...

Пріѣзжіи. У васъ, я вижу, этого Князева терпѣть не мугуть.

Челночекъ. Не могу-уть! Съ чего такъ, милый человекъ, не могутъ? Нѣтъ, братъ, у насъ мѣръ-то того добраго короля стдѣтъ, чтѣ всѣмъ восхотѣлъ въ своемъ королевствѣ угожденіе сдѣлать. Докладають ему: пусть, говорятъ, пресвѣтлый король, въ нашемъ королевствѣ хотъ разбойникамъ худо будетъ. Нѣтъ, на что же, говорить, ихъ обижать: кто жъ, говорить, у насъ послѣ того безъ шихъ людей будетъ рѣзать? (*Хохотъ*).

Обрѣзовъ. Шутъ его знаетъ, чтѣ онъ только мелеть, пустомеля!

Челночекъ. Я, братцы, въ Питерѣ жишии, разъ въ Ле-

касадринскомъ театрѣ видѣлъ, какъ критику одну на купцовъ представляли. Выставленъ бѣдовый купецъ; ну, а все ему противъ нашего Фирса Григорьича далеко. Тотъ все съ бабами больше баталь велъ; а гусаръ его на паромѣ обругалъ, онъ такъ и голосу противъ него не выискалъ. Ну, а нашъ вѣдь одно слово во всей формѣ вонтель. Я въ прошломъ году, какъ у головы пріѣзжій чиновникъ обѣдалъ, за столомъ прислуживалъ, такъ подаю кофей, а они меня не видятъ, потому что разговоръ у нихъ непріятный. Чиновникъ говоритъ Фирсу: «Я, говоритъ, ясно удостовѣрился, что вы, Фирсъ Григорьичъ, здѣсь точно помѣшникъ на помѣстьѣ сидите; все здѣсь по вашей дудкѣ пляшетъ: всѣ торги или выборы, какіе бывають, то это только проформа одна... все вы кому хотите сдаете, кого вамъ нужно на общественныя мѣста сажаете...» А онъ сейчасъ такъ спокойно взялъ его, этого чиновника вотъ такъ за пуговку, крутитъ ее, эту пуговицу, промежъ пальцевъ, да и говоритъ: «Охота вамъ, говорить, ваше превосходительство, этакому вздору вѣрить; вотъ мнѣ, говорить, ваше превосходительство, одинъ чело-вѣкъ тоже за вѣрное сказывалъ, что вы изволите взятки брать, такъ развѣ я этому вѣрю?..» Чиновникъ такъ и сѣлъ. *(Хохотъ.)* Одно слово, кабы этому нашему Фирсу Григорьичу да хвостъ приладить, такъ и собаки не требуется. *(Хохотъ.)*

Обрѣзовъ *(вздохнувъ)*. Одно слово, за наши грѣхи у насъ Терехи дьяки.

(Въ это время по сценѣ проходитъ тихо Алеша Босой и скрывается въ своемъ дупль.)

Пріѣзжій. Это чтò за чело-вѣкъ?

1-й фабричный. Купецъ былъ, да, тонувши, тронулся въ умѣ.

Пріѣзжій. Скажите, страсть какая!

1-й фабричный. Онъ смиренъ: никого не трогаетъ. Облюбовалъ вотъ садъ хозяйскій, вонъ тамъ въ дуплицѣ и почуешь. Не любитъ только, если къ нему подойти туда изъ изнавѣсти, и то не сердится, а съ перенугу обхватить и держится, что никакъ не оторвать его. Все думаетъ, что тонеть.

Челночекъ. А я опять, ребята, къ Фирсу! Чтò я на него, братцы мои, только, въ Питеръ ѣздивши съ нимъ, насмотрѣлся! Молодчина! Поѣдемъ, бывало, на балъ куда или въ

маскарадъ: я сижу съ шубой на лѣстницѣ,—смотрю, что ни лучшую какую барыню, французенку тамъ, или англичанку, мой Фирсъ Григорьячъ и тащить; а какую пониже сортомъ—Иванъ Максимычъ. Привезутъ ихъ домой, и ужъ тутъ такое колыванье пойдетъ, что ажъ чертямъ ужасно—ничего не пожалѣетъ для женщины. «Что», говоритъ, «вы вулеву? Потому вулеву, вы», говоритъ, «такъ вулеву; а не вулеву, такъ и какъ хотите». — По болоту, говоритъ, охотиться хочу, амазонкой. «Дѣлай, говоритъ, намъ, Пашка, болото». Ну, и лей на полъ шампанское по самыя щиколотки. Будь, говоритъ, лягашомъ, залей,—я лягу и локчу, а она смѣется. Скусное вино — прелестное. (*Обтираетъ губы.*) А на-утро, глядишь, Иванушко хоть молодешенекъ, да головы не подниметъ, а этотъ соколомъ встрепенется, подкрасится, подфабрится, вздѣнетъ фракъ и пошелъ къ министрамъ тамъ да къ сенаторамъ дѣла обдѣлывать. Устали ему никогда нѣтъ.

1-й фабричный. Да и посейчасъ онъ такой!

Челночекъ. Ему, братъ, такъ кукушка пакуковала: ему, пока подъ святые положить, перемѣны не будетъ.

1-й фабричный. Онъ и помретъ-то, такъ его не сразу похоронишь.

2-й фабричный. Да одно слово анаѰема.

3-й фабричный. Разбойникъ.

4-й фабричный. Блудникъ и душегубецъ.

Челночекъ. А что про блудъ, такъ вы это и оставьте! Это вотъ этотъ змѣй, что въ сказкѣ сказывается, что изъ озера выходилъ, да что ни есть всѣхъ первыхъ красавиць то себѣ забиралъ,—это вотъ онъ самый и есть.

Обрѣзовъ (*тихо*). А не къ лицу бъ ужъ бабушкѣ дѣвичьи пляски.

Челночекъ. Ну, это ты напрасно его, дядя, бабушкой-го зовешь! Онъ еще какъ ястребъ: зацѣлуетъ курочку до послѣдняго перушка. (*Полизивъ тонъ.*) Онъ, вотъ видите, нонѣ все бросилъ и за Мариной Николавной поперъ... ужъ это онъ отъ нея теперь ни въ жизнь свою не отстанетъ.

Обрѣзовъ. Врешь ты, дуракъ, не такая Марина Николавна.

Челночекъ. Да ужъ какая она ни будь, отъ него не отвертится. Ни одной вѣдь такой еще не было. Онъ ужъ, я знаю, онъ чего захотѣлъ, такъ онъ вѣдь не ѣсть, не

петь, глазъ не сведеть, а все думаетъ, и ужь тутъ вотъ сказки ты ему, что его смерть за это ожидаетъ, пусть вотъ море дѣло передъ нимъ разольется, онъ такъ и въ море ползетъ. А опять же и то сказать, что вѣдь и Господь бабу изъ кривого ребра создалъ: никто вѣдь и за нее впередъ отвѣчать не можетъ.

Голоса фабричныхъ. Не такая Марина Николавна.

Челночекъ. Опять же-таки я вѣдь ничего въ сея обиду не сказалъ. Я такъ говорю, что кто знаетъ, что бабѣ на умъ придетъ. Вонъ мнѣ въ Петербургѣ сказывали, что тамъ одна барышня арана родила. (*Хохотъ.*) Черниціи-пречерный, говорятъ, родился, и какъ только родился, сейчасъ какъ гаркнетъ по-черкесски: я, говоритъ, въ васъ пыжиалъ пушу! Окрестили въ нашу вѣру—пересталъ.

2-й фабричный. Да за женщину какъ поручиться!

Челночекъ. То-то и дѣло. Кто ее знаетъ, что и отъ нея отродится. Вѣдь вотъ съ хозяиномъ проклажается же. (*Насмѣшливо.*) Можетъ развѣ, что у нихъ промежъ себя ничего опричь такой любви и пѣтути.

2-й фабричный. Это никакъ невозможно.

Челночекъ. Ну, это тоже опять нельзя сказать, что невозможно. У господъ есть такая ухватка, чтобы вдводемъ чорта дразнить. Сидутъ, обоймутся, да: «ахъ, какъ я васъ!»... а та: «ахъ, сколь я симъ счастлива!»... (*Хохотъ.*)

1-й фабричный. Вотъ и у хохловъ безмозглыхъ тоже такая мода.

Челночекъ. Да, да, да. Жилъ я у князя Рѣнина, въ полтавской губерніи, въ имѣніи, тоже видалъ это: сидутъ хохоль съ хохлушкой, гдѣ-нибудь надъ овражкомъ или надъ рѣчкой, да и заводутъ (*пародируютъ*): «Не помогутъ слезы счастью»... а естественнаго ничего.

1-й фабричный. У насъ этого нѣтъ.

Челночекъ. Какъ можно! (*Сплюнугъ.*) У насъ изъ эстаго просто.

Обрѣзовъ. Что вы все про какой вздоръ мелете! Вотъ ужь сколько разъ я замѣтилъ, что гдѣ только этотъ Пашка замѣшался, тамъ ужь добрыхъ рѣчей не дожидайся. Давайте лучше про дѣло-то потолкуемъ. Иванъ Максимычъ вѣдь сейчасъ придетъ и спроситъ, что же мы артель, что ли, составимъ? Надо это порѣшить. Онъ такъ хочетъ, чтобы всѣхъ приставниковъ, что за матеріалами смотреть, прочь.

Сами, говорить, устройте, чтобъ нечего за вами смотрѣть было, и какъ воровства не будетъ, я вамъ процентъ дамъ.

1-й фабричный. Какой такой процентъ?

2-й фабричный. Это не слыхано.

Обрѣзовъ. Да вѣдь вамъ въ толкъ объ этомъ Иванъ Максимычъ рассказывалъ.

1-й фабричный. Поняли мы! да вѣдь кто его знаетъ

2-й фабричный. Опять какъ же ты за другихъ поручишься, что онъ не украдетъ?

Голоса. Это никакъ невозможно.

Обрѣзовъ. Да съ чего кто красть-то станетъ, если другъ за друга поручимся?

1-й фабричный. Съ чего? Мало ли съ чего кто крадетъ!

Пріѣзжій. Иной привычку такую имѣетъ, что къ этому приверженъ.

2-й фабричный. А есть такіе, что просто со скуки крадутъ.

Челночекъ. Да это чтò про то толковать! Безъ этого никакъ невозможно.

Обрѣзовъ. Что ты это врешь-то? Почему это невозможно.

Челночекъ. Потому, что мы въ этомъ дѣлѣ въ родѣ какъ порченые: даже кому и не нужно, не своей охотой крадетъ.

Обрѣзовъ. Э-ка дура, чтò городить! Да ты самъ-то русский или турка?

Челночекъ (*вздохнувъ*). Я не русский и не турка, а изъ Пинтера фигурка.

Обрѣзовъ. Да турецкое у тебя и разсужденіе.

Челночекъ. Нѣтъ, дяди, я знаю, что это тоже не сироста, а по благословенью дѣлается.

Обрѣзовъ. Отъ кого жь это могло быть такое благословеніе, чтобы красть?

Челночекъ. Отъ странника. Ходилъ такой странникъ по свѣту и былъ уловленъ отъ дванадцати лыжъ и процять на дрѣвѣ, и никто за него не заступился. Вотъ какъ онъ на дрѣвѣ началъ томиться, и начали люди приходять къ нему съ жалостію, чтобъ спасать его. Сунулись первые пѣмцы, потому безъ нихъ и вода не освятится, ихъ вездѣ спрашиваютъ. «Господине честной, говорятъ, хочешь ли, мы тебя отторгуемъ?» Онъ покивалъ на нихъ головою и говоритъ: «Ступайте, торгуйтесь-себѣ цѣлую жизнь». Такъ они по этомъ слову его завернулись и пошли, и все тор-

гують, и до вѣка всѣмъ торговать будутъ. Тутъ сейчасъ французы, народъ этакой верткій. «Господине честной, давай, говорить, мы [тебя отвоюемъ]. — «Ступайте, — говорить, воюйте-себѣ цѣлую жизнь». Такъ они все и будутъ цѣлый вѣкъ воевать, и все безъ толку. Тогда ужъ наши русаки, — какъ они противъ нѣмцевъ и французовъ, разумѣется, обстоятельнѣй, то видятъ, что не хочетъ онъ ни торговлю, ни отъемомъ спасаться. «Господине честной, давай, говорить, мы тебя уворуемъ». А опъ намъ и брикни: «ступайте, говорить, воруите-себѣ цѣлую жизнь». Вотъ намъ этого никакъ перестушить и невозможно: мы и воруемъ.

Обрѣзовъ. О, брехунъ, брехунъ! Такъ стало ужъ по-твоему до вѣку намъ со всѣми этими художествами и не разстаться?

Челночекъ. Какъ можно до вѣку художеству быть. Это все до тѣхъ поръ художество, пока у петербургскихъ свинтусовъ въ грудяхъ живое сердце забьется. Мнѣ одинъ человекъ на Невѣ на перевозѣ сказывалъ: «видишь, говорить, молодецъ, передъ художествъ академіей двѣ каменныхъ собаки въ колпакахъ лежатъ? Это, говорить, не собаки, а свинтусы. Изъ города Фивъ, изъ Египта, ихъ привезли; съ тѣмъ, говорить, ихъ и привезли, что пока въ этихъ свинтусахъ живое сердце не затрепещется, до тѣхъ поръ, чтобъ пи-ша! чтобъ ничему значить настоящему не быть, а будетъ все только какъ для виду. Такъ и Иванъ Максимычъ, хоша онъ и желаетъ это сдѣлать, но только все это для виду будетъ. Да и то сказать, самъ-то онъ еще противъ Фирса уцѣлѣетъ ли? Не довелось бы еще скоро ему самому изъ-подъ нечи порослѣть мануть.

Обрѣзовъ. А тицунъ бы тебѣ на языкъ за это.

Челночекъ (*сухо*). Да вѣдь это вчернѣ сказано: коли не правится, и похѣритъ можно.

Пріѣзжій. Нонѣ судъ не такой, чтобъ такія беззаконія съ рукъ сходили.

Челночекъ (*вздохнувъ*). Что судъ! Что такое, милый человекъ, судъ! У насъ до суда заворотятъ тебя туда и сюда хуже мороженаго. Неужли жъ ты такъ думаешь, что если этотъ судъ точно правый, такъ противъ его уицаться будетъ некому? Нашъ братъ въ самый послѣдній секундъ — и тогда еще норовитъ штуку выкинуть, чтобъ отъ чего слѣдуетъ уворачиваться. Я вотъ вамъ къ примѣру скажу, я въ Вильнѣ видѣлъ, какъ поляковъ вѣшали. Идутъ, бывало,

который еще съ фантазіей, а который плачетъ. Ну, ужъ какъ увернуться, и думки въ нихъ не видно. А нангъ и тутъ свой терминъ держитъ: все поровитъ на выдумки. Въ Крыму я, въ ратникахъ бывши, видѣлъ, какъ двухъ мѣщанишекъ иѣшали, что провіянтъ непріятелю продавали. Такъ и не очень, чтобъ авантажко ихъ и вѣшали-то—въ простой деревушкѣ—ну только веѣхъ насъ эти висѣльники посмѣшили. Спрашиваетъ одного командиръ: не имѣеть ли, говорить, какой просьбы?—«Имѣю», говоритъ. Что такое? «А чтобъ меня за шею, говорить, ваше благородье, не вѣшать, потому я, говорить, щекотки боюсь»... Нѣтъ, братъ, хоть ежели чему и неминучее быть, такъ все это хоть на минутую чѣмъ-нибудь за уголъ заводить стануть.

Пріѣзжій. А вошъ это, гляди, вашъ хозяинъ съ компаніей идетъ.

Челночекъ (*заглядываетъ*). Онъ и есть. Иванъ Максимычъ, Дробадоновъ и Марина Николавна. Вотъ ты теперь посмотри ее: одно слово, хрящикъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(*Показываются вдали Марина Николавна, которая ведетъ за одну руку Дробадонова, за другую Молчанова. Фабричные встаютъ и отходятъ въ сторону.*)

Пріѣзжій. Можетъ-быть, уйти намъ отсюда.

Челночекъ. Нѣтъ. У насъ изъ эстаго просто—никому гулять не заказано.

Молчановъ (*въ пальто, съ дорожною сумкою черезъ плечо*).
Здравствуйте, ребята!

Голоса. Здравствуйте, Иванъ Максимычъ! (*Молчановъ и Дробадоновъ садятся на скамейку.*)

Марина. Ребятки! слетайте кто-нибудь въ домъ, принесите оттуда сюда столикъ, и самоваръ пусть сюда вынесутъ. Только живо, ребятки!

Челночекъ (*выдвинувшись впереди всѣхъ*). Сейчасъ, Марина Николавна.

Марина. Да Дѣичу вели, чтобы бутылъ вина прислалъ. Хозяинъ васъ желаетъ попотчивать.

Челночекъ (*живо*). Сейчасъ. (*Къ фабричному.*) Андрюшка, думѣ вмѣстѣ. (*Убѣгаютъ. Прочіе фабричные отходятъ дале. Молчановъ снимаетъ съ плеча сумку и кладетъ ее.*)

Марина. Вотъ видишь, Ваня, какъ хорошо и какъ легко

теперь на свѣтъ смотрѣть. И выйдетъ все наше горе не къ горю, а къ радости. Не грянулъ бы громъ, мы бы не по-рекрестились! *(Живо)*. Спасибо тебѣ, Калина Дмитричъ! Десять разъ я тебя уже благодарила, а еще и въ одиннадцатый не погнушайся. *(Подаетъ ему руку)*. Дай я тебя, Калина Дмитричъ, поцѣлю! *(Встаетъ и быстро его цѣлуетъ.)* Спасибо, другъ нашъ истинный! Ты намъ голову поставилъ на плечи.

Дробадоновъ. Ну, легко ли — есть за что благодарить! Слово сказать всякій скажетъ, не всякая только душа прицять его можетъ.

Молчановъ. Итъ, братъ Калина Дмитричъ, твоей услуги я повѣкъ не забуду. Спасибо тебѣ, спасибо. *(Жметъ ему руку.)*

Дробадоновъ. Теперь справляй дѣла, да не сердись: помни, что на Руси у насъ на сердитыхъ воду возить.

Молчановъ. Дѣла! *(Вздыхнувъ.)* Да, буду дѣлать дѣла и вернусь... и все здѣсь застану... *(беретъ за руку Марину и съ чувствомъ)* все постылое будетъ, одного милаго не встрѣчу.

Дробадоновъ. А ты не сживай со свѣта постылую, чтобы сохранилъ Богъ милую.

Марина *(помолчавъ)*. Послушай, Ваня! такого уговора не было, чтобы скучать. Вотъ видишь, какой ты не крѣпкій.

Молчановъ *(долго на нее смотритъ)*. Марина, за что ты меня любила? Ничего, таки ровно ничего я не далъ тебѣ, кромѣ слезъ вмѣстѣ и слезъ въ разлукѣ.

Марина. Не урекай себя. Не ты въ томъ виновать. Кто любилъ, тотъ и плакалъ. Она любовь, какъ въ иѣснѣ свѣто про нее: «горюча любовь, слезами полита,—такова любовь на свѣтѣ создана».

Дробадоновъ. Слезы тѣ минули. Теперь другое будетъ... Будетъ наша Маринушка жить тихонько, за Невой широко; будемъ мы навѣщать къ ней въ Питеръ въ гости; встрѣтимся—поцѣлуемся, разойдемся—другъ о другѣ помолсимся... доживемъ тихой старости, станемъ съ клякою подъ ручки другъ съ дружкой въ церковь ходить да на твоихъ дѣтей радоваться... *(Ударивъ Молчанова по плечу.)* Полно задумываться!

Марина. Ваня! не вѣсь головы.

Дробадоновъ. Не вѣшай головы, тебѣ говорятъ. Примѣта скверная, если конь передъ битвой голову вѣситъ.

Молчановъ (*пріободряясь*). Иѣтъ, я ничего.

Дробадоновъ (*Молчанову*). Ну, я пойду, скажу, чтобъ запрягали. Пора вамъ: ужъ совсѣмъ стемнѣло.

Марина. Иди, вели закладывать.

(*Дробадоновъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и Челночекъ (*съ самоваромъ въ рукахъ. За нимъ другой паренъ съ чайнымъ приборомъ. Выходитъ луна.*)

Марина (*Челночку, усаживаясь за самоваромъ*). Вотъ Паша молодецъ! А я тебя еще впервой и вижу, какъ ты вернулся. Ты вѣдь теперь совсѣмъ заграничный сдѣлался. Ну, что жъ ты дѣлалъ тамъ, за границей?

Челночекъ. Трактиръ Корещенкову въ Парижѣ, Марина Николавна, становили.

Марина. Поправилось тебѣ въ Парижѣ?

Челночекъ. Н-ничего городишко.

Марина. Лучше нашего?

Челночекъ. Совсѣмъ не сравнивать, Марина Николавна. Гораздо нашего превосходитѣйше.

Марина. Скажи пожалуйста! Что жъ ты тамъ что замѣтилъ такое?

Челночекъ. Какъ же, Марина Николавна, не замѣтить! много есть прекраснаго. Какъ только сейчасъ первый шагъ, какъ изъ самаго агона выйдешь, сейчасъ надписи всякія: тутъ «пуръ для дамъ», тутъ «пуръ для мужчинъ». Прекрасно все.

Молчановъ (*слыась*). Ишь, падь чѣмъ остановился!

Челночекъ. И обращеніе, Иванъ Максимычъ, совсѣмъ другое. Запрещеніевъ тоже меньше. (*Закрывающимъ голосомъ и глядя на Молчанова.*) У нихъ, что госнода, что такіе, идутъ по улицѣ да все «*тру-ля-ля—тру-ля-ля*»,—а у насъ теперь Фирсъ Григорычъ Клязевъ даже такой строкуляръ издасть, чтобъ даже по городу голосу никто звѣсть не смѣлъ, а тамъ всѣ горланять.

Марина. А ему что, Фирсу, ваши пѣсни помѣшали?

Челночекъ. Да такъ это, Марина Николавна, значить для политики, чтобъ запретъ отъ него исходилъ.

Марина. Эхъ, ребята, смотрю я на васъ, стыдно васъ и

ребятами-то звать. Залучили бъ вы его въ темномъ мѣстѣ, да такую бъ политику ему шпандаремъ задали... Это одному страшно, а вѣдь васъ сколько на фабрикахъ! на всѣхъ вѣдь не разыщется и со всѣхъ не взыщется. А хотя бъ и взыскалось! Рыло въ крови, да наше взяло — вотъ молодецкая ухватка!

Челночекъ. Да развѣ, Марина Николавна, въ томъ? Разумѣется, если-бъ онъ сюда, то бъ... Тутъ ба его по куточку не достало!

Голоса фабричныхъ. Э, если бъ онъ здѣсь-то показался! — Тутъ-ба его и рѣшеніе!

Марина. Ну, это я шутила. *(Подавая Молчанову чай.)* А ты опять заневѣстился, голову нуришь! Ваня! Ваня! *(Челночекъ отходитъ.)* Ванюша! Ваня! Ваня! *(Поднимаетъ его голову.)* Ахъ, какой характеръ! Тебя въ руки берешь, а ты разсынаешься. *(Горько.)* Не вѣсь головы! Уѣдемъ такъ, чтобъ наше горе смѣялось. *(Фабричнымъ, которые пьютъ водку.)* Ребята! повеселите-ка хозяина: онъ что-то скученъ! Пѣсню! пѣсню, ребята! пѣсню! такую, чтобъ горе смѣялось.

Фабричные. Сейчасъ, Марина Николавна! *(Скучиваются. Одинъ достаетъ изъ-подъ полы кларнетъ и даетъ тонъ.)*

Хоръ.

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Во лузяхъ, во зеленыхъ лузяхъ. (bis)
Выросла, выросла,
Выросла трава шелковая. (bis)
Врознь попили, врознь попили,
Врознь попили духи малиновые (bis).

Марина. Живо, ребята, живо! *(Становится передъ Молчановымъ и подбиваетъ.)*

Хоръ (чаще).

Ужъ я той, ужъ я той,
Ужъ я той травой выкормлю коня. (bis)

Марина. Чаще!

Хоръ.

Выкормлю, выкормлю,
Ужъ я выкормлю, вывожу его. (bis)
Поведу, поведу,
Поведу я коня къ батюшкѣ. (bis)

Марина *(кокетливо трогаетъ плечами и бровью и топаетъ въ тактъ ножкой).*

Хоръ.

Государь, государь,
Государь ты мой батюшка. (bis)

(Марина вынимаетъ бѣлый платокъ и платитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Въ это время изъ глубины сцены, изъ-за кулисъ выходятъ тихимъ не замѣчаемые Князевъ, Анна Семеновна, Мякишевъ, Марья Парменовна, Минутка, Колокольцовъ и купцы. Князевъ даетъ своей компаніи знакъ остановиться и одинъ, попрежнему тихимъ не замѣчаемый, тихо подходитъ къ тѣсенникамъ.

Хоръ (продолжаетъ).

Ты прими, ты прими,
Ты прими мою ворона копя. (bis).

Марина (останавливается и, положила Молчанову руки на плечи, смотритъ ему въ глаза).

Хоръ (протяженье).

Ты услышь, ты услышь,
Ты услышь слово ласковое,
Ты прими слово привѣтливое.

Марина (всплескивая руками). Да услышь же, Ваня, слово ласковое и прими слово привѣтливое!

Молчановъ (съ чувствомъ). Жизнь моя! что я съ тобою теряю!

(Оба бросаются другъ къ другу и плачутъ.)

Князевъ. Люблю дѣвку за издѣвку!.

(Всѣ оборачиваются на его голосъ. Общее смѣненіе. Молчановъ почти падаетъ на скамью. Марини смѣло выступаетъ и загоразживаеъ его собою. Фабричные тихо жмутся и прлчутся другъ за друга.)

Князевъ (язвительно вздохнувъ). Это хоть бы и на театрѣ представить не стыдно! (Подходитъ съ палочкой къ фабричнымъ и всматривается въ ихъ лица.)

Молчановъ (отодвигая Марину). Это что еще за штука повая!

Марина (удерживая его). Ванюша! Ваня, не горячись!

Молчановъ. Постой,—и даже вовсе не сержусь. Я только смотрѣть хочу, что это? Вломилась въ домъ!

Князевъ (фабричнымъ). Что же, голосистые соловушки?

Пли пѣсня кончена? *(Всматривается произительно въ каждое лицо.)*

Челночекъ *(про себя)*. Ухъ, глазници! *(Юркаетъ съ заднихъ рядовъ.)* Въ молоко взглянуть, молоко скиснется.

Князевъ *(водя палочкой надъ головами толпы и ударяя по маковкѣ спрятавшася Челночка)*. Ты, какъ тебя? Павлушка, кажется?

Челночекъ *(робко)*. Я, Фирсъ Григорычъ, здѣсь машинальцо... *(Оправляясь.)* Я чай подаю по Марины Николаевниному приказанію.

Князевъ. А она здѣсь у васъ приказываетъ. *(Фабричнымъ, подыая палку по направленію къ дому.)* Вонъ!
(Всѣ уходятъ, перегоня другъ друга; послѣдній плетется Обрзвовъ. Челночекъ впереди всѣхъ.)

Марья Парменовна. Ну, это жъ не разбойникъ ты? Есть же еще, думаешь, послѣ этого хуже тебя человѣкъ на свѣтѣ. *(Къ Маринѣ.)* А ты что здѣсь прохлаждаешься? *(Хватая ее за рукавъ.)* Я вѣдь тебя здѣсь не боюсь.

Марина *(топнувъ ногою, отрываетъ руку)*. Прочь!

Марья Парменовна *(въ испугъ отскакиваетъ)*. Ишь ты кака!

Анна Семеновна. Отойди отъ нея, Маша, отойди.

Марья Парменовна *(отходя и косясь на Марину)*. И-ишь!.. А ты не очень-то!

Марина *(Марья Парменовитъ)*. Мужейдка!

Молчановъ *(вскакивая)*. Кто имъ ворота отперъ?

Князевъ. А кто бы смѣлъ опекунамъ не отпереть воротъ? Я здѣсь хозяинъ нынче, а не ты, безпутникъ! Его сегодня только-что немножечко остепенить хотѣли, а онъ, изволишь видѣть, какъ остепеняется: вино, фабричные, да вотъ раснутая бабенка, сбѣжавшая отъ мужа... продажная красавица

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Челночекъ *(радучись возвращается и прлчается за деревьямъ вблизи Молчанова)*.

Марина *(удерживая Молчанова)*. Молчи, молчи, Иванъ Максимычъ!

Князевъ *(не обращая вниманія на ея слова)*. Прощу полюбоваться, господа! Хорошъ, хорошъ купецъ, супругъ женѣ своей, отецъ дѣтямъ и доброму отцовскому хозяинъ Иванъ

Максимыч! А эта скромница (*на Марину*)... на всѣхъ глядитъ, не знаешь, кого выбрать, чтобъ подъ полу кинуться.

Марина (*схватывая Молчанова за руки*). Оставь, оставь: онъ насъ нарочно дразнить!

Князевъ. Вотъ, говорить, что почему намъ поучаться у молодыхъ! Какъ нечему? Грѣшили, можетъ, люди и въ наши дни, да все это бывало со стыдомъ, отъ глазъ человѣческихъ прятались, а нынче, видите. (*Указывая обними руками.*) Жена вотъ она, вотъ теща-матушка и тесть, а вотъ супругъ съ любовницей обнявшись стоятъ, и словно быть всему тому такъ слѣдуетъ. Дай протереть глаза. (*Протираетъ платкомъ глаза.*) Стоятъ, дѣйствительно стоятъ! (*Строго.*) Ну, будетъ этого! (*Вскинувъ головой.*) Я васъ прошу, господинъ голова, сейчасъ потребовать у него всѣ счета и фактуры, которые у меня украдены и ему переданы. Они мнѣ нужны, чтобъ принять дѣла. (*Бросается къ Молчанову.*) А ты ступай къ женѣ!

Молчановъ (*уступаяя Князева*). Вы хоть опомнитесь! Мнѣ кажется, вы ужъ съ ума свихнули съ тѣхъ поръ, какъ глупая толпа дала вамъ въ руки власть. Прошу васъ дальше. Не вводите въ грѣхъ: я самъ дамъ сдачи.

Князевъ (*въ азартѣ*). Ты сдачи дашь? ты? Вяжи его, ребята! Я объявляю вамъ, онъ воръ. Онъ утаилъ билетъ въ двѣ тысячи. (*Грозно.*) Обыскивай его. (*Всѣ порываются и не могутъ рывиться. Челночекъ высовываетъ голову.*)

Князевъ (*Челночку*). Ну! (*Челночекъ схватываетъ Молчанова сзади за локти. Вмѣдъ за нимъ упиливаются Кацунниковъ и Гвоздевъ. Князевъ схватываетъ Марину и жметъ ее съ скрытымъ сладострастьемъ. Молчановъ борется.*) Держи его! (*Получая отъ Марины толчокъ, быстро отлетаетъ и чуть не падаетъ.*)

Марина (*бросается къ Молчанову, разстегиваетъ пуровицу у его сюртука и кричитъ*). Бѣги, и съ Богомъ!

Молчановъ (*вырывается, оставивъ въ рукахъ державшихъ его одинъ сюртукъ, и убѣгаетъ въ глубь парка*).

Князевъ (*Марья Парменовна*). Машута! другъ, бѣжи за нимъ! Чего жъ ты смотришь, глупая! Бѣжи скорѣй, оставни. Вѣдь онъ твой мужъ... еще пожалуй въ озеро прыгнетъ. (*Марья Парменовна и мать ея убѣгаютъ за Молчановымъ.*) Господа! а вы-то что жъ? вѣдь всѣ въ отвѣтъ бу-

дете! Ловите! *(Всѣ убѣгаютъ въ паркъ. Остаются на сценѣ Марина и Князевъ.)*

Князевъ *(бросается на лежащій сюртукъ Молчанова). Топись теперь, дуракъ! Мнѣ этого и надо. (Вынимаетъ изъ кармана Молчановскаго сюртука бумажникъ.)*

Марина *(иллюминация до сихъ поръ вельдъ бѣгущимъ, быстро про себя). Боже, что я надѣлала? (Князеву.) Подай! подай назадъ. (Ловитъ его за руки.) Подай! разбойникъ!*

Князевъ *(скоро прячетъ бумажникъ въ карманъ). Ага! пеструшечка, ты вотъ она. (Обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Боятся.)*

Князевъ *(борясь). Послушай! Не дурачься, не дурачься...*

Марина *(отчаянно). Подай! подай бумаги!*

Князевъ. Ты одурѣла!

Марина. Эй, люди!.. люди!.. люди!..

Князевъ. Кличь вѣтра въ полѣ!..

Марина. Я съ тобой и безъ людей одна справлюсь. *(Отбрасываетъ Князева.)*

Князевъ *(отлетая). Га! Безъ людей справишься!.. Ну, такъ при людяхъ же не справишься! Эй, люди! люди! люди! Свести ее въ полицію, чтобъ къ мужу выслали.*

Марина *(ломая руки). Что дѣлать? Боже мой, что дѣлать?*

Князевъ *(схватывая Марину за руку). Дѣлать!.. Не гребуй мною! Я немногаго хочу!*

Марина. Я не люблю жъ тебя!

Князевъ. И не надо! Ты этимъ докажи ему, что ты его-то любишь... Да, да, любя-то ни за что вѣдь хорошія жепщины не стоятъ... Опъ вѣдь про то и знать не будетъ... опъ вздвигнется, съ чего это все перевернется... *(Обнимаетъ ее.)* Лапка, лапка! все въ твоихъ рукахъ!

Марина *(съ омерзѣніемъ устраняясь отъ объятій). Эхъ!.. Вѣдь, знаю, ты обманешь...*

Князевъ *(еще сильнѣе обнимая). Нѣтъ! нѣтъ... какіе тутъ обманы! (Впивается въ нее и цѣлуетъ, держа руками ее лицо.)*

Марина *(съ отращеніемъ). Н-н-ну!.. Ахъ, пусти!.. Пусти же на минуту! (Про себя.) О Боже, умудри меня, какъ мнѣ отнять? (Князеву.) Такъ ты не лжешь?.. Такъ ты его отпустишь?..*

Князевъ. Ты отпусти его... Пеструшечка! Забѣнышь, заслужи... пушу...

Марина (*про себя, глядя на дупло, гдѣ стоитъ Босой*). А если, какъ на грѣхъ, его здѣсь нѣтъ сегодня? (*Князеву, прозя пальцемъ*.) Гляди жъ, не обманн!

Князевъ. Толкуй себѣ про глупости!

Марина. Ну, такъ и быть, идемъ... Пойдемъ отсюда: здѣсь не годится вмѣстѣ быть... Здѣсь люди ходить... Здѣсь мы сейчасъ съ нимъ вмѣстѣ сидѣли... не хорошо...

Князевъ (*задыхаясь*). Ничего это мнѣ, ничего!.. я тѣмъ не гребую.

Марина. Штъ! Ты обѣщала, что побережешь мой стыдъ... Пойдемъ. Я знаю, куда тебя сведу. (*Бьютъ оба, взявшись за руки. Князевъ съ той стороны, въ которой приходится дупло Босого*.)

Марина (*порывавшись съ дупломъ, быстро толкаетъ въ него Князева, держитъ его и отчаянно вскрикиваетъ*). Душа святая, заступнись!

Босой (*хватая Князева*). Тону! тону! (*Держитъ Князева*.)

Князевъ (*въ ужасъ*). Максимъ! Максимъ! Пусти, я буду каяться! (*Вздымаетъ въ страхъ руки. Марина быстро выхватываетъ у него изъ кармана бумаги*.)

Марина. Ха-ха-ха! (*Истерически хохочетъ и, оставляя Князева въ рукахъ Босого, бѣжитъ. На половинѣ сцены она сстырячается съ постылающимъ къ ней Дробадоновымъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Марина (*падая въ изнеможении на грудь Дробадонова*). Ахъ, гдѣ ты былъ, Калина Дмитричъ? Я силъ моихъ лишилась! (*Теряетъ чувства*.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и показываются Колокольцовъ, Марья Парменовна, Минутка и прочіе бывшіе здѣсь кутцы.

Дробадоновъ (*насмѣшливо кутцамъ*). Скорѣй, друзья: хорекъ въ силки попался.

Колокольцовъ (*увидя Князева*). Что это значить, Дробадоновъ?

Дробадоновъ (*поднимая на руки Марину*). Должно-быть значить то, что гдѣ лукавыя уста молчатъ, тамъ безумныя руки за работу берутся. (*Уноситъ Марину*.)

Минутка (*про себя*). Опять потяшулю пчелку на красный

медокъ. Прихватило! (*Кутцы освобождаютъ Князева изъ рукъ Босою.*)

Князевъ (*охрипшимъ голосомъ*). Молчановъ гдѣ?

Колокольцовъ (*къ Князеву*). Это нельзя! Онъ прямо плюнулъ на меня тутъ... на жилетъ... въ лицо, и тутъ вотъ... въ это мѣсто... по плечу... немного выше... по галстуку...

Князевъ. Оставь про вздоръ молотъ!

Колокольцовъ. Да, это вздоръ; но я терпѣть не могу такой фамиллярности, чтобъ по лицу меня...

Князевъ. Остави! Всѣ знаютъ, что онъ дрянъ, а ты хороший человекъ.

Колокольцовъ. Хорошій? Такъ развѣ всѣхъ хорошихъ такъ ужъ и бить по щекамъ? Вамъ ничего, а онъ вѣдь два раза меня ударилъ. Я хочу знать по крайней мѣрѣ, за что?

Князевъ. Онъ сумасшедшій. (*Приложилъ палецъ къ устамъ, про себя.*) Онъ сумасшедшій!

Челночекъ (*выбѣгая изъ-за кулисъ*). Хозяина поймали, Фирсъ Григорычъ, и ведутъ. (*Подобострастно.*) Я первый, Фирсъ Григорычъ, ухватилъ... подставилъ пожку: онъ и чебурахнулъ!

Князевъ (*про себя*). Га! Ну, храбрый витязь, сражались мы съ тобой до этихъ поръ тупыми концами, теперь давай перевернемъ конья да острыми ударимся. (*Вслухъ.*) Въ мою коляску и везите въ городъ! Вы видѣли его сегодня всѣ: онъ сумасшедшій.

Колокольцовъ. Да, да. Онъ плюнулъ мнѣ въ лицо и три плюхи мнѣ далъ. Онъ сумасшедшій!

Всѣ (*качал головами*). Онъ сумасшедшій, сумасшедшій.

(*Занавѣсъ падаетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Большая, каменная кладовая, такъ-называемая «полатка». Дверь посрединѣ изъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ массивными гвоздями на тяжелыхъ петляхъ. По сторонамъ этой двери два продолговатыхъ окна, продолгающія почти подъ потолокъ. Здымленный очажокъ, служащій для варки клею и красокъ. Тюпки, кисти, кадѣ съ красками, пухи правъ и разбросанный хламъ. Вѣсо на авансценѣ большой, окованный желѣзомъ сундукъ, передъ нимъ столъ, на

столъ глиняный кувшинъ съ водою и стаканъ, въ которомъ горитъ конопляное масло. Столъ и сундукъ загорожены отъ входа грубыми крашенными ширмами.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Марина (въ темномъ шерстяномъ платьѣ съ накинутою на плечи бѣличьей шубкою, крытою алымъ или чернымъ бархатомъ. По открытїи занавѣса сидитъ на сундукѣ. Нѣсколько секундъ молчанїя. Она съ утомленїемъ смотритъ въ огонь печика)... «Прошло лѣто, пришла осень, пришла теплая весна; наступаетъ злое время — то холодная зима». Славная пѣсенка; да некому ее спѣть... (Задумывается.) Да, ужъ и лѣто, и осень почти минула съ тѣхъ поръ, какъ Ивана Максимыча въ сумасшедшїй посадили; а на бумагу, которую Калина Дмитричъ отъ него послать, до сихъ поръ ни отвѣта, ни привѣта нѣтъ. Сорокоустъ успѣють отчитать, пока этой защиты дождемся... И я здѣсь сижу въ этой кладовой у Дробадонова совершенно напрасно... Отъ матери, и отъ той скрыто, гдѣ я; а Фирсь Князевъ все по-иски править: его не обманешь. Вчера опять, Калина Дмитричъ говоритъ, посулы дѣлать, что дать сто рублей тому, кто его на мой слѣдъ наведетъ; а кормовыя на пересылку давно представлены... За сто ли рублей у насъ не найдется охотника человека продать, лишь бы пронюхали. (Пауза.) Да мнѣ ужъ и самой наскучило!.. Три мѣсяца изо дня въ день одна-одинѣшенька въ этой порѣ съ крысами выси-дѣла... Не умѣла я въ тѣ поры рѣшаться, когда слѣдовало. Не въ Петербургъ мнѣ надо было съ Ванею собираться да не надѣяться, какъ Калина Дмитричъ увѣрилъ, старости доживать другъ друга жалѣючи; а надо было прямо ея по-жалѣть: разогнаться самой да въ воду. Вотъ бы и конецъ былъ... Пагуба я, какъ есть для всѣхъ пагуба... Теперь еще, если здѣсь найдутъ, и онъ и Калина наотвѣчаютъ... А онъ еще-было задумать гдѣ-то мнѣ фальшивую бумагу хлопотать... Легко ли дѣло: очень нужно людей губить! Уйти я и безъ всякихъ бумагъ уйду; а чтѣ со мной будетъ — это мнѣ все равно... Бродяга, такъ и бродяга: развѣ не все равно. Это чѣмъ не острогъ!.. Охъ-охъ-охъ! (Задумывается и заводитъ вполголоса.)

Ужъ ты молодость, моя молодость!
Красота ль моя, краса дѣвчья!..

(Плачетъ.) Пѣтъ, не поютея съ горя и горькія пѣсни! (Утираетъ слезы.) Какія все были рѣшенія, какія большія, да какія хорошія—и ничего изъ нихъ не повыходило... Ты себѣ умудриешься, а врагъ себѣ умудрится: вотъ и поручись за то, что ты сдѣлаешь... Особенно вотъ теперь, какъ въ одиночествѣ одурь взяла и сто дней изо дня въ день не знаешь, чего дожидаться, кто его знаетъ, на что бѣ кинулся, только-бъ истомѣ этой конецъ положить. (Осматривается.) Есть тутъ мышьякъ; есть веревки... Прости Господи душу грѣшную... что за дурь въ голову лѣзетъ... А особенно нынче... Нынче ужъ день какой-то... словно ему такъ не минутъ безъ чего страшнаго. (Слышитъ сой бури.) Ишь, востъ!.. Неспокойна я всегда въ это время... Что это и Калина Дмитричъ нынче что-то запоздалъ... Не могу сидѣть одна... дверь нарочно отперла... Все вотъ будто смерть мнѣ въ глаза засматриваетъ: нѣтъ, нѣтъ да и вздрогну. (Кладетъ руки на столъ и опускаетъ на нихъ голову.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Марина и ея мать (слѣпая).

Мать (входя ощупью съ клюкою). Куда жъ я это, дура, забрела? Хотѣла черезъ дворъ пройти на кухню корочекъ поискать, размочить. Провести-то некому—и забрела не знаю куда. (Громко.) Эй! есть тутъ живъ человекъ, гдѣ это я?

Марина (вздвинувъ и есакивая). Родимая! родимая! (Бросается къ матери.) Ты ль это, матушка?

Мать (ропая клюку). Марина! дочка! (Ощупываетъ руками ея лицо.)

Марина. Я, матушка! я, я! Иди сюда, садися; дай мнѣ хоть посмотрѣться на тебя. (Ведетъ мать къ сундуку.)

Мать. Такъ ты не умерла? А мнѣ все шутить, говорятъ на улицѣ: «твою Марину-то, говорятъ, распотрошили».

Марина. Распотрошили, матушка, распотрошили. Я ужъ три мѣсяца здѣсь прячуся отъ нашихъ лиходѣевъ.

Мать. Смотри пожалуйста! А я вѣдь вѣрила, что нѣтъ тебя. Я такъ и говорю, когда меня чѣмъ попрекають здѣсь: я говорю, все это оттого, что нѣтъ моея дочки Маринушки: ужъ она бы, говорю, хоть при какомъ великомъ горѣ, меня въ обиду не дала бы. А ты, голубушка, жива! (Лаская ее.) Лебедушка моя! голубка!

Марина. Ахъ, родная моя!.. Жива; да что по мнѣ... куда мнѣ выступить?

Мать. Такъ вмѣстѣ будемъ жить... я при тебѣ останусь... а то меня все... гонять вонъ... Калина Дмитричъ выйдетъ со двора, а мать его съ сестрой и гонять... «Вонъ, говорятъ, ступай, толгѣга старая»... По всякій часъ ему не жалуясь... терплю...

Марина. Ахъ, матушка, не говори! У тебя нѣтъ дочки; я же могу тебя взять: я сама въ амбарѣ скрываюсь...

Мать. Въ амбарѣ! Зачѣмъ въ амбарѣ?

Марина. Къ мужу выслать хотять.

Мать. На что ты ему? Онъ пьяница, онъ все прошель, инсали.

Марина. Такъ что жъ? На зло это дѣлають.

Мать. Все на зло, дитя, дѣлають. Какъ я плакала, какъ сказали, что ты пропала, просила, чтобы меня съ Молчановской дачи не выгоняли... *(понижая голосъ)* нѣтъ... не послушали, на зло выгнали. Фирсъ Григорычъ сказалъ: «Здѣсь, говоритъ, не богадѣльня, а опека теперь... Ступай, говоритъ, свою дочь разыщи, тогда и упокой тебѣ будетъ». А я баю, гдѣ баю мнѣ, родной, нескать ее? меня, говорю, слѣую, собаки съѣдятъ... «А ты, говоритъ, съ палочкой». Все, дѣточка, у насъ наше добро отобрали: два твои матеревыя платья взяли. Ты ихъ сама выработала на кружевахъ; а они говорятъ, это, говорятъ, Молчановъ дарилъ...

Марина. Богъ съ ними, матушка! Какія тамъ платья считать: мы сами пропали.

Мать. Да, да, да, дѣтка! Я ужъ такъ себѣ и думала, какъ меня вчера обидѣли: не найду, говорю, если ее еще три дни, Маришунки, и жизни себя рѣшу; да вотъ и нашла. А то онѣ, мать-то съ сестрой Калины Дмитрича, безъ него все вонъ меня гонять. Калина Дмитричъ говоритъ: «Иди, старушка, со мной щи ѣсть»; а когда его нѣтъ, онѣ и хлѣбъ отъ меня забирають. Не какъ мы съ тобой дуры, когда было чтѣ, всѣмъ были щедрыя да раздачливыя. «Иди, говорятъ, по міру—ты убога: тебѣ всякій подастъ». Опомедни послушала ихъ: пошла у сосѣдей попросить, а ребятишки собаками травить стали балующись -- несъ злой такой кипулся, тутъ за самую грудь и прокусилъ, а мнѣ отбѣился не видно его... Смѣются: это за то, говорятъ, эту грудь прокусилъ, что дочку гордячку выкормила... Я ужъ нонеч

вечеромъ на кухню хожу: тюрьку себѣ изъ корочекъ мочу.

Марина. Мамушка, да ты-бѣ самому-то объ этомъ сказала!

Мать. На что, дѣтушка, ссорить ихъ! Онъ говоритъ: «ѣшь со мной щи, старуника». Я съ нимъ и ѣмъ, когда дома онъ. Это онъ, пересмѣшница. Онъ говорятъ: о чемъ, старая, плачешь? Я въ уголкѣ о тебѣ плачу, а имъ говорю: про домикъ свой плачу. По холоду-то теперь, донюшка, похожу, все въ домикъ и мапется. Тенленькій, говорю, у насъ свой домикъ былъ; печечка въ углѣ была... старья косточки плачуть по печечкѣ... А онъ на свою печь не пуцають... иѣ-тъ, не пуцають,—сами спать. При немъ погрѣюсь, а безъ него... «не рожать было, говорить, дочки гордячки». И Фирсъ Григорычъ пamedии за обѣдней конеечку подалъ мнѣ и тоже говоритъ: «падо бы, говорить, тебя дочкѣ-то твоей пожалѣть. Ишь, говорить, ты какое мѣское челобитье, въ лубочкѣ связанное»... Пожалѣй меня, дочушка!

Марина. Мамушка! сердце мое разорвалось тебя слушаючи; да что жъ я подѣлаю?

Мать. Домикъ, говорить, вашъ отдамъ, говорить Фирсъ-то Григорьевичъ.

Марина. Матушка! да неужели-жъ ты не знаешь, чего онъ отъ меня хочетъ-то?

Мать. Ничего про то не сказалъ. Такъ вѣрно, чтобъ ты покорилась хочеть.

Марина. Такъ! такъ!.. Мамушка, кто нынче что-нибудь такъ дѣлаеть? О, Боже мой! Да скорѣе солнце на востокъ съ запада пойдетъ, чѣмъ мужчина что-нибудь женщицѣ такъ, даромъ сдѣлаеть!

Мать. «Не хорошо, говорить, что даетъ собакамъ грудь-то твою кусать, откуда молоко сосала. Это, говорить, была ея житница». Я, говорю, не ропщу на Господа: у меня добрая, честная дочь, а люди смѣются: «Что, бають, честь, когда нечего ѣсть». Встъ, говорятъ, у бабушки Дросиды Аленка може не совсѣмъ очень честная, да у ней, у безчестной дочери, мать и сыта, и одѣта, и въ храмъ Божій выйти ей есть въ чемъ, за дочериницъ грѣхъ помолиться, п ты-бѣ, говорить, такъ-то молилась. А я того ничего не знаю: мнѣ только въ домикъ нашъ съ тобою хочется.

Марина (*ломая руки*). Охъ, Боже мой! Боже мой! вправду посылай лучше тяжелое свое горе одному несгъ!

Мать (*лаская Марину*). Ты не сердися, доча: можетъ, я что глупое говорю.

Марина. Мамуника! дѣлала ты для меня когда грѣхъ какой? что-нибудь такое, въ чемъ каяться надо, сдѣлала такое?

Мать. Не знаю, дитя, какъ тебѣ сказать про это: какъ въ оснѣ ты лежала маленькая, тогда мы тоже были при бѣдности—Молчанова не было—пу, я горохъ для тебя крапа и вишенъ, чтобъ тебѣ ротокъ освѣжить.

Марина. А больше?

Мать. Курочку тоже однѣ разъ у дяконницы словила, изжарила, какъ тебя лихоманка томила. Отецъ дяконъ-то свелъ меня тогда въ полицію: «Вотъ, говоритъ, воровку поймалъ,—но законамъ ее надо судить», да покойникъ квартальный, Пиканоръ Пиканорычъ, дай ему Богъ царство небесное, «ничего, говоритъ, это». Два раза меня прутомъ ударилъ, да и говоритъ: «отпустите, говоритъ, ее, отецъ дякъ, съѣдомое, говоритъ, это не грѣхъ». Я тебѣ ее и зажарила и лапшницы съ нею сварила.

Марина. Больше что, матушка? больше?

Мать (*подумавъ*). Фирь Григорычъ, какъ Молчанова утопилъ... я это видѣла съ берега, съ тобой—ты у груди была—я съ тобой сидѣла и видѣла... а онъ говоритъ: молчи, я тебя сотенной одарю—я и молчала.

Марина (*въ ужасѣ*). Мамуника! неужто-жъ ты видѣла это?

Мать. Видѣла, дѣтка. Ты про это молчи. Онъ мнѣ все заплатилъ: я тебѣ тутъ-то все покупила... Онъ послѣ сказалъ: молчи, а то отвѣчать будешь вмѣстѣ со мною. Я тутъ-то и молчала...

Марина. Матушка! ты жъ богобойная. -

Мать. Что, дитя, дѣлать-то было. Богъ-то не люди: Онъ, милосердный, помилуетъ. Не моими руками то сдѣлано. Онъ говоритъ вчера: «домика жалко, старуха?» Какъ, говорю, не жалко. «А Марина твоя-бъ, говоритъ, ко мнѣ пришла покориться, я-бъ ей отдалъ его». Я, молъ, не знаю. «Такъ, говоритъ, съ постельнаго крыльца пукай стукнешь, я самъ отпущу».

Марина (*заслоня лицо матери*). Матушка! Матушка, что ты это сказала! Ты помрачилась. Лучше, хочешь, давай умереть вмѣстѣ!

Мать. Я ужъ тебѣ про смерть говорила. (*Плача*.) Только домика, дѣточка, жалко... Тамъ теперь... Дреснда съ Ален-

гой живутъ; имъ тамъ тепленько въ наимеъ домищѣ... Тамъ бы, ребенокъ, и умерли... *(Въ трубу къ камину раздается довольно громкій гулъ сверху внизъ и падаетъ одинъ куртичь.)*

Марина *(въ испугѣ)*. Что это! *(Торопливо.)* Иди! иди, матушка, а то тебя хватятся.

Мать *(вставал)*. Ты меня гоняшь, дочушка!

Марина. Нельзя, нельзя! Обѣ задаромъ пропадемъ.

Мать *(идущи)*. А ты жъ теперь завтра меня приди навѣстить.

Марина. Хорошо, хорошо! *(Ведетъ мать къ двери.)* Я буду думать... Спи ты сегодня весело... я буду думать... Я все... все, что въ свѣтѣ есть возможнаго, все тебѣ едѣлаю. *(У самой двери.)* Но какъ ты дойдешь? *(Выглянувъ за дверь.)* Боже мой! почъ какъ тюрьма,—ты расшибеешься вся.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Въ сводахъ камина показывается спустившийся изъ трубы Челночекъ. Онъ зорко слѣдитъ за Мариной.

Марина *(матери)*. Постои, моя мамушка. Что тамъ ни будетъ, я тебя провожу до крыльца. Темно: авось никто не увидитъ. *(Накидываетъ шубейку на плечи и уходитъ, усодя подъ руку мать.)*

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Челночекъ *(одинъ, вылезаетъ изъ камина и отряхивается)*. Вотъ какъ! По вѣдьмински лазимъ. Большою дорогою въ трубу. *(Осматриваясь.)* Тутъ она, голубушка, тутъ. Не даромъ Фирсовъ глазочекъ отсюда дымокъ-то примѣтилъ. *(Возвращается къ камину и дергаетъ за веревку, конецъ которой спустилъ съ собою.)* Андрюша! *(Въ трубу.)* Андрюша!.. есть! *(Закидываетъ веревку въ глубь каминнаго свода и самъ быстро прячется за кули, или за кадъ.)*

Челночекъ *(усаживаясь)*. Теперь, Фирсъ Григорычъ, сотенную, братъ, присылай. *(Садится такъ, что его не видно.)*

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Челночекъ и Марина.

Марина *(вбѣгаетъ, сильно взволнованная, едова переводя духъ, падаетъ на сундукъ)*. Охъ!.. охъ!.. Они меня видѣли! Теперь все пропало... Удержаться нельзя было. Я ее довела до крыльца и хотѣла вернуться... Она тамъ въ сѣняхъ по-

скользнула въ вѣдъмахъ... и думала, что она расшиблась... вскочила за нею... а они дверь отворили съ огнемъ... *(Челюпочекъ то высосывается изъ-за кади, то снова прычетъ.)* Нѣтъ, теперь все равно пропадать... По крайней мѣрѣ пропадать не безъ пользы... Она мнѣ разорвала своими рѣчями всю душу мою, и теперь я своими глазами смотрѣла, въ окно, какъ они надъ нею смѣялись... Вздорь! вздорь! Надъ чѣмъ тутъ задумываться! Развѣ она задумывалась, когда для меня крала? Развѣ она задумывалась, когда Фирсовъ страшный грѣхъ брала себѣ на душу? Развѣ ей не больно и не странно было губить душу свою? А у меня совѣсть! А у меня совѣсть! Совѣсть! совѣсть! Когда мать для насъ и стыдъ, и совѣсть забываетъ, мы не совѣстимся, мы беремъ это; а намъ имъ долтъ отдать совѣсть зазреть?.. *(Схватывая себя за горло.)* Да развѣ смѣешь ты про совѣсть свою думать, когда у твоей матери псы грудь рвутъ; когда у твоей матери люди ложку изъ рукъ отнимаютъ; когда у твоей матери угла нѣтъ?.. Нѣтъ; въ такой совѣсти нѣтъ совѣсти! нѣтъ! Все, мамушка, все: стыдъ, совѣсть, жизнь... любовь мою и мой позоръ... все, все возьми, родная, за твою прокушенную грудь! *(Накрывалась торопливо платкомъ.)* Теперь, Фирсъ, ты досталъ меня! Звѣзды небесныя! закройте ваши свѣтлые глазки, пока пробѣгу я! *(Бѣжитъ и у двери останавливается и возвращается.)* А для чего жъ, одну любовь блюди, губить другую? Себя не пожалѣть, такъ можно никого не обидѣть! Себя не пожалѣвши, можно все сдѣлать! *(Кидается къ одному изъ лициковъ, беретъ изъ него горсть порошка и, всыпавъ его въ кусокъ синей бумаги, быстро сворачиваетъ.)* Это мышьякъ! *(Челюпочекъ безпрестанно высосывается и слѣдитъ за Мариной.)* Да, я обману его! Я скажу ему, чтобы онъ домъ за мать закрѣпилъ, а потомъ... онъ ничего отъ меня не дождется. *(Строго.)* Что я это путаю? Вѣдь это отъ позора неотвратимаго можно, а отъ горя развѣ это простится... если на жизнь покушаться... Прочь! *(Бросаетъ свертокъ подъ столъ и толкаетъ его ногою.)* Я приду; я дамъ обѣщанье; пусть онъ запретъ меня у себя на выникъ, пока сдѣлаетъ матери крѣпость; послѣ... подушкой голову оберну и брошусь въ окно, и уйду... пль расшибусь. *(Бѣжитъ къ десертъ и сталкивается съ Дробидоновымъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тъ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ *входитъ съ большой лисьей шубой, съ зашнурованнымъ за уши воротникомъ. Подъ полой у него зажженный фонарь, который онъ вынимаетъ съ ту самую минуту, когда бѣгущая въ дверь Марина почти-что съ нимъ сталкивается. Челочекъ, порывающийся бѣжать вслѣдъ за Мариной, при видѣ Дробадонова сноса прячется.*

Марина *(увидѣвъ свѣтъ, въ ужасѣ вскрикиваетъ и прижимается спиной къ кади)*. Аѣ! аѣ! Кто это? кто? кто ты?

Дробадоновъ. Чего ты? Богъ съ тобой! чего?

Марина. Кто это съ свѣтомъ? *(Всматривается и узнаетъ.)*
А, это ты, Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ. Да что ты? Кому же больше здѣсь и быть?

Марина *(хрустятъ пальцами)*. Да Богъ знаетъ... все какъ-то лутко такъ... *(Оглядывается.)* Будто кто здѣсь не свой есть?

Дробадоновъ. Куда жъ это ты шла?

Марина *(съ замышательствомъ)*. Я это такъ... Такъ здѣсь хожу покрывшись, чтобъ веселѣй.

Дробадоновъ *(дѣлаетъ добродушную ироническую гримасу, обнимаетъ фамильярно Марину за плечи, ведетъ къ столу и сажаетъ)*. Садись-ка и сиди! *(Ставитъ на столъ фонарь. Полуосвѣщенная до сихъ поръ кладовая остываетъ сплошь.)*

Дробадоновъ *(улыбнись и сбросивъ шубу)*. Сказать тебѣ по правдѣ, я, братъ, и самъ сегодня трусу чуть не спраздновать.

Марина. Что такъ? *(Слышна буря)*.

Дробадоновъ. Да вогъ все бури эга. Скажи на-милость, что вѣдь захватить цѣлое облако неску, были мерзлой, и такъ вотъ и гонить, словно какъ сила нечистая передъ мечомъ архангельскимъ мчится. Небо-то все *(дѣлаетъ рукою)* тэкъ-тэкъ-тэкъ... Такъ и трясется, такъ ходоромъ и ходитъ. Дѣнча — во всему городу прошелъ, встрѣтилъ только одного Дѣнча: «иду, говоритъ, Фирсъ Григорычъ къ головѣ посылають дожидатъся его; онъ утромъ денешъ прислалъ, что непременно нынче къ вечеру изъ Питера воротится»; а то кромѣ Дѣнча ни одной Божьей души на улицѣ, и вѣтеръ, знаешь это, вдоль улицы-то такъ и реветъ медвѣдемъ.

Марина *(Буря)*. И здѣсь слышно.

Дробадоновъ. Что здѣсь! Нѣтъ, вотъ тамъ на площади ты побыла бѣ. Съ собора сорвало крестъ и на цѣпяхъ вертеть его по крышѣ: грохотъ, звонъ, словно кто съ неба на заукокойную обѣдню звонить.

Марина. Чтѣ это за страсти, въ самомъ дѣлѣ, въ городѣ пошли!

Дробадоновъ. Ужъ и не говори! Съ веспы еще начали люди примѣчать, то куры пѣтухами пѣли; то канна изъ печей уходила. Про псовъ и говорить ужъ нечего, что побѣсился; а сегодня, скажи ты, иду я сейчасъ отъ Ратицей берегомъ, уронилъ палочку, сталъ поднимать и рукою рака схватилъ. Ну, скажи пожалуйста, въ это время ракъ-то да на сухомъ берегу?

Марина *(живо)*. Ты былъ на Ратицахъ?

Дробадоновъ. Сейчасъ оттудова.

Марина *(живо)*. Изъ сумасшедшаго дома! Ну что, здоровъ онъ? живъ Иванъ Максимычъ?

Дробадоновъ. Да! Я сегодня лавку заперъ рано: все равно, торговли не было, да думаю: вотъ въ этакой день ужъ и Фирсъ не поѣдетъ, да и махнулъ. Насилу допустили. Теперь еще строже—приставникъ такъ и не отходить, и всѣ подкуплены отъ Фирса, чтобъ никого не допускать. Мы, говорить, ему въ томъ присягали. Насилу за двѣ четвертинки уломалъ.

Марина *(спокойнѣе)*. Ну, и что жъ:

Дробадоновъ *(поглядѣвъ на нее)*. Онъ сумасшедшій, любя!
(Пауза. Марина смотритъ на свои ноги.)

Дробадоновъ. Пространства никакого нѣтъ тамъ, тѣснота одна и очень ужъ зловонно. Такъ стопалицо, а по серединѣ каровать, и онъ лежитъ, подъ мышку и въ колѣняхъ перевязанъ.

Марина *(равнодушно)*. Это на что онъ связалъ?

Дробадоновъ. Нельзя, говорить, не вязать: встоскуется, начнетъ метаться, плакать, о стѣны бьется, а ночью на медни голову, говорить, въ рѣшетку въ окнѣ завязилъ. *(Пауза.)* Истопили они его тѣмъ, что отпуску ему никуда нѣтъ: со всѣмъ узнать его нельзя. Другіе прочіе хоть въ коридоръ выпускаются, а онъ никуда... Маринушка, что жъ ты молчишь?

Марина *(сдвигая броси)*. А? *(Вздыхаетъ.)*

Дробадоновъ *(тихо)*. Я далъ еще десятку, чтобъ его пу-

стали погулять по коридору. Обѣщали. Понче Фирса по-будеть: погода, и онъ головы изъ Петербурга дожидается; они и пустить. (*Смотритъ на свои карманные часы.*) Э, да ужъ онъ теперь разминается, гуляеть... Марія Николавна! скажи жъ покрайности спасибо! (*Трогаетъ ее за руку.*)

Марина (*раздумчиво*). Скажи пожалуйста... не знаешь ты, что это такое значитъ: что ты мнѣ говоришь о немъ, а мнѣ его... совсѣмъ не жаль?.. Мнѣ словно никогда его и не было.

Дробадоновъ. Что ты это говоришь-то это? Кого ты обма-риваешь?

Марина (*пожавъ плечами*). Пѣтъ, право!

Дробадоновъ. Да это что жъ такое?.. Послунай! Ми-лушка! Марина Николавна!.. Да что же ты молчишь?.. (*Трясетъ ее за плечо, она сидитъ въ томъ же положеніи.*) Ты вотъ послунай-ка, что люди-то говорятъ: это хорошо, гово-рятъ, что онъ въ сумасшедшемъ отсидится, а то бы, говорятъ, его за голову въ каторгу сослали. И Минутка, какъ уѣзжалъ, это же самое говорилъ... (*Опять трогаетъ ее.*) Да что же ты пугаешь меня, что ли, Марина Николавна? (*Трясетъ ее за плечо.*) Ну, а если пугаешь, такъ я тебѣ и не скажу... (*Пауза. Др. смотритъ на Марину.*) Такъ и уѣду въ Питеръ... Да; вотъ черезъ два часа и уѣду, потому мнѣ жаль его... я на него сегодня смотрѣть не могъ... а ты каменная... сердце-то у тебя изъ стали, изъ стали сдѣлано... Я бы, можетъ быть, могъ бы и тебя свести теперь показать его... да что жъ брать безчувственную... (*Въ отчаяніи со всей силы качаетъ ее назадъ и впередъ за плечи.*) Да что же ты — окаменѣла, что ли!

Марина (*не слышно*). Чего тебѣ?

Дробадоновъ. Да ты скажи, моль, отвяжись ты, что ли, прочь!

Марина (*задумчиво*). Мнѣ не нужно его видѣть... Ты не слыхаль, какъ женщины, которыя отъ родовъ умирають, дѣтей своихъ видѣть не хотятъ,—такъ и онъ мнѣ... (*махнувъ рукой*) не нужно! Я имъ измучилась... Я изслабѣла, все это въ себѣ всю жизнь посвннн... Теперь мнѣ и его не жалко.

Дробадоновъ. Что ты это, дѣвушка! Богъ съ тобой. Сто дней бодрилась—и вдругъ на сто первомъ...

Марина. На сто первомъ кнутъ, Калина Дмитричъ, люди умирали.

Дробадоновъ. Перестань! стыдись! У Бога много дней.

Марина. Въ лютой порѣ все дни бываютъ люты. (*Веки-путь головою.*) Что мать моя у тебя какъ живетъ? Успокой ты ее.

Дробадоновъ. Сударушка ты моя! Будь только ты-то въ своемъ видѣ; а я не хвасталъ тебѣ: я ей ужъ келійку ставлю противъ бани на огородѣ и дѣвчонку въ няньки приставлю къ ней.

Марина. Сбереги ее.

Дробадоновъ. Какъ мать родную сберегу. (*За сценою слышны шумъ и легкій трескъ, какъ бы пошатнулся заборъ. Челночекъ, при первомъ звукѣ этого шума, кидается къ двери, откидываетъ крючокъ и тѣми же стопами крадучись опять скрывается.*)

Марина (*протягивая Дробадонову руку*). Накажешь вѣрять этому?

Дробадоновъ (*сжимая ея руку*). Какъ счастья тебѣ желаю, какъ люблю тебя.

Марина (*удерживая въ своей рукѣ его руку и глядя въ лицо ему*). Спасибо тебѣ за твою дружбу; два спасибо за твою любовь. (*Дробадоновъ конфуется.*) Чего ты застыдился? Мнѣ кажется, что я ужъ вся постыбла, что все равно, что итъ меня... что стыдиться, что любить? Я это знала.

Дробадоновъ (*утираетъ слезу*). Да что жъ съ тобою?

Марина. Спроси жъ вотъ! Изслабѣла.

(*Повторяется слыть шумъ.*)

Дробадоновъ (*въ испугъ*). Что это значить?

Марина (*спокойно*). Пойди, взгляни. (*Дробадоновъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Марина одна и **Челночекъ** (*спрятанный, но безпрестанно выставляющийся*).

Марина. Одна! одна, цѣлый вѣкъ одна, а горя столько, что не знаешь, къ которому лицу оборачиваться... (*Пауза*). Калина Дмитричъ поѣдетъ въ Петербургъ, а я за нимъ велѣдъ ночью уйду, куда глаза глядятъ, и будь ужъ то, что въ судьбѣ моей написано!

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ (вбѣгаетъ встревоженный и смущенный, но старается скрыть это). Скажи пожалуйста, ты не помнишь, у насъ, какъ мы здѣсь сидѣли, дверь заперта была?

Марина. Разумѣется, была заперта.

Дробадоновъ. Гм... странно! (Опять шумъ, уже неслравненно болѣе и постоянно увеличивающійся до слѣдующаго явленія.)

Дробадоновъ. Шумить это вѣтеръ; а все дѣло скверно. Ты не сказала мнѣ, что тебя видѣли. (Челночекъ крадется и снова откидываетъ крючокъ и опять прячется.) Тамъ мать твоя съ моею матушкой поссорилась и... я не знаю... Мой совѣтъ... про всякій случай куда-бъ-нибудь тебѣ отсюда пока уйти... Куда? (Думаетъ. Въ это время шумъ вдругъ увеличивается, дверь растворяется и на порогъ появляется Князь, а за нимъ еще видно нѣсколько головъ. Дробадоновъ бросается на нихъ съ неистовымъ крикомъ, выбрасываетъ ихъ за порогъ и схватывается за дверь.) Га! такъ это вотъ кто вбѣтъ съ бурей ходить! Марина Николаевна, заступь дай мнѣ! ломъ подай! пѣшню! (Держась за дверную скобу, борется съ усилями тѣхъ, которые рвутъ дверь снаружи. Челночекъ ползетъ на четверенькахъ, чтобы схватить Дробадонова за ноги. Дверь то отворится усилями вѣшней партіи, то усилями Дробадонова снова захлопнется. За сценою голосъ Князева). Ломай въ мою голову!

Марина (съ возвратившеюся мгновенно энергіей). Вотъ опъ, судьба рѣшитель! (Беретъ изъ подъ-стола свертокъ съ мышьякомъ, торопливо бросаетъ въ ротъ щепотъ яду и, захлебнувъ изъ кувшина, идетъ смѣлою, рѣшительной походкой къ Дробадонову. Въ это мгновеніе Челночекъ уже готовъ схватить ноги Дробадонова, но Марина даетъ ему презрительно толчокъ по лицу тыловою частью лѣвой кисти. Челночекъ отскакиваетъ, держась за щеку. Марина беретъ за обѣ руки Дробадонова.)

Марина. Пусти! (Отрываетъ его руки.) Меня никто отсюда не возьметъ.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Фирсъ Князевъ, въ сопровожденіи многихъ мущинъ, квартальнаго и полицейскихъ.

Князевъ (входя). Здорово, добрый другъ Калина Дмитричъ! (Идовито Маринѣ.) Болтаютъ люди, что будто здѣсь кто-то чужихъ женъ скрываетъ. Должно быть врутъ

Марина. А ты еще не радуйся. Что не въ рукахъ, тѣмъ не играй покудова.

Князевъ (полицейскимъ). Берите ее!

Челночекъ (прежде всѣхъ схватываетъ Марину за плечи).

Марина (презрительно на него оглядывается и не сопротивляется).

Челночекъ (Маринѣ). По своей волей, Марина Николаевна: начальство приказываетъ. (Гляди на Князева.) Должны мы, его подначальные, слушаться. (Говоритъ полицейскимъ.) Подай веревочку!

Князевъ (полицейскимъ). Ну, что жъ вы стали! двое берите! (Два полицейскихъ солдата съ выраженіемъ тупого равнодушія и трое мущинъ, потупивъ глаза, берутся за Марину и завязываютъ ей руки за спиною.)

Марина. Ха-ха-ха-ха! всѣмъ міромъ ухватитесь! (Нервно.) Холопы Князева! (Воружъ бльнѣетъ. Лицо ея искажается муками. Нестерпиво.) Прочь! прочь! Прочь, я больна... Вамъ говорю я... дайте съѣсть мнѣ... законъ больныхъ падить.

Дробадоновъ (съ поднятымъ надъ головою тяжелымъ железнымъ заступомъ, громовымъ голосомъ). Прочь! распластаю! (Полицейскіе и мущине, держащіе Марину, бросаютъ ее и быстро отскакиваютъ въ стороны.)

Марина (Дробадонову тихо и сквозь сжатые зубы.) Калина Дмитричъ, развяжи!

Квартальный (солдатамъ). Освободи ее.

Дробадоновъ (срывая веревку съ руки Марины). Уже освободили.

Марина шатается, схватывается за край одной кадки и, поддерживаемая Дробадоновымъ, тихо опускается на полъ. Черты лица ея страшно искажены внутреннею болью). Воды мнѣ!.. снѣгу!.. льду!.. Я умираю!..

Дробадоновъ (кидается къ столу, чтобы взять кув-

шинъ съ водою, и, увидѣвъ мышьякъ, беретъ его и въ ужасѣ роняетъ). Все кончено: она себя отравила! (Подаетъ Маринѣ кувшинъ съ водою; всѣ разматриваютъ ядъ.)

Марина (оттѣвъ изъ кувшина, глдитъ на окна, въ которыхъ въ это время во всю ширь показывается яркое зарево). Вездѣ... вездѣ огонь... (Мышлясь.) Огонь и тутъ (указывая на свою грудь) и тамъ (указывая на окно), вездѣ огонь... (Падаетъ.)

Мѣщане. Пожаръ! Городъ горитъ! (Раздается набатъ.)
Голоса за сценой. Молчановская фабрика горитъ!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же и Спиридонъ Обрѣзовъ.

Обрѣзовъ (вбѣгая вполнѣхвату). Фирсъ Григорьичъ! батюшка! несчастье! Въ одну секунду все огнемъ обняло—хлопочка не спасли!

Князевъ (про себя). Зато и счеты, и концы сгорѣли.

Обрѣзовъ. Онъ самъ почти весь до костей обжегся.

Марина (притоднимаясь). Ванюша? милый? онъ?

Обрѣзовъ (Маринѣ). Онъ, матушка Марина Николаевна. (Князеву.) Его схватили тамъ, за хлопчатými анбарами. Изъ сумасшедшаго онъ вырвался и какъ архангелъ-метилъ все сжегъ свое и со своимъ чужое.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и 1-й мѣщанинъ.

1-й мѣщанинъ (вбѣгая). Поджигателя сюда ведутъ.

Князевъ. Зачѣмъ его сюда?

Челночекъ (Князеву). Должно быть къ вашей милости.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и толпа народа тащитъ подъ руки Молчанова. Сзади голову Молчанова поддерживаетъ Алеша Босой. Молчановъ въ пестромъ, тиковомъ больничномъ халатѣ и кожаныхъ туфляхъ на босыхъ ногахъ. Онъ обросъ бородой, блѣденъ, съ помутнившими дикими глазами.

Князевъ. Въ острогъ его!

Одинъ изъ приведшихъ. Нельзя, не доведешь... Ужъ онъ конаетъ. Фирсъ Григорьичъ, весь въ волдыряхъ.

(Молчанова опускаютъ на полъ. Онъ сидитъ одну минуту и падаетъ навзничъ, ногами къ зрителямъ.)

Босой (*опускается на колѣни въ головуъ Молчанова, беретъ его голову въ руки, смотритъ ему въ лицо черезъ лоуъ и беззвучно шевелитъ губами*).

1-й мѣщанинъ. Т-се! отходить.

Марина (*поднимающаяся съ усилемъ и ползняя на колѣняхъ къ Молчанову, падаетъ ему на грудь, съ воплемъ*).
Ваня! Ваня!

2-й мѣщанинъ. Скончался.

Босой (*затягиваетъ унисономъ*). «Со избранными избраць будеши»...

Князевъ (*бьетъ Босою палочкой*). Молчи, юродивый!

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Колокольцовъ (*въ снотовой шубѣ, подпоясанный хорощимъ ремнемъ, съ большимъ кожанымъ, дорожнымъ порт-старъ черезъ плечо на шнурѣ*). Нигдѣ нельзя проѣхать... Въ огнѣ весь городъ... Что это у насъ дѣлается!

Дробадоновъ. Одна вѣдь намъ работа: изъ ничего дѣлатворить; а что воистину у людей слыветъ дѣлами (*разводя руками*), то въ смѣхъ, да въ дымъ, да въ пепель обращать.

Колокольцовъ (*уныло*). Да, да... въ губернии завтра судъ открывается... и насъ съ вами, Фирсѣ Григорычъ, первыхъ передають суду.

Князевъ. Что врешь? за что? съ какого повода?

Колокольцовъ. Доносъ Минутка сдѣлать.

Князевъ. Доносъ! Минутка! Гдѣ онъ?

Колокольцовъ. Онъ тамъ остался въ Петербургѣ. Онъ домъ себѣ купилъ въ Подьяческой и кассу ссудъ открылъ съ крещеными поляками.

Князевъ (*закусываетъ молча губу*).

Дробадоновъ. Вотъ насъ какими новый судъ засталъ.

Князевъ (*съ тивомъ*). Что судъ! Пусть судятъ: мѣрь это дѣлать, а не я.

Колокольцовъ (*обрадованный*). Да; мѣрь вѣдь цѣлый не осудить: его нельзя сослать.

Князевъ. Мѣрь не судимъ.

Дробадоновъ (*уныло качая головою*). Мѣрь не судимъ и Фирсѣ не судимъ. Они другъ друга создали и другъ другу работаютъ. (*Князеву*) Вамъ нѣтъ еще суда, ума и совѣсти пародной расточителямъ.

Марина (*въ предельныхъ мученіяхъ, поднимается на*

локоть. Дробадоновъ ее поддерживае́тъ). Тссс!.. Пчела жужжитъ... Господній вѣстникъ смерти... (Строго.) Молчите всѣ!.. Она меня зоветъ... домой... къ Судьѣ небесному... отъ васъ, судей ничтожныхъ. (Умирае́тъ.)

Дробадоновъ. Умерла! (Набатъ.)

Голосъ за сценой. Шкитья церковь занялася.

Квартальный (солдатами). Къ церкви! (Убѣгаетъ со всеми полицейскими.)

Другой голосъ за сценой. Домъ Фирса Князева горитъ!

Князе́въ (вздрагивая, мѣщанинъ). Ко мнѣ на дворъ!

Одинъ изъ мѣщанъ (указывая на Молчанова и на Марину). А ихъ теперь, Фирсъ Григоричъ, какъ?

Князе́въ (убѣгая). Покинь!

(Голоса, и все мѣщане суетливо убѣгаютъ.)

Дробадоновъ (вслѣдъ Князеву). Покинь! (Вздохнувъ.) Не допадетъ Фирсъ Князе́въ мертвечи́ны.

(Занавѣсъ падаетъ.)

Оглавление

XXXVI ТОМ.

	стр.
Мелочи архіерейской жизни. Приложение III. Русское тайнобрачіе.	3
Импровизаторы. (Картинка съ природы)	47
Расточитель. (Драма въ 5 дѣйствіяхъ)	65

Общее оглавление

всѣхъ 36-ти томовъ сочиненій Н. С. Лѣскова.

стр.

Томъ I.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Критико-біографическій очеркъ Р. П. Сементковскаго	5
Соборяне. (Хроника). Часть I	67

Томъ II.

Соборяне. (Хроника). Части II—V.	3
--	---

Томъ III.

Запечатлѣнный Ангелъ.	5
Праведники:	
Предисловіе	73
Однодумъ	76
Пигмей	108
Кадетскій монастырь.	122
Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырѣ.	154
Русскій демократъ въ Польшѣ.	158

Томъ IV.

Праведники:	
Несмертельный Голованъ	5
Инженеры-безсребренники	51
Лѣвна	109
Человѣкъ на часахъ	142

Томъ V.

Очарованный странникъ	3
Шерамуръ	136

Томъ VI.

Обойденные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части I и II.	5
---	---

Томъ VII.

Обойденные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть III	3
На краю свѣта	103

Томъ VIII.

Некуда. Романъ въ 3-хъ книгахъ. Книга первая, гл. I—XXIV.	5
---	---

Томъ IX.

Некуда. Книга первая, гл. XXV и книга вторая, гл. I—VII.	5
--	---

Томъ X.

Некуда. Книга вторая, гл. VIII—XXX	5
--	---

Томъ XI.

Некуда. Книга третья	5
--------------------------------	---

Томъ XII.

Островитине. Повѣсть	5
--------------------------------	---

Томъ XIII.

Вонтедьница. Очеркъ	3
Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда. Очеркъ	83
Грабежъ	131
Антука. Разсказъ	173

Томъ XIV.

Овцебыкъ. Разсказъ	3
Кольванскій мужъ. (Изъ остзейскихъ наблюденій)	70
Ракушанскій меламедь. Разсказъ на бивуахъ	130
Бѣлый орелъ. Фантастическій разсказъ	166
Чертогонъ	187

Томъ XV.

Смѣхъ и горе	5
------------------------	---

Томъ XVI.

Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ:	
Очеркъ первый. Бояринъ Ингита Юрьевичъ	3
Очеркъ второй. Боярыня Марѳа Андревна	30
Очеркъ третій. Плодомасовскіе карлики	61
Котинъ доилецъ и Платонида	86
Тупейный художникъ. Разсказъ на могилѣ	126
Томленіе духа. Изъ отроческихъ воспоминаній	148
Пламенная патріотка	157
Безстыдникъ	166

Томъ XVII.

Захудалый родъ. Семейная хроника князей Протозаповыхъ. Въ двухъ частяхъ.	
---	--

Часть первая.—Старая княгиня и ея дворъ	5
Часть вторая.—Старое старится—молодое расгеть	117

Томъ XVIII.

Святочные рассказы:

Предисловіе	5
Жемчужное ожерелье.	6
Неразвѣнный рубль	22
Звѣрь	31
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ. (Изъ кадет- скихъ воспоминаній).	51
Отборное зерно. (Краткая трилогія въ просонкѣ).	65
Обманъ	91
Штопальщикъ	124
Жидовская кувиркомлегія	140
Духъ господи Жанлисъ. (Спиритическій случай).	169

Томъ XIX.

Святочные рассказы:

Старый геній.	3
Путешествіе съ нигилистомъ	12
Маленькая ошибка. Секретъ одной московской фамиліи	20
Пугало	28
Фигура	79

Рассказы ксатати:

Совмѣстители.	105
Старинные психопаты	138

Томъ XX.

Рассказы ксатати:

Интересные мужчины.	3
Таинственный предвѣстія	61
Александритъ.	91
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ.	105
Умершее сословіе	119
Загонъ	132
По поводу Крейцеровой сонаты	165

Томъ XXI.

Рассказы ксатати:

Дама и фелѣла.	3
Голосъ природы	47
Сибирскія картинки XVIII вѣка. (Изъ дѣлъ си- бирской старины)	56
Вдохновенные бродяги. (Удалецкія «скаски»)	111
Сошествіе во адъ. (Апокрифическое сказаніе).	146

Томъ XXII.

Пекрещеный попъ. Невѣроятное событіе.	3
Владычній судъ. Быль. (Изъ недавнихъ воспоминаній)	55

	стр.
Явительный. Изъ Гостомельскихъ воспоминаній.	114
Продуктъ природы.	134
Домашняя челядь. Историческія справки по современному вопросу	150

Томъ XXIII.

На ножахъ. Романъ въ 6 частяхъ. Часть I и часть II, гл. I—VI.	5
---	---

Томъ XXIV.

На ножахъ. Часть II, гл. VII—XV, и часть III, гл. I—VI.	5
---	---

Томъ XXV.

На ножахъ. Часть III, гл. VII—XIX, и часть IV.	5
--	---

Томъ XXVI.

На ножахъ. Часть V	5
------------------------------	---

Томъ XXVII.

На ножахъ. Часть VI. Эпизодъ.	5
---------------------------------------	---

Томъ XXVIII.

Загадочный человѣкъ. Истинное событіе. (Съ письмомъ Н. С. Лѣскова къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу)	3
Зимній день. (Пейзажъ и жанръ)	112

Томъ XXIX.

Гора. Египетская повѣсть. (По древнимъ преданіямъ).	3
Повѣсть о богоугодномъ древоколѣ.	91
Прекрасная Аза	96
Скоморохъ Памфалонъ	108
Часть воли Божіей. Сказка.	166

Томъ XXX.

Легенда о совѣтномъ Данилѣ	3
Левъ старца Герасима. (Восточная легенда).	21
Аскалонскій злодѣй. (Пропишествіе въ Продовой темницѣ)	29
Сказаніе о Федорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ.	88
Невинный Пруденцій. (Легенда).	112
Брамадата и Радованъ. (Индійское сказаніе).	179

Томъ XXXI.

Печерскіе антики. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній)	3
Чортовы куклы. (Главы изъ неоконченнаго романа).	90

Томъ XXXII.

Блуждающіе огоньки. (Автобіографія Праотцева)	3
---	---

Томъ XXXIII.

Юдоль. (Рассодія).	3
О квакереяхъ. (Post-scriptum къ «Юдоли»).	97

	стр.
Пустошлясы. (Святочный рассказ)	106
Дурачокъ. (Рассказъ)	118
Легендарные характеры. (Опыт систематическаго обозрѣнія)	126
Малашья—голова баранья. (Сказка).	196

Томъ XXXIV.

Полунощники. (Пейзажъ и жанръ).	3
Павлинь. (Рассказъ)	105

Томъ XXXV.

Мелочи архіерейской жизни. (Картинки съ натуры)	3
Приложенія:	
Архіерейскіе объѣзды	139
Епархіальный судъ	157

Томъ XXXVI.

Мелочи архіерейской жизни. Русское тайнобращіе	3
Импровизаторы. (Картинка съ натуры)	47
Расточитель. (Драма въ 5 дѣйствіяхъ)	65

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
 00-320 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
 Tel. 26-63-63

Алфавитный указатель сочинений Н. С. Льскова.

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Александритъ	XX	91	Запечатлѣнный		
Антука	XIII	173	Ангель	III	5
Аскалонскій злодѣй	XXX	29	Захудалый родъ	XVII	5
Безстыдникъ	XVI	166	Звѣрь	XVIII	31
Блуждающіе огоньки	XXXII	3	Зямній день	XXVIII	112
Брамадата и Радованъ	XXX	179	Импровизаторы	XXXVI	47
Бѣлый орелъ	XIV	166	Инженеры - безсребренники	IV	51
Вдохновенные бродяги	XXI	111	Интересные мужчины	XX	3
Владычній судъ	XXII	55	Кадетскій монастырь	III	122
Воительница	XIII	3	Кольванскій мужъ	XIV	70
Голосъ природы	XXI	47	Котинъ дощлецъ и Платонида	XVI	86
Гора	XXIX	3	Левъ старца Герасима	XXX	21
Грабежъ	XIII	131	Легенда о совѣстномъ Данилѣ	XXX	3
Дама и фефѣла	XXI	3	Легендарные характеры	XXXIII	126
Домашняя челядь	XXII	150	Леди Магбетъ Мпенскаго уѣзда	XIII	83
Дурачокъ	XXXIII	118	Льша	IV	109
Духъ госложи Жанлесъ	XVIII	169	Маланья - голова баранья	XXXIII	196
Жемчужное ожерелье	XVIII	6	Маленькая ошибка	XIX	20
Жидовская луврыколегія	XVIII	140	Мелочи архіерейской жизни	XXXV—XXXVI	
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ	XX	105			
Загадочный чловѣкъ	XXVIII	3			
Загонъ	XX	132			

	ТОМЪ.	СТР.
На краю свѣта	VII	103
На ножахъ	XXIII—XXVII	
Невинный Пруденцій	XXX	112
Некрещеный пошь	XXII	3
Негудъ	VIII—XI	
Неразмѣнный рубль	XVIII	22
Несмертельный Головащъ	IV	5
Обманъ	XVIII	91
Обойденные	VI—VII	
Овцебыкъ	XIV	3
Одному	III	76
О квакеряхъ	XXXIII	97
Островитяне	XII	5
Отборное зерно	XVIII	65
Очарованный странникъ	V	3
Павлинь	XXXIV	105
Печерскіе антики	XXXI	3
Пигмей	III	108
Пламенная патриотка	XVI	157
Повѣсть о богоугодномъ дровоколѣ	XXIX	91
Полунощники	XXXIV	3
По поводу Крейперовой сонаты	XX	165
Праведники	III—IV	
Прекрасная Аза	XXIX	96
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ	XVIII	51
Продуктъ природы	XXII	134
Пугало	XIX	28
Пустоплясы	XXXIII	106
Нутешествіе съ нигилистомъ	XIX	12
Разказы ксати Ракушанскій мела медь	XIX—XXI	
	XIV	130

	ТОМЪ.	СТР.
Расточитель	XXXVI	65
Русскій демо-кратъ въ Польшѣ	III	158
Святочные рассказы	XVIII—XIX	
Сибирскія картинки XVIII вѣка	XXI	56
Сказаніе о Федорѣ христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ	XXX	88
Скоморохъ Памфалонъ	XXIX	108
Смѣхъ и горе	XV	5
Соборные. (Хроника)	I—II	
Совѣтители	XIX	105
Сожестіе во адѣ	XXI	146
Старинные психонаты	XIX	138
Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ	XVI	3
Старый гений	XIX	3
Таинственные предвѣстія	XX	61
Томленіе духа	XVI	148
Тупейный художникъ	XVI	126
Умершее слово	XX	119
Фигура	XIX	79
Часть воли Божіей	XXIX	166
Человѣкъ на часахъ	IV	142
Чертогонъ	XIV	187
Чортовы куклы	XXXI	90
Шерамуръ	V	136
Штопальщикъ	XVIII	124
Юдоль	XXXIII	3
Язвительный	XXII	114

F

24.124/34-36